

L 24/1.03
БЛИНОВ.

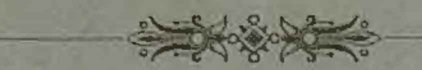
ЯЗЫЧЕСКІЙ КУЛЬТЪ ВОТЯКОВЪ.

Свящ. Николай Блиновъ,

дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго географическаго общества,

почетный членъ Нижегородскаго

и дѣйствительный членъ Вятскаго статистическихъ комитетовъ.

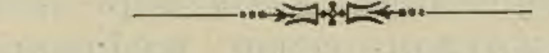
ВЯТКА.

Губернская Типографія.

1898.

ЯЗЫЧЕСКІЙ КУЛЬТЪ ВОТЯКОВЪ.

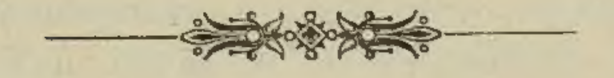

Свящ. Николай Блиновъ,

дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго географическаго общества,

почетный членъ Нижегородскаго

и дѣйствительный членъ Вятскаго статистическихъ комитетовъ.

ВЯТКА.

Губернская Типографія.

1898.

Дозволено цензурою, 28-го марта 1898 года. Москва.

Языческій культъ
вотяковъ.

Въ 1894—96 г. русское общество было заинтересовано сенсаціоннымъ дѣломъ „о человѣческомъ жертвоприношеніи". Послѣ двухъ кассацій Сенатомъ обвинительныхъ вердиктовъ, процессъ закончился оправданіемъ подсудимыхъ третьимъ составомъ присяжныхъ. Извѣстія, замѣтки, фельетоны о вотскихъ обычаяхъ, кровавыхъ жертвоприношеніяхъ и проч., обильно появлявшіеся предъ послѣднимъ разсмотрѣніемъ дѣла въ г. Мамадышѣ и можетъ быть оказавшіе нѣкоторое вліяніе на исходъ дѣла въ пользу семи обвиняемыхъ, для этнографической литературы не имѣли серьезнаго значенія. Между тѣмъ, изученіе религіозно-нравственной жизни и вообще умственнаго развитія вотяковъ—вопросъ особенной важности; такъ какъ, только располагая достаточно вѣрными данными, мы можемъ познакомиться съ причинами, которыя задерживали обрусѣніе этихъ инородцевъ. Задавшись мыслію сообщить спеціально бытовыя черты вѣрованій вотяковъ, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о какомъ либо участіи собственно судившихся вотяковъ или русскихъ изъ сосѣднихъ селеній въ убійствѣ, или „оскверненіи трупа", и будемъ упоминать о нѣкоторыхъ частностяхъ судебнаго дѣла лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда немногія данныя его могутъ послужить намъ для выясненія нашихъ взглядовъ на языческую религію вотяковъ-христіанъ. Обойти молчаніемъ это дѣло не представляется возможности *). Благодаря ему такъ много

*) Указывая на выдающееся значеніе мултанскаго дѣла, присяжный повѣренный г. Коробчевскій, обращаясь на судѣ къ присяжнымъ засѣдателямъ, сказалъ: „вашего приговора ждетъ нетерпѣливо и жадно (?) цѣлая Россія"; это дѣло имѣетъ огромное общественное значеніе, „при туманности слѣдственнаго матеріала" („Юридич. Газ." 1896 г. № 46).

лицъ поспѣшили высказать въ печати все, что знали о вѣрованіяхъ вотяковъ, и тѣмъ рельефнѣе обнаружилась удивительная неполнота свѣдѣній о цѣломъ инородческомъ племени. Мы, впрочемъ, ограничимся краткими замѣчаніями, чтобъ возстановить въ памяти читателей только существенныя фазы оффиціальнаго теченія дѣла.

I.

Въ Вятской губерніи, по близости села Стараго Мултана (Малмыжскаго уѣзда), въ началѣ мая мѣсяца 1892 года, на пѣшеходной тропѣ въ лѣсу, неизвѣстно откуда появился трупъ нищаго Матюнина безъ головы, безъ сердца и легкихъ. Трупы съ отрѣзанными головами, или только безъ правой руки, находили (въ Елабужскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ) и прежде. Мѣстные жители вотяки, извѣстными не имъ однимъ средствами, способствовали направленію слѣдствій къ „неизвѣстнымъ причинамъ", замерзанію и откусыванію головы и рукъ труповъ животными, а духовенство хоронило обезображенныхъ покойниковъ „по отношенію" станового пристава или слѣдователя. Въ окрестныхъ селеніяхъ циркулировали разсказы о „моленіяхъ", но тѣмъ все и ограничивалось. Мултанскому случаю придали болѣе значенія, чѣмъ подобнымъ же, бывшимъ ранѣе, и началось дѣло, которое первые два года производства, несмотря на необычность обстоятельствъ и на обвиненіе людей въ людскомъ же жертвоприношеніи и „принятіи человѣческой крови внутрь", не вызвало особаго вниманія къ себѣ со стороны общества и печати. По поводу его появились краткія замѣтки въ газетахъ „о стыдѣ предъ Европой", о „концѣ XIX вѣка", „каннибализмѣ" и т. п. Послѣ перваго разбора дѣла въ городѣ Малмыжѣ, въ 1894 году, печатались извѣстія только оффиціальнаго характера, обвинительный актъ, судебное рѣшеніе и немногія репортерскія отмѣтки. Сенатъ кассировалъ это рѣшеніе и назначилъ дѣло къ новому разсмотрѣнію въ городѣ Елабугѣ. Но и тогда въ обществѣ мало интересовались имъ; правда, уже въ нѣкоторыхъ солидныхъ журналахъ запутанному дѣлу были посвящены болѣе подробныя разсуж-

денія *). Къ самому разбору дѣла въ городѣ Елабугѣ (1895 года, сентября 29, 30 и октября 1 ч.) пріѣхалъ г. Короленко, который, вмѣстѣ съ двумя другими корреспондентами, составилъ подробный отчетъ о всемъ бывшемъ на судѣ. Затѣмъ, г. Короленко, осмотрѣвъ село Мултанъ, напечаталъ статью въ защиту подсудимыхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Русскомъ Богатствѣ" (ноябрь 1895 г.), протестуя противъ возможности каннибализма въ просвѣщенномъ государствѣ. Въ новомъ судебномъ производствѣ (въ г. Елабугѣ) оказались процессуальныя нарушенія, и Сенатъ постановилъ „приговоръ Сарапульскаго суда и рѣшеніе присяжныхъ отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Казанскій окружный судъ". Оберъ-прокуроръ Сената А. Ѳ. Кони охарактеризовалъ мултанское дѣло одной существенной и главной его чертой: „судебнымъ изслѣдованіемъ въ немъ констатируется извѣстное *бытовое явленіе*, произносится судъ надъ цѣлой народностью или цѣлымъ общественнымъ слоемъ и создается прецедентъ, могущій имѣть на будущее время значеніе судебнаго закрѣпленія виновности той или иной группы населенія. Результатъ дѣятельности суда въ такихъ случаяхъ является не только res indicata, но *историческое свидѣтельство* за или противъ той или иной морально-бытовой оцѣнки даннаго уровня культуры—въ цѣлой народности, или въ отдѣльныхъ ея классахъ, вотъ почему предѣлы изслѣдованія должны здѣсь раздвинуться, раздаться возможно шире, чтобъ приблизиться, по возможности, по полнотѣ и безстрастію къ *изслѣдованію научному*. Основанія приговора, изъ котораго вытекаетъ, что теперь, на порогѣ XX столѣтія, существуютъ человѣческія жертвоприношенія среди народа, который болѣе трехъ вѣковъ живетъ въ предѣлахъ и подъ цивилизующимъ воздѣйствіемъ христіанскаго государства, должны быть подвергнуты гораздо болѣе строгому испытанію, чѣмъ тѣ мотивы и данныя, по которымъ выносится обвиненіе въ заурядномъ убійствѣ" **).

Итакъ, правительственное учрежденіе, высшее въ нашемъ государствѣ, выражало желаніе или требованіе новымъ разсмотрѣніемъ мултанскаго дѣла выяснить принципіально—

*) „Русское Богатство" 1895 г. № 6 „Изъ современной хроники".

**) „Юридич. Газета" 1895 г. № 101.

существуютъ ли у инородцевъ человѣческія жертвоприношенія. Послѣ разсмотрѣнія дѣла въ третій разъ съ 28 мая по 4 число іюня (въ городѣ Мамадышѣ), вердиктомъ присяжныхъ судившіеся вотяки признаны невиновными въ убійствѣ нищаго Матюнина. Но такой благопріятный исходъ дѣла служитъ ли окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о моральной виновности русскаго общества: противъ него выставляется тяжкое обвиненіе въ слабости или даже ничтожности культурнаго вліянія на сравнительно ничтожную группу инородцевъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, пользующихся всѣми гражданскими правами. Мы понимаемъ увлеченіе защитниковъ, выигравшихъ на судѣ дѣло; но кажется странною и даже непонятною увѣренность въ томъ, что судебное рѣшеніе можетъ служить рѣшительнымъ разъясненіемъ самыхъ сложныхъ вопросовъ бытовой жизни. При томъ, мултанское дѣло, какъ упомянуто, даже Сенатомъ признано обставленнымъ слабо и съ судебной и съ этнографической стороны. Какъ были до послѣдняго разбора дѣла, такъ и послѣ него остались люди съ двумя противуположными мнѣніями: *первыми* признается, что у вотяковъ существуютъ человѣческія жертвоприношенія и мултанскіе извѣстные жители виновны въ убійствѣ Матюнина съ цѣлію и проч. Это точка зрѣнія обвинительной власти и многихъ мѣстныхъ жителей. Профессоръ г. Смирновъ и послѣ разбора дѣла печаталъ статьи, въ которыхъ выражалъ увѣренность въ жертвоприношеніи нищаго именно мултанцами. *Второе* мнѣніе—человѣческихъ жертвоприношеній вообще не бываетъ и мултанцы безусловно невиновны въ убійствѣ нищаго. Такъ утверждали защитники подсудимыхъ. Такой взглядъ, послѣ дѣла, усвоенъ и въ нѣкоторыхъ органахъ печати. Нашлись даже лица, которыя, желая обѣлить вотяковъ, представляли русскихъ крестьянъ, сосѣдей ихъ, отвратительными людьми, способными на „оскверненіе трупа въ видахъ мести вотякамъ села Мултана“. (Докладъ г. Ф. Патенко въ Обществѣ Научной Медицины въ Харьковѣ).

При безпристрастномъ литературномъ обсужденіи вопроса, насъ занимающаго, мы оставляемъ въ сторонѣ криминальную сторону его и ставимъ тезисъ: судившіеся три раза мултанскіе жители не виновны въ убійствѣ нищаго, но

вообще человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* у вотяковъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Прежде всего, обратимъ вниманіе на этнографическія данныя, отмѣченныя въ мултанскомъ „дѣлѣ“, касающіяся лицъ дѣйствующихъ при „моленіяхъ“.

II.

Какъ только мѣстная обвинительная власть признала возможнымъ по мултанскому дѣлу расширить рамки обвиненія, не ограничившись простымъ изслѣдованіемъ единичнаго случая убійства, а придала ему общій характеръ—жертвоприношенія *), каждый изъ насъ вправѣ ожидать найти въ обвинительномъ актѣ, если не вполнѣ научное изслѣдованіе о языческихъ жертвоприношеніяхъ, то хотя достаточно правильное описаніе обычнаго процесса „моленія“ (закланія), который, относительно животныхъ, не обставляется таинственностію. Однако, почти съ первыхъ словъ акта мы замѣчаемъ неточности. Читаемъ: „для совершенія моленій избираются особые жрецы; изъ нихъ главный именуется „бодзимь-босясь“,—безъ него не можетъ быть и моленія. За нимъ слѣдуетъ „тыръ-босясь“, вродѣ нашего діакона, на обязанности котораго лежитъ сборъ пожертвованій для будущихъ моленій, а затѣмъ два „покчи-босяся“—младшихъ жреца. Послѣдніе помогаютъ главному жрецу, придерживая жертву въ то время, когда „бодзимь-босясь“ рѣжетъ ее, и собирая выпускаемую изъ жертвы кровь“.

Въ этомъ описаніи языческой іерархіи далеко не все справедливо. Жрецъ при вотскомъ моленіи не „босясь“; русское слово „молитвы“ обозначается по вотски „восяськыны“: „вось“ — жертвоприношеніе, „восяны“ — принести жертву. „Бодзимь“, собственно „быдзьымъ“, значитъ—большой, старшій; въ Глазовскомъ уѣздѣ жрецъ называется—„дэкъ-попъ“; въ Осинскомъ уѣздѣ—„курысконъ“. Далѣе, въ актѣ сказано: „тыръ-босясь“—вродѣ нашего „дьякона“. Ни малѣйшаго подобія нѣтъ. „Тыръ“—почетное лицо, не принимающее актив-

---

*) Въ обвинительномъ актѣ сказано: „хотя вотяки упорно отрицаютъ существованіе у нихъ человѣческихъ жертвоприношеній, но послѣднее *не подлежитъ сомнѣнію*“...

наго участія въ жертвенныхъ обрядахъ и моленіяхъ. Это какъ бы патріархъ извѣстной мѣстности (на нѣсколько селеній). Подробнѣе о немъ скажемъ при описаніи обрядности общественныхъ моленій. Кромѣ „тыръ“ и быдзьымь-восясеи“ при жертвоприношеніяхъ находится третье лицо спеціально для закланія жертвъ—„парчась“ или „парчаскись“. О такихъ служебныхъ разграниченіяхъ вотскихъ „восясей“ на судѣ опредѣленно никто не могъ сказать. Между тѣмъ, вслѣдствіе этого дефекта въ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, въ судебномъ дѣлѣ игнорируются существенныя стороны. Ни „бодзимь“, ни „тыръ восяси“ не только сами никогда, на общественныхъ моленіяхъ, не рѣжутъ жертвенное животное, но совсѣмъ не касаются его. „Бодзимь“ только распоряжается и молится, при „моленіи“ льетъ поданную „покчи-восясемъ“ кровь въ огонь и др. под.; а „тыръ“ лишь сидитъ въ шалашѣ, принимаетъ поклоненіе приходящихъ и пьетъ подносимую ими кумышку. Только при послѣднемъ разборѣ дѣла второй экспертъ о. Верещагинъ правильно объяснилъ: „обязанность помощниковъ „восяся“ „парчасей“ состоитъ въ томъ, что они колютъ животныхъ и варятъ ихъ, а жрецы, какъ посредники между божествами и народомъ, исполняютъ только молитвенный обрядъ“. О „тыръ-восясѣ“ онъ не упоминаетъ. Для закланія жертвенныхъ животныхъ, вопреки увѣреніямъ изслѣдователей вотскаго быта, не требуется обязательно выборное лицо; назначаютъ рѣзакомъ того, кто опытнѣе и чистоплотнѣе, или по жеребью. У вотяковъ-язычниковъ Осинскаго уѣзда, какъ сообщаетъ г. Тезяковъ, на жертвенномъ мѣстѣ животныхъ рѣжутъ хозяева, продавшіе ихъ для моленія, которые и исполняютъ обязанности помощниковъ жрецовъ—„парчась“. Что рѣзакъ—не служебная обязанность, доказывается еще тѣмъ, что его не называютъ по должности „парчась“, а всегда по имени (Иванъ, Михайло и др.); тогда какъ, не говоря о „бодзимь-восясѣ“, даже прислужники при моленіяхъ почитаются званіемъ „покчи-восясь“ (въ Глазовскомъ уѣздѣ—„почи-попъ“), и еще низшихъ участниковъ моленій—погонщиковъ называютъ „годокъ“. Профессоръ г. Смирновъ, при описаніи одного вотскаго жертвоприношенія, упоминаетъ: „парчасемъ является или выборное лицо, или *первый желающій* (В., стр. 241). Какъ экспертъ на судѣ, профес-

соръ г. Смирновъ и затѣмъ г. Богаевскій выражаютъ недоумѣніе относительно *мѣста* для жертвоприношенія (въ шалашѣ одного рода) и *лица*, подозрѣваемаго въ „моленіи“ жертвы: „лицо должно быть выборное, а здѣсь нанятое“. По поводу такого замѣчанія экспертъ, бывшій на судѣ, о. Верещагинъ могъ сказать то же, что значится въ его статьѣ „Остатки язычества у вотяковъ“ *)—жрецы вотскіе раздѣляются на временныхъ и постоянныхъ. Подъ первыми должно разумѣть тѣхъ, которые избираются только на время, по жребію, для предназначеннаго жертвоприношенія“. Въ послѣдней экспертизѣ о. Верещагинъ рѣшительно говоритъ: „что касается чрезвычайныхъ жертвоприношеній, то для этого на время жертвоприношенія избираются *всегда* особые жрецы—восясь“. Но никто изъ упомянутыхъ лицъ не обратилъ вниманія на другое болѣе важное обстоятельство. Жрецы „постоянные“, какъ называетъ о. Верещагинъ, служатъ или только при общественномъ (въ лѣсу) мольбищѣ, или только въ шалашѣ родовомъ („утись“), и при отправленіи службы не перемѣшиваются. Между тѣмъ, въ числѣ обвинявшихся были лица, избранныя для службы кто въ шалашѣ, кто на мольбищѣ въ лѣсу. Другое дѣло—съ шалашами общественными—„куалами“. Г. Богаевскій утверждаетъ, что „присутствіе чужеродцевъ оскорбляетъ божество, обитающее въ шалашѣ—святилищѣ своего рода“. Это несправедливо. Въ общественный шалашъ могутъ приходить, если пожелаютъ, вотяки даже изъ чужихъ деревень и вообще, кому угодно; вотъ, если войдетъ, во время молитвы, татаринъ, то молящіеся разсердятся. Наконецъ, ни на чемъ не основано главное положеніе г. Богаевскаго: „въ родовомъ шалашѣ можетъ быть приносима жертва лишь божеству, обитающему въ немъ“. Во всѣхъ шалашахъ вотяки молятся собственно богу—„Инмару“ о счастіи въ жизни, и лишь только прибавляютъ въ молитвѣ „воршудное“ имя, гдѣ этотъ обычай еще сохранился.

Недостатки экспертизы обнаруживаются почти по всему процессу. Мы не имѣемъ намѣренія умалять серьезныя достоинства познаній этнографовъ, но факты на лицо. Далѣе мы приведемъ ихъ еще болѣе. Неопредѣленность свѣдѣній по языческимъ жертвоприношеніямъ вполнѣ объясняется

*) „Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1896 годъ“.

трудностію узнать подробности о нихъ. О. Верещагинъ, въ упомянутой статьѣ, говоритъ: „что же касается жрецовъ, то они тайну видѣній божествъ въ галлюцинаціи, равно и обрядовъ жертвоприношенія въ скрытыхъ мѣстахъ охраняютъ зорко. И своимъ единомышленникамъ, не особенно приверженнымъ къ обычаямъ предковъ, сообщать кое-что считаютъ какъ бы преступленіемъ, влекущимъ за собою кару божества. И совершаются сами обряды тайно въ лѣсахъ, гдѣ присутствовать женскому полу положительно воспрещается. Мы говоримъ о скрытыхъ мѣстахъ жертвоприношеній, гдѣ обряды совершаются тайно только нѣсколькими домохозяевами, преимущественно пропитанными до мозга костей суемудріемъ и суевѣріемъ. Высмотрѣть жертвоприношеніе въ подобныхъ мѣстахъ или совершенно невозможно, или весьма трудно" (стр. 256). Несмотря на все это, авторъ предлагаемыхъ здѣсь очерковъ, хотя и не безъ труда, получилъ возможность разобраться въ массѣ сбивчивыхъ сообщеній, благодаря лишь вызванному къ себѣ довѣрію лицъ хорошо знающихъ „вотскую вѣру"—дѣтей бывшихъ старшихъ жрецовъ.

III.

Кромѣ „ритуала" жертвоприношеній, вообще этнографическія свѣдѣнія о духовной жизни вотяковъ въ литературѣ довольно не полныя. Г. Короленко совершенно справедливо смущается неясностію объясненій двухъ трехъ вотскихъ словъ—названій предметовъ важныхъ въ языческомъ культѣ. Рѣчь идетъ о словахъ „мудоръ" и „воршудъ". На вопросъ этнографа о значеніи ихъ, говоритъ г. Короленко, получается цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ отвѣтовъ: по словамъ г. Богаевскаго выходитъ, будто „мудоръ" есть родовое имя, „тогда какъ всѣмъ извѣстно, что это слово—синонимъ воршуда"—рѣшительно утверждаетъ профессоръ г. Смирновъ („Вотяки", стр. 295). Г. Богаевскій даетъ указаніе, что „воршудныя имена—имена давно забытыхъ богатыхъ и славныхъ (!) богинь". Онъ же прежде увѣрялъ, что „мудоромъ называется духъ-покровитель рода". Другіе этнографы говорятъ: „воршудъ—это идолъ, помѣщающійся въ переднемъ углу квалы" (Кошурниковъ и Бушъ). Воршудъ—зола изъ очага. „Воршудъ—богъ счастія семейной жизни", или „коробка съ

монетой, оловянной или свинцовой бляшкой, хвостикомъ бѣлки, золой" (о. Верещагинъ). Воршудъ — боготворимый ящикъ на полкѣ, хранящійся въ домашнемъ шалашѣ. „Воршудъ—христіанскій ангелъ-хранитель". „Воршудъ—синонимъ Инмара". „Воршудъ" значитъ родовое божество; „воршудъ"—изображеніе родового божества—идолъ и символическій знакъ рода, эмблема" („Эскизы преданій" Н. Первухина). „Мудоръ"—дерево покровитель и его части—вѣтви". „На „мудорѣ" (на вѣткахъ) стоитъ воршудъ (коробка)". „Мудоръ просто жертва предъ иконой". „Мудоръ—икона, образъ". Г. Короленко, по свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ на мѣстѣ, по осмотрѣ шалаша, даетъ заключеніе: „вмѣсто мудора—икона, вмѣсто воршуда—обрядъ освященія хлѣбовъ". Но наиболѣе удивительныя по несообразности объясненія таинственныхъ для этнографовъ двухъ словъ находятся въ книжкѣ г. Богаевскаго „Мултанское моленіе вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ". Въ ней авторъ утверждаетъ: „роды и семьи вотяковъ находятся подъ покровомъ Мудоровъ, Иниву и Воршудовъ. Нѣтъ, повидимому, ни одного событія въ жизни вотяка даннаго племени—рода, семьи, въ которомъ не принимало бы участіе одно изъ названныхъ *божествъ*". Далѣе оказывается, что „есть основаніе предполагать, что названія Воршудъ, Иниву и Мудоръ принадлежатъ *одному* и тому же *божеству*, что вполнѣ подтверждается изученіемъ ихъ культа". При чемъ „святилище Воршуда—божества-хранителя семьи, божества строгаго и взыскательнаго" устраивается во дворѣ каждаго вотяка, а „Мудору или Иниву", называемому иногда Воршудомъ большого шалаша, строится святилище нѣсколько большее по размѣрамъ, для цѣлаго рода—племени" (общественный шалашъ). Наконецъ, по изслѣдованію г. Богаевскаго, оправдывается его „предположеніе объ одномъ и томъ же происхожденіи культовъ Воршуда родового шалаша и Кереметя".

При такомъ разнообразіи и противорѣчіи въ толкованіяхъ, повидимому, приходится отказаться даже отъ мысли выяснить подлинное значеніе пресловутыхъ двухъ словъ. Между тѣмъ, объясненіе ихъ можетъ быть дано рѣзко опредѣленное, и предметы, обозначаемые ими, совершенно точно разграничены между собою. Затрудненіе въ опредѣленіи за-

интересовавшихъ этнографовъ словъ зависитъ, отчасти, отъ непониманія вотяками техники перевода и ограниченнаго знанія русскаго языка. Напримѣръ, вы спрашиваете глазовскаго вотяка: что такое „чипей“? Онъ отвѣчаетъ: „чорыгъ“; но подумавъ, говоритъ: „рыба“, „чипей—это *рыба*“. „Чипей“ значитъ *щука*, „чорыгъ“—*рыба*. Понятно, что „чипей“ (щука)—рыба; но незнакомый съ вотскимъ языкомъ изслѣдователь будетъ спутанъ. Что такое „Мудоръ“? Вотякъ не въ состояніи точно объяснить это слово; оно связывается въ его понятіи со словомъ „воршудъ“, съ молитвенными обращеніями къ богу: вотъ и получается выводъ: „мудоръ -синонимъ воршуда“. При другомъ случаѣ является новое объясненіе: „на мудорѣ стоитъ воршудъ“, „мудоръ — дерево - покровитель, духъ, богъ“ и проч. А все объясняется такъ просто. „Мудоръ“—это подставка, помѣщеніе для воршуднаго приношенія. Назначеніе „мудора“ приблизительно сходное съ тѣмъ, какое у насъ дается кіоти, божницѣ („мугоръ“—тѣло человѣка, туловище); въ болѣе развитой обрядности слово „мудоръ“ означало бы жертвенникъ“, каковое назначеніе дѣйствительно имѣетъ онъ при моленіи въ квалѣ; нѣкоторые вотяки даже прямо переводятъ „престолъ“. Въ отдаленныя времена такимъ жертвенникомъ могло служить какое либо дерево, такъ какъ, при нѣкоторыхъ моленіяхъ вотяковъ, присутствію деревьевъ на мольбищѣ придается важное значеніе: для моленій въ домашнихъ и общественныхъ шалашахъ роль мудора замѣнила небольшая чистая *доска*, прикрываемая древесными вѣтками и травой. Затѣмъ, неправильность обозначенія предметовъ, входящихъ въ составъ молитвенныхъ обрядовъ, зависитъ отъ искаженія словъ въ произношеніи *). Значительная часть словъ живого языка въ

*) При обозначеніи въ печати нѣкоторыхъ свойственныхъ языку вотяковъ звуковъ въ словахъ употребляются особенныя буквы, русскія же, но съ придатками подстрочными или надстрочными, или же вносятся латинскія буквы и тоже со значками (наприм., у проф. г. Смирнова въ книгѣ „Вотяки“). Во избѣжаніе этого, мы употребляемъ здѣсь тѣ буквы, которыя по звуку ближе подходятъ къ произношенію русскихъ, ставя предъ такою буквою мягкій знакъ. Наприм., средній звукъ между *ы* и *э* обозначается въ спеціальныхъ изданіяхъ чрезъ о съ двумя точками вверху, или другимъ значкомъ надъ буквой; мы въ такихъ случаяхъ пишемъ здѣсь *ьы*; или еще: въ произношеніи *с* и *ч* сливаются въ одинъ звукъ, мы вездѣ ставимъ *с*; наприм., „чӧд“ мы обозначаемъ „сьыд“ и т. д.

теченіе продолжительнаго времени, въ разныхъ мѣстностяхъ, хотя бы у одного и того же племени, легко измѣняется въ произношеніи. Вотяки, разобщенные между собою прежде непроходимыми лѣсами и болотами, къ настоящему времени имѣютъ нѣсколько нарѣчій. Въ свое время, при образованіи составныхъ словъ, безъ сомнѣнія, входятъ въ употребленіе два или три слова, каждое въ отдѣльности имѣющія опредѣленный смыслъ. Впослѣдствіи, отъ сокращеній, или неправильнаго произношенія, которое либо изъ словъ, входящихъ въ составное, какъ бы утрачиваетъ всякій смыслъ; но это не даетъ права утверждать, что они таковыми были при самомъ образованіи составного слова. Вотскія „нарѣчія" наиболѣе измѣненій потерпѣли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти инородцы ранѣе вступили въ болѣе близкія отношенія съ другими народностями—татарами, болгарами, вновь татарами, а потомъ русскими. Приблизительно правильный выговоръ словъ можно встрѣчать въ глухихъ мѣстностяхъ. Въ Вятской губерніи такимъ краемъ мы считаемъ сѣверную часть Елабужскаго, куда русскіе колонизаторы явились уже во второй половинѣ истекающаго столѣтія, занимая земли не только рядомъ съ вотскими селеніями, но и входя въ составъ сельскихъ обществъ вотяковъ. Къ сожалѣнію, именно съ этимъ краемъ менѣе знакомы изслѣдователи вотскаго быта.

Что значитъ слово „вор-шудъ"? Ни на Глазовскомъ, ни на Сарапульскомъ нарѣчіи первое слово, составляющее часть составного слова, непереводимо; а второе—„шудъ"—значитъ счастіе, довольство. Все слово „воршудъ" Борисъ Гавриловъ переводитъ „хранитель счастія", а о. Верещагинъ —„питаемое или хранимое счастіе". Н. Первухинъ объясняетъ: „воршудъ" происходитъ отъ „вордыны" (хранить, оберегать, держать въ тайнѣ) и „шудъ" (счастіе—участь, доля, жребій), а все слово—„сокрытую отъ насъ судьбою таинственную долю нашу". Когда мы въ Васильевской (бывшей Макань-Пельгинской) волости (Елабужскаго уѣзда) начали разговоръ о воршудѣ, намъ сказали, что здѣсь этого нѣтъ; но, при болѣе опредѣленномъ объясненіи вопроса, получился отвѣтъ: „а, это „вож-шудъ". Въ восточной части Елабужскаго уѣзда говорятъ „вож-шудъ" *).

*) „Вож" по-русски означаетъ раній возрастъ: младенецъ, жеребенокъ до года (съ года будетъ „толэсъ"), зеленый листъ. „Выжи"—племя, наприм.,

Со словомъ „вуж-шудъ“, или „вож-шудъ“, или, какъ принято уже въ печати называть, „воршудъ“ соединяется понятіе о двухъ предметахъ—отвлеченномъ и матеріальномъ. Вотяки увѣрены, что, въ старое время, предки ихъ жили лучше, чѣмъ они сами теперь живутъ; первые люди—родоначальники, основатели селенія, были счастливы, пользовались всѣми удобствами—лѣсу было много, земля плодородная, налоги легкіе; оттого они имѣли въ изобиліи хлѣба, скота, были здоровы. И вотъ, потомки ихъ, родъ за родомъ молятся богу—Инмару, чтобъ имъ жилось и нынѣ такъ же хорошо и счастливо, какъ въ старину; однимъ словомъ—настало „вуж-шудъ“; при чемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Глазовскомъ и другихъ уѣздахъ) поминается и названіе первоначальнаго селенія—„вуж-шудъ“ (старое счастіе) Бигра, или „вуж-шудъ Купья“ и др. Если часть населенія выдѣлится и образуется другое селеніе съ новымъ названіемъ, то и тамъ поминается въ молитвѣ имя перваго селенія. Но въ сѣверозападной части Елабужскаго уѣзда вуж-шудныя имена не поминаются совсѣмъ. Однакожъ, по склонности вотяковъ олицетворять все, что, по ихъ мнѣнію, вліяетъ на ихъ жизнь, между „простыми“ людьми, не „восясями“, мало посвященными въ тонкости догматики „вотской вѣры“, со словомъ „вуж-шудъ“ соединяется представленіе, подобное христіанскому понятію объ ангелѣ-хранителѣ. Воршудныя (названіе принятое этнографами) имена должны быть разсматриваемы независимо отъ упоминаній въ моленіяхъ. Еще прежде нами удостовѣрено было, что воршудныя имена даютъ намеки къ разъясненію родственныхъ родовъ. Напримѣръ, весьма распространенъ родъ первоначально населявшій гдѣ то селеніе „Чабья“ („чабей“—пшеница); потомки его, нынѣ разбросанные на сотни верстъ, образуютъ деревни въ Глазовскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ; они жили въ Казанской губерніи—въ Мамадышскомъ уѣздѣ (нынѣ то селеніе занято татарами) и живутъ на югѣ Пермской губерніи—въ Осинскомъ уѣздѣ, гдѣ у вотяковъ-язычниковъ есть воршудное имя—Чабья. Но переселенцы къ родовому названію селенія прибавляютъ второе; наприм., 1) Айдуанъ, или Муртазинъ-Чабья, 2) Игуръ-Чмо-Чабья и 3) Туэъ-

„Трык-выжи“—племя Трыкское (изъ Малмыжскаго уѣзда), „Будла-выжи“, „Удчуръ-выжи“ и друг.

мо-Чабья. Отличительныя названія даны или по именамъ первыхъ переселенцевъ, или по принадлежности земли предшествовавшимъ владѣльцамъ ея и др.

Итакъ, „воршудъ“ есть испорченное составное слово „вуж-шудъ“, упоминаемое въ молитвѣ для опредѣленія полноты счастія, необходимаго довольства въ жизни, въ смыслѣ— „какъ жили въ старину счастливо, такъ и впредь было бы“ (объясненіе вотяка). Но ни въ какомъ случаѣ „вуж-шудъ“ или воршудъ—*не богъ*, какъ считаетъ о. Верещагинъ и г. Богаевскій, и не синонимъ „Инмара“. Вотяки молятся не богу счастія, а *о счастіи*, которое просятъ у Бога. Въ этомъ существенная ошибка этнографовъ: они переводили просьбу о счастіи—„воршудэ курыськонъ“ собственнымъ именемъ, приписывая его особому божеству. Напримѣръ, въ молитвѣ говорится: „Дурга воршудэ дзечь участка-дэ сётъ, дзечь шуддэ сётъ“—хорошее старое счастіе Дурга, удачу дай (Боже), лучшее счастье дай; а Первухинъ перевелъ такъ: „Воршудъ Дурга! хорошей удачи подай, хорошаго счастья подай“ и т. д. Это далеко не единственный случай. Другимъ примѣромъ того, какъ ошибки въ переводахъ на русскій языкъ весьма важныхъ словъ въ культѣ вотяковъ легко допускаются этнографами, можетъ служить неправильное объясненіе тоже только двухъ другихъ молитвенныхъ словъ. Вотяки часто произносятъ молитвенное призываніе: „Осто кóзма!“ Покойный Первухинъ во множествѣ изданныхъ имъ вотскихъ молитвъ слово „óсто“ перевелъ „помилуй насъ“. О. Верещагинъ говоритъ, что „Осте“ означаетъ „благослови“, а слово „козма“, по его предположенію, „имя древняго языческаго божества“ *). Все это несправедливо: „Осто козма!“ означаетъ „Господи благослови!“ Что такой переводъ несомнѣнно вѣрный,—приведемъ и печатныя доказательства. Въ „Начаткахъ христіанскаго ученія“ 1828 года первая заповѣдь закона Божія читается: „Монъ ваньъ *Осто* Инмарэдъ тынадъ“ (Азъ есмь *Господь* Богъ твой...) Въ томъ же значеніи „Осто“ употребляется и во многихъ другихъ мѣстахъ этой книги. За послѣднее время, въ учебникѣ г. Иелентьева (1889 г.), молитвословіе „Господи, благослови“ переведено: „Осто, Инмаре, кóзма!“

---

*) „Вотяки Сарап. у.“, стр. 106

При молитвахъ Богу (Инмару) въ шалашахъ —семейномъ и общественномъ, для умилостивленія его требуются жертвы, приношенія; таковыми являются: кумышка и пиво (въ бурачкахъ, или „бокалахъ" деревянныхъ), хлѣбъ съ коровьимъ масломъ и съ мясомъ сверху, каша. Эти приношенія, употребляемыя при воршудныхъ (семейныхъ) моленіяхъ, и сами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но не вездѣ, получаютъ названіе „воршудъ"; и могутъ быть сравниваемы, съ внѣшней стороны, напримѣръ, съ кутьей при панихидѣ, или съ просфорой. Въ болѣе распространенномъ, такъ сказать обиходномъ значеніи, словомъ воршудъ обозначается то, что у разныхъ народовъ, на разныхъ степеняхъ культурнаго развитія, носитъ имя: фетишъ, таллисманъ, амулетъ, символъ, посвященіе, счастіе. Въ нашемъ обществѣ, у однихъ „счастіе" ставится въ зависимость отъ св. образа (родовая икона—„благословеніе", или принесенная изъ какой либо обители и пр.), у другихъ—отъ обыкновенной вещи, полученной при исключительныхъ обстоятельствахъ, у иныхъ—отъ старой монеты, у нѣкоторыхъ просто—отъ двойчатки орѣха, лежащаго въ кошелькѣ. Одни надѣются на счастливый исходъ всякихъ дѣлъ, если обратятся не непосредственно къ Господу Богу, а къ одному святому (есть даже на этотъ случай брошюра Пермскаго прот. Евгенія Попова), а другіе считаютъ достаточнымъ „во время" произнесть извѣстный текстъ, или изрѣченіе (наприм., „помяни, Господи, Давида" и пр.). Такимъ образомъ и у вотяковъ затрудненіе въ опредѣленіи слова „воршудъ" кажущееся, оно исчезаетъ, когда данныя объясненія мы подведемъ подъ соотвѣтствующее обобщеніе значенія слова. Объясненіе наше подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что при раздѣлѣ, для вновь образующейся семьи, по устройствѣ дома и шалаша при немъ, изъ стараго бурачка, находящагося на мудорѣ, въ новый бурачокъ отливаютъ часть смѣси кумышки съ пивомъ; это означаетъ, что старая семья и счастьемъ старымъ подѣлилась съ новой.

IV.

Путаницу въ объясненіяхъ этнографовъ слова „мудоръ", что это „богъ", икона, дерево-покровитель, духъ дерева и т. д. мы затрудняемся объяснить. Значеніе „мудора", наи-

больнее какъ *жертвенника*, намъ представляется настолько яснымъ, что можемъ только предполагать, что вотяки, отвѣчавшіе на вопросы изслѣдователей, или говорили намѣренно неправду, или незнали, какъ объяснить по русски, или можетъ быть, видя сходство во внѣшности доски—мудора—съ доскою иконы, считали, что у православныхъ христіанъ икона то же, что у вотяковъ „мудоръ".

При семейныхъ моленіяхъ въ своемъ шалашѣ, воршудное приношеніе—хлѣбъ и др., въ нѣкоторыхъ селеніяхъ оставляютъ на мѣстѣ на ночь или на трое сутокъ; и для того, чтобъ кошки или мыши не съѣли это приношеніе, для него устраивается прикрытіе и мудоръ представляетъ собой шкапикъ, ящикъ грубой работы, приблизительно въ полъаршина въ высоту, а въ длину и ширину по мѣрѣ доски—мудора. Если имѣется дверка, то она отворяется, когда ставятъ на мудоръ хлѣбъ съ мясомъ и бурачокъ; а при выходѣ изъ шалаша дверка затворяется; или, если ея нѣтъ, наружныя дощечки приставляются къ ящику плотно. Тамъ, гдѣ нѣтъ обычая устраивать ящикъ, „мудоромъ" служитъ доска вершковъ 12 въ длину и 10 вершковъ въ ширину. Такая доска всегда находится въ кualѣ (въ шалашѣ) на полкѣ. Оттуда ее снимаютъ только разъ лѣтомъ (30 іюня), чтобъ вымыть и очистить отъ пыли и копоти. Въ общественныхъ шалашахъ иногда роль „мудора" исполняетъ одна доска-полка, на которую и составляются приношенія послѣ молитвы; но бываютъ не только отдѣльныя доски, но и ящики (коробки), о чемъ скажемъ далѣе. Г. Тезяковъ описываетъ „мудоры" (ошибочно называя ихъ „воршудами") въ родовой куалѣ у вотяковъ-язычниковъ Осинскаго уѣзда такъ: „на полкѣ лежали два деревянныхъ кругляша длиною въ ½ аршина, шириною въ 2—3 вершка, на нихъ *небольшая доска*, а на ней 2—3 пучка соломы, прикрытые сверху опять доскою. Такихъ воршудовъ (мудоровъ) на полкѣ бываетъ обыкновенно по два; предъ однимъ молятся мужчины, предъ другимъ женщины". Г. Потанинъ, описывая „куалу" (въ восточной части Елабужскаго уѣзда), сообщаетъ: „въ ней у задней стѣны на полкѣ помѣщается лубяной коробокъ, опрокинутый вверхъ дномъ на отдѣльную дощечку; подъ нимъ на доскѣ лежитъ обыкновенно нѣсколько еловыхъ вѣтокъ. Кромѣ того, тутъ

же лежатъ бурачокъ и ложка: это домашній фетишъ—воршудъ, или вожшудъ" *). Что же собственно, по мнѣнію г. Потанина, называется „вожшудомъ"? Видимо—лубяной коробокъ, или всѣ предметы въ совокупности—буракъ, ложка и пр. Между тѣмъ, здѣсь важна только дощечка, которая представляетъ собой „мудоръ"; на него ставятся вожшудныя приношенія и на ночь (отъ мышей) закрываются лубяной коробкой, а она, сама по себѣ, не представляетъ никакого значенія; вожшуда тутъ совсѣмъ нѣтъ.

Настаивая на своемъ объясненіи словъ „мудоръ" и „воршудъ", мы считаемъ необходимымъ здѣсь дать описаніе, по личнымъ наблюденіямъ, мудоровъ и обстановки нѣкоторыхъ шалашей, посѣщенныхъ нами. Въ небольшой деревнѣ (35-ти дворовъ) Нинекъ (по вотски „Ынэгъ, Васильевской волости) многіе вотяки бросили языческія моленія, даже не имѣютъ своихъ шалашей. Вліяніе прозелитовъ-христіанъ настолько сильно, что въ общественномъ шалашѣ послѣдніе два года уже не бываетъ моленій; но вся бывшая обстановка въ немъ сохраняется неприкосновенною. Шалашъ большой изъ нетолстаго лѣса, немшеный; крыша, по обычаю, изъ досокъ, не близко сходящихся между собою вверху, полъ земляной, сырой. Справа и слѣва отъ входа большія нары и предъ ними прочные столы, налѣво отъ входа для мужчинъ, направо—для женщинъ. У стѣны, противоположной входу, высоко чрезъ весь шалашъ широкая полка, посрединѣ ея „мудоръ"—толстая доска около аршина длины и четверти три ширины. Мудоръ положенъ на два бруска, загнутые впереди вверхъ, въ видѣ полозьевъ. Съ мудора спускаются, въ аршинъ длины, вѣтки березы съ листьями, а поверхъ нихъ въ срединѣ мудора виситъ борода изъ болотной травы—осоки, уже высохшей и побѣлѣвшей; ее разъ въ году берутъ или изъ одного и того же мѣста—съ кочки, или съ того поля, которое въ томъ году занято рожью и трава еще не скошена. Осока и прутья березы придерживаются на мудорѣ трехграннообтесанной палкой. Нѣсколько ниже подъ полкой устроены съ боковъ небольшія полки аршина два длиной. На нихъ лежатъ довольно искусно выточенныя большія блюда

*) Г. Н. Потанинъ. „У вотяковъ Елабужскаго уѣзда" (въ дер. Варзиятчи). „Изв. Общ. археол. и др. при Казанскомъ унив." т. III. 1880—1882 г.

и чапечки, въ видѣ черпушекъ или ковшиковъ съ острыми носами и горизонтальной ручкой. Въ одномъ ковшикѣ лежали мѣдныя деньги—мелочь. По обѣ стороны шалаша на стѣнахъ и шестикахъ висятъ полотенцы, скатерти и между ними кнутъ (гонять шайтана). Посрединѣ, ближе къ передней стѣнѣ, надъ очагомъ для котловъ четыре деревянные крюка, скрѣпленные между собою тоже деревянными планками. Вообще вся обстановка показываетъ, что еще въ недавнее время здѣсь молились усердные почитатели языческихъ „боговъ“. Подъ настойчивымъ воздѣйствіемъ двухъ-трехъ христіански настроенныхъ мѣстныхъ вотяковъ и крестьянъ сосѣдней русской деревни, язычество рушится, и нынѣ вотяки усердно хлопочутъ объ устройствѣ въ ихъ деревнѣ церкви. Мы осматривали мудоръ (въ апрѣлѣ 1896 г.), приподнимали его и проч., вспоминая, какъ нѣкогда вотяки не позволили Рычкову даже прикоснуться къ мудору; тогда они объяснили путешественнику, что дощечка на полкѣ (въ шалашѣ), обложенная травой: „сіе есть одно изъ первенствующихъ вещей нами обожаемыхъ, и то самое, которое называемъ мы *модоромъ* или богомъ-хранителемъ домовъ нашихъ: и если коснется имъ рука не только иноземныхъ, но и тѣхъ самыхъ, которые ихъ обожаютъ, то непремѣнно покой семейства моего и самое благополучіе наше разрушится какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ“. Между прочимъ, мы предложили бывшимъ въ шалашѣ вотякамъ уступить хотя одно изъ затѣйливыхъ блюдъ за плату, какую назначатъ; но они рѣшительно отказались. Мы настаивали: „если вы, какъ увѣряете, уже не молитесь въ мірскомъ шалашѣ, то и вещи эти вамъ не нужны“—А тебѣ онѣ зачѣмъ?—„Понравились, хорошо сдѣланы, для примѣра“.—Нельзя продавать, это отъ стариковъ.—Видимо, что въ деревнѣ еще далеко не окончилась борьба язычества съ христіанствомъ, но побѣда послѣдняго несомнѣнна: благопріятныя слѣдствія новой культуры сказываются замѣтно въ сравнительной чистоплотности въ избахъ, въ здоровьи жителей и обиліи дѣтей: слѣпыхъ или подслѣповатыхъ незамѣтно и, повидимому, нѣтъ сифилитиковъ. Дворы и земли не пустѣютъ и русскихъ припущенниковъ здѣсь нѣтъ.

Въ деревнѣ Айдуанъ (Муртазинъ) Чабьѣ 90 дворовъ

(въ томъ числѣ 12 русскихъ). „Обрусѣніе“ началось отъ вотяка, возвратившагося со службы; много помогаетъ школа, существующая въ деревнѣ лѣтъ пять *). 10—15 семействъ уже не посѣщаютъ вотскія мольбища. Общественный шалашъ выстроенъ недавно, въ замѣнъ стараго. Въ немъ, вблизи отъ двери, слѣва, большой прочный столъ; на стѣнѣ слѣва, ближе къ переднему углу икона. На полкѣ у стѣны, противоположной входной двери, два мудора. Одинъ въ лѣвомъ углу—большая тяжелая доска; съ нея свѣшивается немного березовыхъ вѣтокъ, и посреди, поверхъ нихъ, длинная борода изъ осоки. На доскѣ, сверхъ осоки, нѣсколько вѣтокъ ели и вербочекъ. Второй мудоръ, справа, но не въ углу, а ближе къ срединѣ—небольшая доска; на ней также немного березовыхъ вѣтокъ и борода изъ осоки, вѣтки ели и др. Между ними, противъ входа, за крюкомъ, на который подвѣшивается котелъ при варкѣ жертвеннаго мяса, почти у полки, вровень съ нею вышиной, толстая новая колонна (столбъ). По объясненію, данному мнѣ вотяками, большой мудоръ слѣва для помѣщенія жертвъ „Бодзимъ-Инмару, самому большому Богу“. На колоннѣ тоже находился мудоръ—для жертвъ Бодзимъ-Ниву, а справа отъ него мудоръ для моленья Инмаръ-Кылдысину, для моленья о вужшудѣ. Моленье Бодзимъ-Ниву желалъ ввести одинъ усердный вотякъ, но потомъ, не удовлетворившись вообще языческими моленьями, оставилъ ихъ совсѣмъ и сдѣлался убѣжденнымъ христіаниномъ. 30 іюня, когда мы посѣщали шалаши, всѣ мудоры обмывались домохозяевами-мужчинами. У одного вотяка, который уже „перешолъ въ русскую вѣру“, но не рѣшается разстаться совсѣмъ и съ язычествомъ, въ шалашѣ на длинной полкѣ въ лѣвомъ углу на мудорѣ (липовая доска) лежатъ три сухія маленькія вѣтки ели и пять свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ; на нихъ—бурачокъ со смѣсью кумышки съ пивомъ, хлѣбецъ (вершка три въ діаметрѣ), на немъ кусокъ вареной баранины и свѣжаго нетопленаго коровьяго масла. Столы въ шалашѣ накрыты скатертями.

Чрезъ день послѣ того мы осмотрѣли шалашъ въ деревнѣ Кваки. Это селеніе одно изъ первыхъ по возникнове-

*) Нынѣ тамъ земское училище, въ которомъ занимается обученіемъ дѣтей юристъ, окончившій Московскій университетъ.

нію въ уѣздѣ. До 1825 года, болѣе 70-ти лѣтъ здѣсь было село. Съ этого года церковь выстроена въ 2 верстахъ отъ деревни, въ другомъ большомъ селеніи,—Бемышевскомъ заводѣ. Но вотяки здѣсь наиболѣе стойкіе въ „своей" вѣрѣ; до настоящаго времени между ними нѣтъ ни одного отрекшагося отъ язычества. Въ теченіе полутора столѣтія число жителей вотяковъ не только не увеличилось, но замѣтно сокращается и уже 13 „умершихъ" дворовъ сдано русскимъ крестьянамъ. Правда, уже появляется сознаніе въ необходимости обрусѣнія: въ послѣдніе годы изъ деревни нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ ходили въ сельскую школу. Въ деревнѣ—два племени—бѣлое и черное (черемисское). Каждое молится отдѣльно, но въ одномъ и томъ же общественномъ шалашѣ. Въ немъ, на боковой стѣнѣ—икона, вблизи отъ входа столъ, накрытый скатертью; на стѣнахъ висятъ полотенцы. Очага изъ камней нѣтъ, костеръ раскладываютъ посреди земляного пола: тутъ мы видѣли обуглившіяся полѣнья и часть несгорѣвшихъ березовыхъ прутьевъ съ листьями. Крюкъ деревянный отодвинутъ къ противоположной отъ входа стѣнѣ. Мудора особаго нѣтъ; его, какъ объяснили, замѣняетъ длинная полка, устроенная высоко. На ней лишь на одинъ день кладутъ березовыя вѣтви на протяженіи трехъ четвертей аршина; на нихъ ставятъ бураки съ пивомъ, хлѣбъ и др.; а на другой день, послѣ моленья, вѣтки сжигаютъ тутъ же на кострѣ. При нашемъ посѣщеніи, на полкѣ лежали пять пустыхъ бурачковъ. Справа, на особой недлинной полкѣ, ниже большой, сложены чашки и поваренка; онѣ были еще въ кашѣ, не вымыты. Въ жертву колютъ животное осенью, а лѣтомъ только варятъ кашу. Упомянемъ еще о двухъ мудорахъ въ домовыхъ шалашахъ. У состоятельнаго вотяка въ шалашѣ на полкѣ мудоръ-дощечка вершковъ пять длины; на ней лежали двѣ березовыя вѣтки и одна еловая—свѣжія. На нихъ хлѣбецъ; поверхъ его кусочекъ баранины и комокъ нетопленаго масла и бурачокъ съ пивомъ. У другого вотяка мудоръ въ видѣ шкапика („шкатулки"), дверца отворяется сбоку. На мудорѣ совсѣмъ нѣтъ вѣтокъ. Это означаетъ трауръ. Въ теченіе года послѣ смерти отца, матери и вообще кого либо изъ большихъ членовъ семьи вѣтокъ на мудоръ не кладутъ.

Приведенныхъ описаній разнообразныхъ формъ мудоровъ считаемъ достаточнымъ для ознакомленія съ непонятнымъ для этнографовъ предметомъ, въ которомъ они усмотрѣли высшее существо. О первоначальномъ назначеніи мудора, о значеніи бороды изъ осоки и о порядкѣ моленій мы скажемъ далѣе, при указаніяхъ на божества вотяковъ. Пока упомянемъ только, что присутствіе „мудора“ въ шалашѣ свидѣтельствуетъ о принадлежности семьи къ „вотской вѣрѣ“. Кто рѣшился окончательно перейти въ „русскую“ (христіанскую) вѣру, тотъ свой „мудоръ“ сжигаетъ тутъ же въ шалашѣ на кострѣ. Если вотякъ говоритъ, что перешолъ въ русскую вѣру (чаще ходитъ въ церковь, соблюдаетъ посты, не посѣщаетъ вотскія мольбища), но „мудоръ“ не бросилъ въ огонь, то это означаетъ, что семья не совсѣмъ еще оставила язычество.

V.

Несогласіе этнографовъ въ объясненіяхъ языческихъ религіозныхъ предметовъ и моленій усиливается, когда дѣло касается вотскихъ „боговъ“. Въ обвинительный актъ по Мултанскому дѣлу занесены боги Курбанъ, Чупканъ и Актасъ. Двухъ первыхъ профессоръ г. Смирновъ справедливо отрицаетъ, а въ послѣднемъ сомнѣвается: „Акташъ, по его мнѣнію, бѣлый камень,—въ переводѣ, вѣроятно, духъ древняго фетишизма“. О. Верещагинъ же отмѣчаетъ: „Акташъ, или Якташъ—божество злѣйшее, враждебное людямъ чудовище. Жертва ему приносится скрытнымъ образомъ въ глухомъ лѣсу... по случаю эпидеміи, и самое жертвоприношеніе совершается, какъ говорятъ, ночью, безъ участія женщинъ... Божество это одно изъ древнѣйшихъ“ *). Въ судебномъ печатномъ отчетѣ составители его настойчиво утверждаютъ, что „кереметь“ обозначаетъ не имя бога, а *мѣсто* моленія. Профессоръ г. Смирновъ объясняетъ, что общественное мѣсто для приношенія называется (на судѣ свидѣтелями) „неправильно кереметшуемъ, тогда какъ по вотски оно носитъ названіе Лудъ“. Въ противоположность этому о. Верещагинъ пишетъ: „третье *божество*, богъ зла—Кереметь, усвоенный отъ черемисовъ. Современными вотяками жертвы ему при-

*) „Календарь Вятск. губ. 1896 г.“, стр. 274.

носятся всѣмъ селеніемъ раза три въ годъ. Обрядъ жертвоприношенія (въ Сарапульскомъ уѣздѣ) Керемету совершается скрытнымъ образомъ, безъ участія женщинъ, преимущественно стариками. Всѣ пришедшіе на жертвоприношеніе въ оградѣ стоятъ безъ шапокъ" (стр. 271). О. Верещагинъ представляетъ длинный списокъ вотскихъ „боговъ", именно: „Воршудъ (?), Пиву, Кереметъ, Акташъ, Черъ, Кылъ, Нюлэсъ-муртъ (онъ же Нюлэсъ-нюня, Сик-муртъ, Юэтбече), Му-Кылчинъ, Мушуръ-утьысь, Мета-утьысь, Гудури-мума, Шунды-мума. Сверхъ того, имѣются забытыя (?) божества—Курии, Сıра, Лумъ, Лудъ—древнѣйшее божество, или духъ поля, мѣстами почитаемое и нынѣ*) При внимательномъ отношеніи къ дѣлу, оказывается яснымъ для каждаго изслѣдователя вотскаго быта, что въ число „боговъ" занесены и такіе, какъ, напримѣръ, у русскихъ „комухи" (лихорадки) числомъ девять—„нутреница, огневица, трясавица" и др. или горячки: „немытая, нечесаная, безпоясая, пологрудая—проклятая" и т. д. Между тѣмъ, о дѣйствительно почитаемыхъ вотяками языческихъ богахъ, видимо, этнографамъ—всѣмъ вообще—ничего неизвѣстно. Равно, о „ритуалѣ" вотскихъ моленій свѣдѣнія крайне неопредѣленныя. По „вотской религіи", какъ завѣряетъ профессоръ г. Смирновъ, (на судѣ, въ г. Елабугѣ) для покойника лакомо человѣческое мясо, однако жерта въ с. Мултанѣ принесена „можно думать, что не предкамъ, а сильнымъ божествамъ (какимъ ?), а можетъ быть... и предкамъ". Далѣе мы представимъ свои болѣе опредѣленныя указанія на дѣйствительно почитаемыя вотяками языческія божества; теперь только выясняемъ факты, свидѣтельствующіе о скудости данныхъ по языческой религіи, съ цѣлію показать, на сколько трудно исполнимо желаніе г. оберъ-прокурора Сената, чтобъ знакомство съ вотскими жертвоприношеніями

---

*) По описанію г. Тезякова вотяки-язычники Осинскаго уѣзда весною въ священныхъ рощахъ „Лудахъ" (у черемисъ—кереметяхъ) заботятся умилостивить жертвами „Лу-мурта"—полевого человѣка, который особенно много людямъ дѣлаетъ зла: всѣ бѣды, болѣзни, неурожаи, падежи скота—все это его дѣло. Г. Тезяковъ сообщаетъ еще новое довольно невѣроятное имя божества: „вмѣстѣ съ своею матерью *Мумукольницею* (?) Инмаръ живетъ на солнцѣ". П. Первухинъ, кромѣ Инмара, Кылдысина и Кваза, указываетъ „божества": Акшана, Вожо, Кутыся, Пери и Чера и десять „полубоговъ" (стр. 57, 71).

приблизилось, по возможности, по полнотѣ и безстрастію къ изслѣдованію научному. Ближе всего, конечно, взять на себя иниціативу и трудъ изслѣдованія запутанныхъ и неопредѣленныхъ извѣстій о жертвоприношеніяхъ ученымъ этнографическимъ обществамъ. Правда, новому человѣку не легко заслужить довѣріе скрытныхъ и мнительныхъ, сильно запуганныхъ и потому довольно хитрыхъ инородцевъ; но дѣло значительно нынѣ облегчается присутствіемъ во многихъ вотскихъ деревняхъ переселенцевъ русскихъ крестьянъ. Въ разговорахъ „между прочимъ" возможно узнать многое; при прямыхъ же вопросахъ, касающихся вѣры вотяковъ, они не даютъ правильныхъ отвѣтовъ; въ особенности, въ настоящее время, когда мултанскимъ дѣломъ наведенъ значительный страхъ; словоохотливость сдерживается предостереженіями осторожныхъ людей, чуть только кто либо изъ стариковъ обмолвится лишнимъ словомъ. Поэтому, существеннымъ условіемъ успѣшнаго изученія языческой вѣры должно быть предварительное личное ознакомленіе вообще съ бытомъ вотяковъ.

Между защитниками высшей, чѣмъ въ дѣйствительности, культурности вотяковъ, существуетъ мнѣніе, что они молятся на мольбищахъ тому же Высшему Существу, какъ и христіане, и что „Инмаръ" вотяковъ именно есть Творецъ и Вседержитель—Отецъ Небесный по ученію православной церкви. На судѣ въ г. Елабугѣ священникъ о. Ергинъ объяснялъ, что вотяки ему говорили: „мы тому же Богу кланяемся, какъ и вы, а если въ лѣсу, такъ потому, что отцы и дѣды такъ поклонялись". На вопросъ защитника, вотякъ „бодзимъ-восясь" Михаилъ Титовъ, поднявъ глаза вверхъ и перекрестившись, сказалъ: Инмаръ—значитъ Богъ, все равно (что христіанскій?)... Конечно, Богъ... Господь". Такія объясненія признаются достойными полнаго довѣрія. Между тѣмъ, сами этнографы не уяснили себѣ даже формы вопроса, въ какой слѣдуетъ обращаться къ вотяку при разспросахъ о Богѣ. У вотяковъ называются св. Николай Чудотворецъ—Инмаръ, Илья Пророкъ—Инмаръ и т. д. Собственно Бога, Высшее Существо, насколько они въ состояніи Его представить, вотяки всегда называютъ „Бодзьым Инмаръ", „Инмаръ-Кылдысинъ", „Гудри-Инмаръ" и т. п. Для того, чтобъ разо-

браться въ сужденіяхъ о христіанственности религіозныхъ воззрѣній вотяковъ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего ближе познакомиться съ характеромъ вотскихъ моленій.

VI.

Вотскія моленія, въ существенныхъ чертахъ, подраздѣляются на семейныя, деревенскія и сборныя—совмѣстныя для населенія цѣлаго околотка, нѣсколькихъ селеній. Во вторую категорію входятъ моленія всѣмъ міромъ и моленія однихъ только избранныхъ лицъ. Вслѣдствіе разобщенности родовъ вотскаго племени, не повсюду сохранились первоначальные обряды въ неизмѣнномъ видѣ, а въ одной мѣстности удержалась вѣра лишь въ нѣкоторыхъ боговъ съ извѣстною обрядностью, въ другой—чествуются иные боги съ особымъ „ритуаломъ“. Правда, при ближайшемъ знакомствѣ и сравненіи обрядности, различіе между „богами“ уничтожается и число ихъ значительно сокращается, остаются въ изобиліи одни имена. Мы описываемъ то, что узнали на мѣстѣ, въ сѣверо-западной части Елабужскаго уѣзда.

Въ каждомъ вотскомъ дворѣ имѣется бревенчатое зданіе безъ печи, безъ пола и потолка съ неплотно уложенною крышею; оно называется „асме куа-ла“—свой шалашъ. Это лѣтнее жилое помѣщеніе для семьи. На нѣсколько разъ въ году „куала“ обращается въ молельню, въ которой молитвеннымъ обрядомъ руководитъ самъ хозяинъ. Начнемъ описаніе моленій съ весны.

Пасхальное моленіе — „бодзьымъ-нынalъ мудоръ восясконъ“. Праздникъ этотъ сохранился отъ древности: имъ выражалась великая радость людей при видѣ пробуждающейся жизни во всей природѣ. Онъ торжественно справляется моленіями и жертвами у язычниковъ, которые также называютъ его „будзимналомъ“. Въ томъ, что „бодзимь-ынналъ“— великій день—пріуроченъ къ пасхальнымъ днямъ, сказывается неотразимое вліяніе на вотяковъ общественной жизни русскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, одно точное обозначеніе времени, назначеннаго для перваго пасхальнаго моленія у крещеныхъ вотяковъ, служитъ показателемъ степени, насколько русскіе обычаи и христіанскія понятія усвоены ими. Болѣе „обрусѣвшіе“ вотяки языческое моленіе исполняютъ

въ пасхальный или во второй день вечеромъ, потому что на пасху многіе мужчины и женщины ходятъ въ село къ церковной службѣ. Въ другихъ селеніяхъ языческій праздникъ начинается съ вечера въ великую субботу; почему въ пасхальную ночь во всѣхъ домахъ того селенія вотяки пируютъ.

Еще наканунѣ праздника молодые люди изъ всей деревни отправляются въ лѣсъ или луга за ивовыми вѣтвями—вербами—вершковъ по 6—8 длины: ихъ требуется для домашней квалы девять и нѣсколько для общественной. Предъ началомъ моленія въ семейной квалѣ раскладывается на землѣ или на очагѣ, посрединѣ шалаша, огонь (нѣсколько полѣньевъ дровъ). Хозяинъ положитъ по три вербы на лавку и на мудоръ. Для моленья, обыкновенно, приносятъ въ шалашъ хлѣбецъ, на немъ кусокъ вареннаго мяса и нетопленаго масла, въ бурачкѣ (величиной въ стаканъ), или въ деревянномъ „бокалѣ", кумышка съ пивомъ; въ число приношеній входятъ также, смотря по времени, каша, яица. Все это предварительно составляется на скамью, на три вербы. Когда огонь разгорится, старшіе изъ семьи берутъ приношенія, называемыя иногда вужнудами, высоко поднимаютъ руки, и начинается моленіе. Лицомъ обращаются въ сторону, противоположную входной двери,—къ мудору. Сбоку отъ входа стоитъ столъ покрытый скатертью, за нимъ, на стѣнѣ, икона; но на столъ ничего не ставятъ и на икону тогда не молятся. Хозяинъ съ поднятымъ въ рукахъ бурачкомъ, или „чашей" со смѣсью пива съ кумышкой, кланяется и произноситъ молитву:

„Осто, Бодзымъ Инмаръ, кинь люгытъ сётэ,
Кинь лул-вирь сётэ милямлы,
Кинь нянь сётэ милямлы, Солы восяськомъ!
Лулэзъ ми малпаськомъ, Солы восяськомъ!"

Это означаетъ: „Господь, Великій Богъ, Кто (Который) бѣлый свѣтъ даетъ намъ; Который душу—кровь даетъ намъ, Который хлѣбъ даетъ намъ, Тому молимся". Послѣднюю фразу вотякъ, разговаривавшій съ нами, объяснилъ по русски: „Сердцемъ думаемъ о Тебѣ—не бросай Ты насъ!" Это прошеніе выражается еще такъ:

„Лулынъ сулмынъ висясько Тыныдъ!"

Какъ примѣръ подробнаго (и важнаго въ этнографическомъ отношеніи) моленія приведемъ еще слѣдующее:

„Осто Инмарэ! Кӧзма воршудэ дзечь курысконэ. Тазалыктэ сётъ Инмарэ вань пылынъ-піэнъ дьыбыртыськомъ Тыныдъ Инмарлы; пудоэнъ-животэнъ сётъ Инмарэ. Кызьемъ-палькемъ буръ поттьы Инмарэ: удáлтыты Инмарэ, высяськисекомъ Инмарэ, культо вызы культо, чумолё вызы чумолё, кабанъ вызы кабанъ пукты Инмарэ. Сыньы-юоньи сётъ Инмарэ эрыктэ удмуртсяшъ. Муштэ сётъ, муштэ вудэ сётъ Инмарэ *)... Пересёлэсь елолзэ высяськомъ: эрыктэ сыныюоны сётъ Инмарэ. Ерьыдкуръ міагло пересьлэсь елолзэ высяськомъ дьырдэкуръ эн каръ Инмарэ!“

„Господи Боже! Благослови старымъ счастьемъ, просимъ! Здоровья дай, Боже, всей семьѣ, кланяемся Тебѣ, Боже. Скота дай Боже. Мы посѣемъ,—чаще уроди, Боже: родилось бы, Боже, молимся Тебѣ, снопъ возлѣ снопа, копна возлѣ копны; кабанъ возлѣ кабана—сади (ставь) Боже. Ѣсть-пить дай, Боже, позволенье вотякамъ. Пчелы дай, Боже. По старому обычаю (на старинный ладъ) молимся: позволенье пить-ѣсть дай Боже. Не гнѣвайся, по старому обычаю молимся, чтобъ не огорчаться жить (не досадно было бы), Боже!“

Помолившись, хозяинъ черпаетъ изъ бурачка ложкой кумышки съ пивомъ и выливаетъ на огонь трижды, бросаетъ въ огонь также масла, хлѣба; потомъ всѣ приношенія устанавливаются на три свѣжія вѣтки, лежащія на „мудорѣ“. Если мудоръ устроенъ ящикомъ, дверцу притворяютъ, и приношенія остаются въ немъ на ночь или болѣе. Вѣтки съ лавки тогда же сожгутъ на кострѣ. На слѣдующій день въ домашній шалашъ приходитъ одинъ хозяинъ, приноситъ съ собой небольшой деревянный стаканъ со смѣсью пива съ кумышкой; поднявъ его въ рукахъ, молится и потомъ все выпиваетъ тутъ же. Слѣдуетъ замѣтить, что воршудная смѣсь отвратительна на вкусъ, но вотякъ „терпитъ“—пьетъ, пролить нельзя, боится гнѣва божества. Раскладываетъ на лавкѣ послѣднюю тройку вѣтвей и ставитъ на нихъ снятыя съ мудора приношенія. Затѣмъ, забравъ ихъ, идетъ въ избу; тамъ всѣ они—хлѣбъ, мясо и масло—раздѣ-

*) Охотники прибавляютъ: „Тыйшуръ сётъ Инмарэ, пыйшуръ пывстидъ шурпстидъ; шумпотты сётъ Инмарэ“.

ляются между членами семьи,—даютъ даже малымъ дѣтямъ; при этомъ руки должны быть чисто вымыты. Нужно замѣтить, что вообще во время всякихъ моленій, пока продолжается праздникъ, вотяки носятъ на безыменномъ пальцѣ лѣвой руки кольцо; въ будни его снимаютъ, чтобъ не мѣшало работать.

Исполнивъ домашнее моленіе, вотяки изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ семьи придерживаются язычества, самъ хозяинъ, или жена его, или кто либо изъ дѣтей отправляются въ общій молитвенный домъ — „бодзьımъ-куала“ (общественный шалашъ). Въ большіе праздники въ общественный шалашъ приходятъ всѣ тѣ домохозяева, которые намѣрены „пировать“, но не въ разъ, а каждый въ отдѣльности. Начинаетъ моленье прежде другихъ „быдзьымъ-куала-утись“, жрецъ „восясь“, который завѣдуетъ большимъ шалашомъ, у него хранится ключъ отъ шалаша. Онъ приходитъ съ женой, раскладываетъ огонь и молится первый, держа въ одной рукѣ бурачокъ со смѣсью кумышки съ пивомъ, а въ другой—хлѣбъ съ масломъ и на непродолжительное время кладетъ хлѣбъ съ масломъ на мудоръ. Потомъ льетъ кумышку въ огонь, бросаетъ частички хлѣба и масла. Уходя изъ шалаша, „утись“ оставляетъ дверь въ него незапертой; это служитъ признакомъ того, что онъ самъ молился и что теперь каждый можетъ приходить сюда для моленія. Общественныхъ моленій (въ извѣстныхъ намъ селеніяхъ), такъ сказать очередныхъ, ежегодныхъ, въ большихъ шалашахъ не бываетъ. Случаются они лишь чрезъ три-четыре года, по особенному какому либо случаю, осенью; тогда по мірскому рѣшенію рѣжутъ крупное животное и жертва считается принесенною отъ всего селенія. Въ обычные праздники, если домохозяинъ не предполагаетъ приглашать къ себѣ гостей и самъ не будетъ пировать, то и въ большой шалашъ ни самъ не ходитъ и изъ семейства для моленія никого не посылаетъ.

Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, пасхальное моленіе соединяется съ „акаяшками“ (катанье молодежи верхомъ на лошадяхъ) и обставляется особенной обрядностью. На второй день пасхи дѣвушки, собравъ съ каждаго дома яицъ, масла и крупы, варятъ кашу и яица въ трехъ котлахъ подъ елью въ полѣ; потомъ несутъ послѣднія по де-

ревнѣ, останавливаясь на пути три раза для молитвы; впереди идетъ восясь съ хлѣбомъ и кумышкой. Предъ общественнымъ шалашомъ котлы опускаются на снѣгъ, вновь происходитъ моленье три раза; при чемъ восясь и народъ за нимъ становятся на колѣни, а котлы переставляются съ одного мѣста на другое. Войдя въ шалашъ, котлы устанавливаютъ вблизи стола, который весь занятъ хлѣбцами, бурачками съ кумышкой и пивомъ. Въ шалашѣ въ это время горитъ костеръ; за особымъ столомъ сидятъ жены „восясей". Восясь въ молитвахъ призываетъ „Бодзьымь-Ин-ву"; почерпнувъ ложкой каши изъ котла, небольшую часть ея восясь бросаетъ въ огонь, а остатки, отвѣдавъ самъ, передаетъ прочимъ; также часть кумышки льетъ въ огонь, отпиваетъ самъ и передаетъ молящимся. Этимъ заканчивается моленье. Дѣлается добровольный сборъ денегъ, которыя остаются въ шалашѣ; кашу изъ котловъ съѣдаютъ на другой день. Въ молитвахъ восясь, между прочимъ, проситъ у Бога, чтобъ молящіеся, состарившись, въ теплой избѣ и на своей постели умерли, чтобъ никто не съѣлъ голову, чтобъ хранилъ Господь („Шунытъ коркамы, валесь-выламы выдса медъ куломы,—іырдэсъ непокшъ мэдазъ ся-Инмаръ медъ утезъ") *).

По возвращеніи молельщиковъ изъ общественнаго шалаша въ свою избу, бываетъ новое моленье: хозяинъ, падѣвъ шапку, становится предъ окномъ во дворъ (если деревня тянется съ сѣвера на югъ, то всѣ дворы бываютъ въ полуденную сторону, съ обоихъ порядковъ домовъ); онъ держитъ въ рукахъ хлѣбъ и кланяется, обращаясь съ привѣтственными словами къ умершимъ родственникамъ; всѣ домашніе также „молятся" минутъ десять. Столъ въ это время бываетъ накрытъ для праздничнаго угощенія. Въ этомъ и заключается поминовеніе покойниковъ.

На пасхальной же недѣлѣ чтимаго деревней „тыръ-восяся" возятъ по всѣмъ дворамъ съ почетомъ. Въ телѣгу или сани постелютъ двѣ перины и на нихъ посадятъ этого выборного патріарха; кромѣ ямщика на козлахъ, ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ впереди и сзади экипажа погонщики. Подъѣзжая къ дому, передній стучитъ въ окно и спрашиваетъ: „тыр-эзъ лезё-да?"—Тыра пустишь ли? Въѣзжаютъ въ ворота,

*) „Вятск. Губ. Вѣд." 1896 г., № 30.

хозяинъ выноситъ бутылку съ кумышкой и угощаетъ „тыра“, который не трогается съ мѣста. Объѣздъ продолжается, пока „тыръ“ не свалится на перины безъ чувствъ.

VII.

Весной, предъ посѣвомъ овса, происходитъ семейное моленіе въ полѣ, у каждаго домохозяина на своей полосѣ. Стоя на колѣнахъ, у скатерти, разостланной на землѣ предъ вырытой на этотъ случай ямой, вотякъ молится, проводя рукой по волосамъ и бородѣ, призывая „Му-Кылдысина“. Первая просьба Бодзимь-Инмару: „Сётъ Инмарэ тазылыкъ, урты Инмарэ!“ А потомъ: „Му-Кылдысинъ (или Кылчинъ) удалтыты тысё медъ луозъ!“ (Уроди зерно ядреное). По общему отзыву вотяковъ „Му-Кылдысинъ“—больше просто Инмара, онъ землей управляетъ, или же онъ самъ „Земля“; ему молятся, чтобъ далъ силы и помощи—„тазылыкъ, сылыкъ“: „не богъ родитъ хлѣбъ, а Му-Кылдысинъ“,—разсуждаютъ они. Подобное моленье бываетъ еще осенью, когда отсѣются и озимь начинаетъ всходить. Тогда чествуется „Дю-Кылдысинъ“—духъ, покровительствующій урожаю хлѣба (рожь, овесъ, горохъ и др., „дю-кэносъ“ -хлѣбный амбаръ); при чемъ, отдѣльно, только своя семья, безъ „восяся“, молится на своей полосѣ: колютъ курицу, барана или другое некрупное животное, варятъ въ котлѣ и ѣдятъ. Весной при моленьи бываетъ только хлѣбъ, табань (лепешка), яичница; всего этого по кусочку хозяинъ полосы опускаетъ въ яму, льетъ пиво и затѣмъ прикрываетъ землей; такъ подземнаго духа кормятъ, какъ человѣка. Вся семья при этомъ моленіи подражаетъ своему отцу или дѣду и подъ конецъ молитвы всѣ говорятъ „оминь“. Потомъ хозяинъ дѣлаетъ для примѣра посѣвъ овса: проѣзжаетъ съ сохой борозды двѣ-три, разбрасываетъ зерна вмѣстѣ съ печеными яицами, „чтобъ зерно ядреное было“. Послѣ семейныхъ моленій, днемъ, деревенскіе жители сходятся въ полѣ и молятся подъ елью. Также выкапываютъ большую яму. Молитву ведетъ „восясь“. Каждый изъ пришедшихъ,—мужчины и женщины, опускаютъ въ яму по куску хлѣба (половину ломтя), ложку каши, половину яица, льютъ пиво. Въ прежнее время, когда куренье кумышки не преслѣдовалось, послѣ моленья въ полѣ, весело пировали: мужчины

угощали женщин, женщины—мужчин. Нынѣ приносятъ въ поле только квасъ. Особенность моленія состоитъ въ томъ, что въ жертву „Му-Кылдысину“ кумышкой, пивомъ, или квасомъ поливаютъ землю, а на огонь жидкость не льютъ, что дѣлается при обращеніи, такъ сказать, къ воздушнымъ, наземнымъ, божествамъ. Наоборотъ, при моленьи Бодзымъ-Инмару копать землю не слѣдуетъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ тотъ же день всѣ собираются, хотя и не вдругъ, въ „бодзьымъ-куалѣ“, приносятъ съ собою хлѣбъ, пиво, кашу, молятся, но и здѣсь костеръ не раскладываютъ. Возвратившись домой, каждая семья молится въ своей куалѣ: приношенія (хлѣбъ, каша, пиво) со скамьи переносятся на мудоръ, вѣтки подстилаются еловыя по три, съ тремя сучками каждая. Огня и здѣсь теперь не бываетъ; а частички жертвенныхъ приношеній уносятъ въ избу и зарываютъ въ золу, въ печи (она тогда бываетъ уже истоплена).

Праздникъ „Куаръ-Мудоръ“ („Куаръ“—листъ). По русски его называютъ „Казанская“. Онъ устраивается съ конца іюня до 8 числа іюля. Днемъ, въ своемъ шалашѣ, каждый хозяинъ рѣжетъ барана, кровь при этомъ стекаетъ въ деревянную чашу или корыто. При моленьи часть ея отливаютъ въ огонь, а все оставшееся въ чашкѣ или прямо сливаютъ въ котелъ, или наполняютъ ею кишку, и эту кровяную колбасу тоже варятъ. Изъ увареннаго мяса небольшой кусокъ послѣ молитвы ставится на мудоръ; потомъ тутъ же въ шалашѣ и обѣдаютъ. Какъ уже упомянуто нами ранѣе, въ этотъ праздникъ, или накапунѣ его, мудоръ снимается съ полки; бывшія въ немъ вѣтки сжигаютъ на кострѣ, а всю накопившуюся за годъ пыль и копоть отъ дыма хозяинъ старательно очищаетъ съ мудора и вновь кладетъ его на свое мѣсто. Поверхъ его рядами раскладываютъ осоку, на нее березовые листья и все это, чтобъ не свалилось, нажимается палкой или брускомъ. Подобно тому, какъ было съ вербами, при моленьи и въ этотъ праздникъ полагаются три еловыя вѣтки, на которыя и помѣщается хлѣбъ съ мясомъ и истопленнымъ коровьимъ масломъ, а также бурачокъ со смѣсью кумышки съ пивомъ. О порядкѣ моленія уже говорилось выше. Вечеромъ идутъ въ „бодзьымъ-куалу“. Иногда и здѣсь, по како-

му либо случаю, колютъ общественную жертву и моленіе происходитъ, съ перерывами, до полуночи; чаще всего варятъ только кашу. Соберется нѣсколько семействъ, жрецъ—„утись восясь"—молится съ полчаса или менѣе, проситъ у бога изобилія во всемъ, преимущественно же того, что наиболѣе желательно для извѣстныхъ молящихся—дѣтей, или здоровья, или скота и т. п. Кромѣ „утися" здѣсь бываютъ и другіе служащіе—„уксё-октысь"—экономъ, сборщикъ казны на общественное богомолье. Въ промежутки между моленіями поются пѣсни, или что то вродѣ нихъ, молитвеннаго характера.

Наконецъ, семейные праздники и съ ними моленья бываютъ осенью и на масленицѣ. Осенній, или нынѣ уже вѣрнѣе—зимній праздникъ „Сизилъ-юонъ" совпадаетъ съ Николинымъ днемъ; но не всегда бываетъ 6 декабря, случается „пируютъ" и ранѣе, и позднѣе—до рождественскихъ праздниковъ. Масленичный праздникъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ,—неурожаяхъ или эпидеміи, иногда обращается въ общественное моленіе, также какъ и „сизилъ-юонъ". Существуютъ еще моленія чисто семейныя, для которыхъ избирается мѣсто внѣ „квалы", или по обѣщанію при важныхъ случаяхъ жизни—при женитьбѣ или если родится мальчикъ и пр., или во время болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ, когда вотякъ обратится къ ворожеѣ—„туно", послѣдняя, посмотрѣвъ въ воду, или другимъ способомъ, узнаетъ причину болѣзни и объясняетъ: „вода заѣла тебя, отъ воды маешься, задѣлай соли и крупы въ тряпку и брось въ воду тамъ, откуда бралъ ее для питья—въ колодецъ или въ рѣчку, и пообѣщай жертву". Въ менѣе опасныхъ болѣзняхъ (сыпь и др.) сами семейные даютъ обѣщанія и безъ совѣта „туно". Если кто пилъ воду въ лѣсу и заболѣлъ вскорѣ послѣ того, то слѣдуетъ съ предварительной жертвой и обѣщаніемъ „Вю-Кылдысину" (водяному духу) идти туда. Далѣе мы еще разъ упомянемъ о моленіяхъ такого рода.

VIII.

Первое общедеревенское (для одного селенія) моленіе, внѣ „квалы" отличающееся большею торжественностію, бываетъ по окончаніи ярового посѣва, чтобъ Богъ послалъ

дождя. Называется оно просто „восяськонъ“; русскіе крестьяне, а за ними и этнографы неправильно говорятъ, что это „кереметь“. Мѣста для такихъ моленій избраны давно, при самомъ заселеніи нынѣ существующихъ деревень. Близъ рѣчки, на пригоркѣ, среди деревьевъ липы, ели, березъ, расчищается площадка и огораживается жердями; устраивается небольшой навѣсъ, отводится удобное мѣсто для костра, вколачиваются колышки, на которые удобно было бы положить перекладину, чтобъ на ней повѣсить котелъ надъ огнемъ; вотъ и вся обстановка „восяськона“. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на такихъ мольбищахъ выстраивается прочный шалашъ, но не для моленія, а для сохраненія вещей, употребляемыхъ на праздникѣ.

Выборными лицами для службы здѣсь являются: одинъ „бодзымъ-восясь“, „покчи-восяси“ (одинъ изъ нихъ, обыкновенно, и „парчаськизь“) и „тырынъ-пукись“ или „чаркатысь“ или еще „ыбыртись“. „Покчи-восяси“ раскладываютъ огонь, подаютъ „бодзымъ-восясю“ что ему требуется и др. На мольбище собираются съ утра, или чаще всего—къ вечеру. Порядкомъ, указаннымъ далѣе, рѣжутъ быка; мясо его варятъ въ котлѣ. При молитвѣ предъ особымъ костромъ „бодзимъ-восясь“, одѣтый въ бѣлую одежду, держитъ, поднявъ высоко, въ одной рукѣ чашу съ кумышкой и пивомъ, въ другой—хлѣбъ. Всѣ молящіеся одѣты въ праздничныя и вообще чистыя одежды, какая у кого имѣется, но необязательно въ бѣлую; всѣ, кромѣ восяся, стоятъ и молятся на колѣняхъ безъ шапокъ. Съ моленіемъ обращаются къ Богу— вообще, часто упоминая „Инмаръ“ съ обозначеніемъ свойствъ его—„Бодзымъ“ или „Кылдысинъ“, просятъ себѣ изобилія въ домахъ, хлѣба, лошадей, коровъ. Послѣ того обѣдаютъ; пищи оказывается достаточно для всѣхъ; если что либо останется, то желающій можетъ унести домой. Шкуру съ зарѣзаннаго жертвеннаго животнаго сначала тутъ же на мольбищѣ развѣшиваютъ на деревѣ, а потомъ продаютъ въ пользу „бодзимъ-восяся“.

Наибольшій интересъ и значеніе торжественнаго празднества имѣютъ моленія сборныя—общія для нѣсколькихъ деревень, на которыя, смотря по мѣстности, родовой близости жителей и сходства вѣрованій, собираются вотяки муж-

чины и женщины 2—5 и болѣе селеній. Праздники такіе бываютъ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля мѣсяцевъ. Ихъ превосходятъ по своей грандіозности только періодическія моленія (чрезъ три года)—„булды“, устраиваемыя въ немногихъ мѣстностяхъ.

Сборное моленіе этнографами неосновательно обозначается названіемъ „лудъ“, подъ которымъ у нихъ подразумѣвается *мѣсто* мольбища; въ дѣйствительности названіе „лудъ“ примѣняется *только* къ осеннему моленію: лѣтомъ на „лудѣ“ или „луду“ никогда и нигдѣ не молятся. Правильное названіе лѣтняго моленія—въ однихъ селеніяхъ „таты-удъ“ (или „тыпы-удъ“), что значитъ „дубы вотскаго племени“; нѣкоторые говорятъ „тыпы-улъ“—подъ дубами; но „тыпы-лудъ“—ошибочно. Въ другихъ селеніяхъ мѣста моленія называютъ: „кассніо-полы“—подъ березами; или же—„кызь-улъ“—подъ елью, „пужимь-улъ“—подъ сосной. У вотяковъ Осинскаго уѣзда, живущихъ у рѣки Буя, деревенскій праздникъ называется „Буэ-шуръ“, или „Буэ-дюкъ“, а общій для семи деревень—„мер-вось“ (мірское моленье). *) Это самое любимое общественное собраніе, на которомъ много бываетъ молодежи и образуется (внѣ загородки) на 4—7 дней гулянье, но безъ хороводовъ и игръ.

Если весенній сѣвъ затягивается, старшій „бодзымъ-восясь“ обходитъ деревни, понуждаетъ поторопиться работой, чтобъ окончить ее къ началу моленія. Еще съ вечера окончательно назначеннаго для моленія дня въ каждой деревнѣ свой вѣстовщикъ обходитъ дворы. Подойдетъ къ окну и оповѣщаетъ: „калыкъ-полы мынъ чукозы высячконы пыраны тырты“—завтра Богу молиться хотятъ. Смотря по назначенію „туно“ или „восяся“—представитъ съ общества извѣстную жертву для моленія,—утромъ трое вотяковъ отправляются для покупки жеребенка или бычка. Найдя указанной „туно“ масти животное, отводятъ его на мольбище. Туда же съ оповѣщеннаго дня мужчины и женщины собираются толпами—деревня за деревней. Для „тапы-удъ“ огораживается на полянѣ въ лѣсу обширное мѣсто; здѣсь стоятъ одинъ или два шалаша, но не срубы, а только навѣсы на

*) Сообщ. г. Тевякова.

четырехъ столбахъ—„бесѣдки“, и занимаютъ они мѣста въ квадратную сажень, или немного болѣе; въ бесѣдкахъ этихъ не молятся; въ одномъ, на лавкѣ, на подушкѣ сидитъ „тыръ“—почтенный. Всѣ домохозяева, являющіеся на моленье, первымъ долгомъ подходятъ къ нему, кланяются и подаютъ чашечку съ кумышкой или пивомъ. „Тыръ“ ни для кого не встаетъ съ мѣста. Отъ обильной выпивки онъ къ вечеру теряетъ сознаніе и лежитъ пьяный; это ему не ставится въ вину. Но „бодзимъ-восясь“ долженъ держать себя трезво; развлекаться ему неприлично; со скуки онъ, незамѣтно отъ другихъ, немного выпиваетъ; если же разъ напьется до упаду—„выгонятъ изъ поповъ“, на другой годъ его не пустятъ молиться. Рядомъ съ „тыромъ“ сидитъ музыкантъ—старикъ лѣтъ шестидесяти. Подъ другимъ навѣсомъ, тоже на перинѣ, сидитъ жена „тыра“, а съ нею рядомъ дѣвица лѣтъ 18-ти, музыкантша. Музыканты играютъ на гусляхъ съ утра до вечера, безъ перерыва; во время моленья еще громче, чѣмъ обыкновенно. „Форма игры тихая, не плясовая“. Вообще, внутри загородки не позволяется веселье; если зайдетъ туда кто либо „навеселѣ“, его выводятъ. Внѣ загородки каждый можетъ вести себя, какъ хочетъ. Музыканты сидятъ также на подушкахъ; ихъ и жену „тыра“ угощаютъ послѣ него. Какъ упомянуто, „тыръ“, по званію своему, считается выше всѣхъ „восясей“—„престольникъ“,—но никакого активнаго участія въ моленіи не принимаетъ: „онъ только большимъ стуломъ сидитъ“—объясняютъ вотяки *). При общественныхъ моленіяхъ присутствуетъ „тырынъ-цукысь“, онъ тоже только „сидитъ“; ему даютъ приходящіе по копѣйкѣ—въ его пользу; но общественный сборщикъ, какъ бы экономъ, получающій деньги на расходы по слѣдующему богомолью, называется—„уксё-октысь“, ему кладутъ деньги на разостланное полотенце.

Такъ какъ на „тапы-удъ“ соединяются молитвы нѣсколькимъ „богамъ“, то у „бодзымъ-восяся“ есть еще помощники въ моленьи—трое—четверо. Предъ каждымъ изъ нихъ

*) У инородцевъ въ южной Сибири „тӧр“ (тыр) значитъ переднее мѣсто въ юртѣ. На вотскихъ свадьбахъ тоже назначается какъ бы предсѣдательствующимъ, распорядителемъ празднества „тыръ“, или „тырэ-пукыськонь“—впереди сидящій.

долженъ быть костеръ. Кромѣ того, по числу котловъ, раскладываются костры собственно для варки мяса и др. На землѣ, предъ кострами, для складыванія приношеній хлѣба и пр. и на мѣстѣ, гдѣ рѣжутъ животное, восясь разбрасываетъ еловыя вѣтви, которыя, по окончаніи праздника, сжигаются.

Предназначенное для жертвы животное—быка, теленка, жеребенка—на мольбищѣ рѣжетъ „парчаськисъ", онъ же и покчи-восясь. Покчи-восясей здѣсь нѣсколько—8–10 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ помогаютъ „бодзымъ-восясю" въ возношеніи жертвенныхъ предметовъ; а еще прежде, раскладываютъ огонь и проч. Порядокъ „моленія" жертвы такой. Приведутъ бычка и поставятъ на еловыя вѣтви. Покчи-восяси почерпнутъ ковшъ воды и три раза обмываютъ животное съ головы до хвоста: моютъ уши, губу. Затѣмъ, свалятъ его на землю и свяжутъ ноги; парчаськисъ перерѣжетъ горло, подставивъ для вытекающей крови большую деревянную чашку, которую одинъ изъ покчи-восясей подноситъ „бодзымъ-восясю". Послѣдній льетъ кровь на огонь костра три раза, проводя чашкой кругообразно сверху внизъ и говоритъ:

„Мусо Бодзымъ Инмарэ! Басьты асладъ кіадъ мынистымъ высямнэ: Мынымъ сётъ тазалыкъ. Асладъ кіадъ басьты Мусо Бадзымъ Инмаръ возь монэ: Тонъ монэ эн куштэ: монъ уктодыскано мырпо: Тонъ монэ эн кушты. Ми Тынадъ осконськомъ, Мусо Бадзымъ Инмарэ. Асладъ кіадъ басьты".

Любимый (нами) Великій Богъ! Возьми своею рукою наше приношеніе, намъ дай здоровья. Своей рукой возьми, Любимый, Великій Богъ, поддержи меня: Ты меня не оставляй (безъ помощи), мы не знаемъ ничего. Ты меня не оставляй. Мы Тебѣ вѣримъ (въ Тебя вѣруемъ), Любимый, Великій Богъ. Своей рукой возьми" и т. д. слѣдують повторенія съ небольшими измѣненіями словъ и желаній.

Бодзымъ-восясь руководитъ моленіемъ, которое ежедневно дѣлится на три пріема, по получасу времени. Въ первый разъ, какъ колютъ животное, жрецы въ бѣлыхъ одеждахъ, подпоясанные, въ шапкахъ, поднимаютъ въ рукахъ высоко кто хлѣбъ, кто чашу съ кумышкой и др. Одинъ говоритъ молитвы, обратившись на полдень; влнвъ въ огонь

крови, бросаетъ въ костеръ хлѣба: отщипнетъ трижды и опускаетъ на огонь, и вновь тоже, до трехъ разъ. Когда мясо въ котлѣ поставятъ на огонь, молятся во второй разъ. Въ одинъ, жертвенный, котелъ обязательно складывается *голова, сердце*, весь *правый* бокъ—ребра и двѣ *правыя ноги* (передняя и задняя). Если животное большое (быкъ, телка 2—3 лѣтъ и проч.), то все это едва помѣстится въ одномъ котлѣ. Остальное мясо, также легкія, печенка, варится въ другихъ котлахъ, которыхъ бываетъ до пяти. Когда мясо уварится, его вынимаютъ изъ котла въ корыто, а въ бульонъ всыпаютъ крупу и продолжаютъ варить кашу; а въ это время молятся въ третій разъ. Какъ бы для благословенія подносятъ мяса „тыру". Предъ началомъ каждаго моленія раздается окрикъ „бодзымъ-восяся": „ой-до, годокъ, ульяны восяны" (годокъ, гоните на богомолье, живо). „Годокъ" назначается изъ каждой деревни; они ходятъ съ прутьями. Въ промежутки между моленьями молодежь разбредется по загородкѣ и въ лѣсу, кому гдѣ удобнѣе, иные спятъ. Сгоняя народъ, разсылки („годокъ") нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи прутьевъ. Во время самаго моленія они кричатъ: „щош-дыбырты"—вмѣстѣ, вдругъ кланяйтесь! Всѣ присутствующіе при моленіи, пока „бодзымъ-восясь" высказываетъ молитвы („Инмаръ-понны" и пр.), стоятъ въ шапкахъ, при поклонахъ же снимаютъ ихъ, особенно тогда, какъ становятся на колѣни. По окончаніи молитвы „восяся" всѣ говорятъ „оминь". На такомъ сборномъ общественномъ моленіи прежде, когда еще не запрещалось варить кумышку, каждый вотякъ и вотячка приносили съ собой по бутылкѣ ея, составляли въ одномъ мѣстѣ; а послѣ моленія разбирали каждый свое и угощались въ волю. Нынѣ тайно успѣваютъ приготовлять ее для моленія; потому что хотя и стали замѣнять ее пивомъ, но этимъ, будто бы, нарушаются требованія божества. Подъ конецъ моленія, дней чрезъ пять, тѣ, кто можетъ имѣть водку, до того теряютъ сознаніе, что впадаютъ въ галлюцинаціи: они видятъ, какъ „богъ" пойдетъ по полю и лугамъ, то стебли и головки цвѣтовъ волнами пригибаются къ землѣ. Упомянемъ еще о порядкѣ жертвъ. По указанію „туно", напримѣръ, въ первый день рѣжутъ красную телку Бодзымъ-Инмару; кровь при молитвѣ льютъ на огонь порядкомъ, описаннымъ

выше. Во второй день приносятъ въ жертву чернаго быка „Му-Кылдысинъ-Инмару“ (духу земли или землѣ). При этомъ жертвоприношеніи кровь совсѣмъ не льютъ въ огонь, а окропляютъ землю. По окончаніи моленія и трапезы, когда мясо жертвеннаго животнаго съѣдено, выкапывается яма въ полъаршина глубины, жрецъ со всѣмъ народомъ молится на колѣняхъ, кропитъ землю кровью и кумышкой, въ яму сложатъ всѣ кости, куски хлѣба и все засыплютъ землей. Въ третій день колютъ жеребенка и гуся; послѣдняго, какъ „поводъ“ въ жертву „Гудыри-Инмарлы“—громовому богу. Въ четвертый день рѣжутъ барана и т. д. На другой годъ порядокъ жертвъ можетъ измѣниться: въ первый день зарѣжутъ чернаго быка, на другой жеребенка и т. д. Обыкновенно старшій жрецъ въ рукахъ держитъ хлѣбъ, но при моленіи въ послѣдній день онъ беретъ въ руки березовую вѣтку и молится съ нею. По окончаніи всѣхъ моленій, всѣ кости, вѣтки, вообще все, что употреблялось во время праздника, сжигается на кострѣ, чтобъ потомъ не оскверялось кѣмъ либо. Наконецъ, уже ночью, рѣжутъ и ѣдятъ ягненка. Свертываютъ чучело, какъ человѣческую куклу, ставятъ на дерево и бросаютъ въ нее палками и сучьями, пока не уронятъ на землю. Какъ только кукла свалится съ дерева, набрасываются на нее и рубятъ на части топоромъ.

Описанныя нами общественныя моленія хотя совершаются Инмару, но не христіанскому Богу-Вседержителю, и напрасно „защитники“ вотяковъ хотятъ увѣрить общество, что на мольбищѣ молятся на колѣняхъ и быка рѣжутъ тамъ въ честь „Инмара“, того самаго, въ честь котораго вотяки осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, или молятся „Гудыри-Инмарлы“ какъ Ильѣ Пророку. Былъ такой случай. Возвращались съ требы священникъ съ причтомъ. По дорогѣ, замѣтивъ общее моленіе вотяковъ въ лѣсу, духовныя лица пришли на поляну и отслужили молебенъ. Вотяки раздраженно попросили ихъ поскорѣе удалиться; а сами все находящееся на мольбищѣ—котлы съ мясомъ и проч.—перенесли на другое мѣсто, хотя и въ томъ же лѣсу.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду наиболѣе существенное обстоятельство—общій смыслъ молитвы вотяковъ. Многіе изслѣдователи вотскаго быта малое развитіе этихъ инородцевъ

въ религіозномъ отношеніи приравниваютъ къ „темнотѣ“ русскихъ крестьянъ. Въ этомъ—великое недоразумѣніе. Какъ бы ни былъ невѣжественъ русскій крестьянинъ, но у каждаго изъ нихъ имѣется сознаніе своей нравственной виновности предъ Богомъ. Крестьянинъ—мужчина или женщина—не зная догматовъ вѣры, твердо убѣжденъ, что человѣкъ *долженъ* жить честно и памятовать всегда свою зависимость отъ Бога, что даже дурныя мысли служатъ оскорбленіемъ величія Божія. Зависть, недоброжелательство, гнѣвъ, клевета или просто осужденіе ближняго, это—грѣхи, которые лишаютъ человѣка милости Божіей, если онъ въ нихъ не раскается. Совсѣмъ другое дѣло у вотяковъ. Они молятся много и часто, приносятъ жертвы и проч., но никогда и нигдѣ *вотяки не молятся о прощеніи грѣховъ;* они еще не возвысились до пониманія грѣховности дурныхъ наклонностей, нравственныхъ проступковъ; они не раскаиваются въ томъ, что сдѣлали. Даже наиболѣе обрусѣвшіе вотяки въ Глазовскомъ уѣздѣ, по отзыву одного священника о. К., „при бѣдахъ и несчастіяхъ не обращаются къ Господу съ покаянною молитвою: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и др., но знаютъ только, что нужно принести Богу умилостивительную жертву. И чѣмъ больше бѣда, тѣмъ цѣннѣе, тѣмъ выше жертву стараются принести“ *). Обычныя молитвы сводятся на то, чтобы тотъ или другой богъ впередъ не причинилъ имъ вреда. Они не пришли еще къ сознанію, что ихъ можетъ ожидать наказаніе за дурную жизнь, за оскорбленіе Божества непослушаніемъ, неисполненіемъ Его воли. Они думаютъ, что Богъ милостивъ или грозенъ только по мѣрѣ того—много или мало получаетъ Себѣ жертвъ.

Но вполнѣ нехристіанскій характеръ вотскихъ моленій подтверждается осенними моленіями — предъ праздникомъ Покрова и при началѣ зимы. Такія моленія именно бываютъ на „Кереметн“, или „Лудъ“. Подробно о нихъ мы скажемъ далѣе, когда объяснимъ, что представляютъ собою Лудъ, Актанъ, Султанъ и Кереметь. Сами вотяки, тѣ, которые начали поддаваться вліянію русскихъ воззрѣній на свою жизнь, осеннее моленіе опредѣленно называютъ моленіемъ „Нечи-

*) „Вятск. Губ. Вѣд.“ 1896 г. № 37.

стому" („Дженкѣ"), а въ частности—или „Луду", или „Акташу", или другому духу.

IX.

Въ виду того, что намъ приходится высказывать положенія еще непринятыя изслѣдователями вотскаго быта, мы укажемъ здѣсь основанія, на которыхъ составилось наше убѣжденіе о мѣстѣ родины вотяковъ и объ особенностяхъ вѣрованій ихъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи Г. Ф. Миллеръ (проѣзжавшій по Вятской губерніи въ 1733 году) высказалъ предположеніе, что вотяки пришли на настоящія мѣста съ береговъ Енисея; тамъ былъ народъ Арины, говорившій особымъ отъ татарскаго языкомъ. Эйхвальдъ поддерживаетъ эту гипотезу: въ Енисейскомъ округѣ о вотякахъ свидѣтельствуетъ рѣка Уда (впад. въ Селенгу). Оттуда вотяки перебрались въ Европу, въ прикаспійскія степи; а потомъ поднялись вверхъ по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Профессоръ г. Смирновъ возражаетъ противъ этого, на основаніи того соображенія, что съ принятіемъ „Миллеровской" гипотезы „отрывается исторія вотяковъ отъ исторіи родственныхъ имъ пермяковъ и зырянъ. О. Верещагинъ высказываетъ мнѣніе, что вотяки съ р. Уды переселились въ Европу подъ именемъ Омяковъ; назывались потомъ Отяками. Памятникомъ перваго названія осталась древняя вотская деревня въ Слободскомъ уѣздѣ—Омея *). А между рѣкой Обью и Уральскими горами и теперь рѣки и озера имѣютъ вотскія названія: Индра, Огырся-Ягошуръ, Иртышъ, Каробамъ, Вай, Норья, Мумья, Сура, Уньяго. Въ Европейской части Уральскихъ горъ тоже есть вотскія названія: Валсуй, Улсуй, Шудья, Нива и проч. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, о. Верещагинъ производитъ вотяковъ „отъ какихъ нибудь племенъ, обитавшихъ въ Индіи",—это уже совсѣмъ лишнее. Но мы тоже склоняемся къ мысли, что вотяки, составляя одинъ народъ съ зырянами, пермяками и другими соплеменными, нынѣ отличающимися отъ нихъ по языку, народностями **), вначалѣ христіанской эры группиро-

---

*) Въ Елабужскомъ уѣздѣ много есть селеній съ названіемъ „Ом-га".

**) Сравнительныхъ словарей парѣчій сѣверныхъ инородцевъ нѣтъ; между тѣмъ они дали бы много любопытнаго для выясненія родственности

вались около Алтая. Если отвергнуть такую гипотезу, то придется создать новую: какимъ образомъ случилось, что мѣстности, рѣки и проч. по обѣ стороны Урала носятъ съ древности названія, имѣющія значеніе именно по вотски. Названіе господствующей возвышенности—„Алтай"—даетъ намъ нарицательное имя отца семьи „а-тай" *). Равно въ названіи рѣки Иртышъ замѣтны вотскія слова: или „юрт-ыж", или „дыр (голова)—тыш (темя)". „Юртъ"—юрта, домъ, собственно дворъ—все, что есть кругомъ, все строеніе въ совокупности. „Ыж"—овца—любимое названіе рѣчки, употребляющееся въ соединеніи съ другими именами: Бугр-ыж, Бем-ыж, Вар-ыж, или самостоятельно Ыжъ. У вотяковъ въ обычаѣ было давать рѣчкамъ названіе животныхъ. По вотски „ош"—быкъ, „мес"—ярка (ягненокъ): „ош-месъ"—рѣка. Для нѣкоторыхъ рѣкъ взято одно изъ двухъ этихъ названій, наприм., „Вав-ош", „Киль-месь", или просто „Вал-а" („вал"—лошадь). Въ названіи области „Джунгаріи" напрашиваются на сопоставленіе вотскія слова „джужа"—вечерняя заря („джужа шунды"—закатъ солнца) и „ари"—такъ татары и понынѣ называютъ вотяковъ **); въ Джунгаріи есть городъ „Урум-чи", слово „уромъ" вотское, по русски—другъ. Озеро при верховьяхъ Иртыша—„Улюн-гуръ"—по вотски „Улын"—

племенъ Для примѣра укажемъ на сходство словъ вотскихъ съ корельскими, такъ корельскія слова: *тол ви*—зима, *кези*—лѣто, *куза*—ель, по вотски: *тол*—зима, *кезит*—холодъ, *кыз*—ель и проч.

*) При сдвоеніи согласныхъ *д* и *т* въ вотскомъ языкѣ, одна изъ нихъ переходитъ въ *л*: „аттай—алтай", „будда—булда, или будла" и др. Другія отъ того же корня родственныя названія: „а най"—мать, „а пай"—старшая сестра, „а-гай"—старшій братъ. По допустивъ одно основаніе созвучности, слѣдуетъ считать, что горы и мѣстность по близости ихъ получили названіе отъ имени (въ смыслѣ „отечество", родина), а не наоборотъ; такъ какъ основная тема „ат" (русское „от-ецъ") является первоначальными звуками людей первобытнѣйшей старины, предшествовавшей раздѣленію туранцевъ, семитовъ и арійцевъ: въ татарскомъ и турецкомъ языкахъ „ата", въ венгерскомъ и черемисскомъ—„атья, atia", въ древнегреческомъ, древнелатинскомъ и готскомъ—„атта", въ старонѣмецкомъ—„атте" и т. д. Правда, тамъ же, въ Центральной Азіи, одно изъ озеръ называется созвучно „Ала-тау", что значитъ, по татарски,—пестрая гора; у вотяковъ „тау" означаетъ благодарность.

**) У древнихъ индійцевъ „джанъ" значило *порождать*, „джени"—мать, „аріи"—прозвище первобытныхъ Иранцевъ (Персовъ); „Аріама"—въ Ведахъ божество. Тибетъ раздѣляется на провинціи *Ари*, *У*, *Камъ* и *Тзингъ*.

нижній, „гур"—печь, жилье („гуртъ"- деревня), въ то озеро впадаетъ рѣка „Урин-гу",—„гу" вотское, по русски—яма, оврагъ *). Еще г. Потанинъ сообщалъ преданіе Елабужскихъ вотяковъ о *степной* родинѣ и о великихъ Нугаяхъ. Нѣкоторыя названія мѣстностей центральной Азіи, имѣющія значеніе по переводу съ татарскаго языка, были усвоены вотяками и перенесены въ Европу. Такъ, названіе хребта Тянь-Шань состоитъ изъ татарскихъ словъ („тянь"—тѣло); послѣднее изъ нихъ „шань" сохранилось въ простонародномъ названіи одного города: селеніе вотяковъ называлось „Шань-шуръ", у русскихъ стало „Шань-шурино", а оффиціально „Царевосанчурскъ". Конечно, не эти только и подобныя указанія должны послужить къ опредѣленію Алтайскихъ возвышенностей и смежныхъ степей какъ первоначальной родины вотяковъ. Сопоставленія значеній словъ приводятся нами въ ряду другихъ данныхъ. Несомнѣнныя доказательства этого сохранились въ вѣрованіяхъ вотяковъ. Какъ ни странно, но до сихъ поръ этнографамъ не извѣстно, кто у вотяковъ признается за высшее божество. Если вотякъ, знающій свою вѣру, пожелаетъ правильно отвѣтить на вашъ вопросъ объ этомъ богѣ-боговъ, то не задумываясь скажетъ: „истинный, первый богъ—*Булда*, больше его нѣтъ бога". Вотъ ключъ къ уразумѣнію характера языческихъ вѣрованій вотяковъ.

О Булдѣ уже проникали въ печать сообщенія. Въ 1859 году въ „Вятск. Губ. Вѣдомостяхъ" упоминается, между прочимъ, о явленіи Булды въ Варзіятчинскомъ приходѣ Елабужскаго уѣзда. Въ 1881 г. въ „Извѣстіяхъ Общ. Арх.,

---

*) „Гу" въ соединеніи со словомъ „пель" (ухо) перешло въ „га" (подобное слову „ву"—вода, которое измѣнилось въ „вю", а въ названіи рѣчекъ въ „ва", наприм., Си-ва, Сыл-ва, Пож-ва и проч.); почему словомъ „пельга" обозначаются деревни, расположенныя вблизи нѣсколькихъ овраговъ, въ мѣстности, пересѣченной логами (какъ бы въ видѣ ушной раковины), носящей свое собственное имя: Тыловылъ-пельга, Макапъ-пельга, Кибекъ-пельга и др. Но къ имени селеній, лежащихъ у *одного* лога, „га" присоединяется прямо къ собственному имени: Мож-га, Ом-га, Пур-га („Пуръ"—черемисинъ) и т. д. Можетъ быть „гу" или „га" означало „иму"—первобытное жилье, вырытое въ землѣ въ косогорѣ вблизи ключа, или небольшого ручья. Вообще, у вотяковъ звукъ *у* менѣе другихъ устойчивъ; наприм., говорятъ: „муртъ" и „мортъ", „куака"—„квака" и пр.

Ист. и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ“ (въ III т.) описывается *праздникъ* „булда“, устраиваемый поочередно въ одной изъ трехъ деревень (Елабужскаго уѣзда)—Старой Зюмьѣ, Арлiановой и Варзи-ятчи. Здѣсь угощеніе предлагается болѣе обильное, чѣмъ когда либо (рѣжутъ 2 лошадей, 2 коровъ, овецъ и нѣсколько птицъ). О времени моленія объявляется недѣли за двѣ на базарахъ. Скотина оплачивается всѣми молящимися. Одинъ изъ такихъ праздниковъ Булды (въ 1881 году съ 30 іюня) подробно описанъ г. Потанинымъ. Вотъ все, что извѣстно о невѣдомомъ Булдѣ: проф. г. Смирновъ въ книгѣ „Вотяки“, очевидно за отсутствіемъ свѣдѣній, обходитъ молчаніемъ вопросъ о томъ, кому устраивается грандіозное жертвенное приношеніе, не предполагая существованія какого либо неизвѣстнаго божества, кромѣ описанныхъ въ его книгѣ. Праздникъ Булды существуетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Елабужскаго уѣзда, напримѣръ, въ деревнѣ Вояки (Староятчинской волости), Гондыревой (Граховской волости). Но наиболѣе торжественное моленіе Булдѣ устраивается въ центральной части уѣзда—въ лѣсу Кокшанскаго завода (г. Ушкова). Ревностные язычники, сохранившіе почитаніе Булды, собираются сюда не только изъ своего, но даже изъ Малмыжскаго уѣзда—за сотню верстъ. Моленіе бываетъ чрезъ три года, лѣтомъ, на другой день послѣ Петрова дня, т. е. съ 30 іюня; за мѣсто для мольбища уплачивается аренда—рублей 15—25. Но отзывамъ вотяковъ роща эта указана для жертвоприношеній Булдѣ прорицателемъ въ старину. Именно, въ юговосточной части Елабужскаго уѣзда сохраняется преданіе, что лѣтъ полтараста назадъ одинъ вотякъ заблудился на охотѣ и долженъ былъ ночевать въ глухомъ лѣсу. Подъ утро онъ увидѣлъ во снѣ сѣдого, величественнаго старца, который сказалъ, что на этомъ мѣстѣ нужно устроить мольбище и приносить жертвы чрезъ три года; при чемъ старецъ прибавилъ: „я страшный богъ!“ Послѣ того чрезъ годъ и устроено мольбище въ лѣсу, нынѣ г. Ушкова, и аккуратно чрезъ три года происходитъ моленія. Онѣ называются „Булда“, будто бы по имени вотяка изъ деревни Юмьи, видѣвшаго сонъ. Потомки его до настоящаго времени сохраняютъ старшинство надъ этимъ мольбищемъ, старшій изъ этого рода—главный жрецъ. Деревня Старая

Юмья находится на почтовомъ трактѣ, въ 35 верстахъ отъ г. Елабуги (въ 5 верстахъ отъ села Куракова). Это одно изъ наиболѣе старыхъ поселеній вотяковъ, пришедшихъ сюда болѣе 200 лѣтъ назадъ, какъ увѣряютъ, изъ нынѣшней Казанской губерніи. По отзывамъ вотяковъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ мольбища въ Кокшанской дачѣ, молиться Булдѣ не слѣдуетъ. Однакожъ, „малыя булды" были и прежде и сохранились до настоящаго времени. Мѣста для нихъ выбирались, по вотски, „веселыя", покрытыя лѣсомъ, прежде конечно густымъ, нынѣ порѣдѣвшимъ.

Въ ритуалѣ жертвоприношеній на праздникѣ Булды (1881 г. съ 30 іюня на недѣлю), описанномъ г. Потанинымъ, въ деревнѣ Варзи-ятчи, замѣтны нѣкоторыя особенности. При общественныхъ моленіяхъ на открытомъ воздухѣ, жрецы, обыкновенно, произносятъ молитвы, находясь *предъ* разженными кострами и на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. На праздникѣ же Булды четверо жрецовъ, имѣя далеко *сзади одинъ большой костеръ*, обратясь лицомъ на югъ, всѣ рядомъ, держа въ рукахъ чаши съ кумышкой, молились предъ тремя воткнутыми въ землю березками, между которыми на веревкѣ висѣли стѣной полотенцы съ расшитыми концами. На жертвенномъ столѣ, предъ березками же, составлены были штофы съ кумышкой. Весь народъ молился съ обнаженными головами. Заключительное слово молитвъ, „аминь", подхватывала вся толпа. Послѣ моленья, сдѣлавъ оборотъ направо, жрецы гуськомъ пошли за главнымъ жрецомъ къ костру. Предъ нимъ, послѣ новой молитвы, жрецъ кропилъ кумышкой въ огонь каждый разъ по три возліянія. Какъ знакъ своего служенія, жрецы имѣли накинутыя на шеи полотенцы съ опущенными концами на груди; въ другихъ случаяхъ полотенце замѣняется березовой вѣткой.—Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней праздника было моленье „Му-Кылчину". Тогда жрецы, имѣя въ рукахъ чаши съ кумышкой, тоже впереди костра, молились на колѣняхъ предъ вырытой (въ аршинъ глубины) могилой. Послѣ „аминь", сказаннаго молящимися, жрецъ плескалъ кумышку на дно ямы и, всыпавъ крохи отъ хлѣбцевъ въ берестяный чумакъ, втиснулъ его въ боковое углубленіе въ ямѣ, и наконецъ, изъ поданной чаши обрызгалъ кровью жертвеннаго животнаго стѣнки и дно могилы. Въ нее зака-

пываются потомъ кости чернаго быка и сверху прикрываются обрубками деревьевъ, которые остаются на мѣстѣ все трехлѣтіе.—Судя по торжественности обряда, заключаетъ г. Потанинъ, какъ будто „Му-Колчинъ“ важнѣе „Инмара“; вотяки говорили ему: „вѣдь, Му-Колчину не эдакъ молятся, какъ Инмару, ему крѣпко молятся: на колѣняхъ молятся“ *). Избираемый на прочія большія общественныя моленія „тыръ“, на праздникѣ Булды не присутствуетъ. Г. Потанинъ высказываетъ мысль, что вотскій „тыръ“ есть представитель *громовника*, откуда къ нему и такое какъ бы божеское почтеніе. Если уже допускать предположенія, то проще остановиться на томъ, что „тыръ“ на обыкновенныхъ ежегодныхъ моленіяхъ своимъ однимъ присутствіемъ въ нѣкоторомъ родѣ служитъ напоминаніемъ объ отцѣ буддизма; почему его и чтутъ „престольникомъ“, какъ объясняли намъ слово „тыръ“. На праздникѣ же Булды онъ самъ незримо участвуетъ, по мнѣнію вотяковъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе нынѣ беретъ перевѣсъ, „малые булды“ уже прекратили свое существованіе. Такъ, близъ деревни Айшуръ (Васильевской волости) по обширной загородкѣ на мольбищѣ Булды можно судить, что въ былое время здѣсь было большое моленье. Дѣйствительно, вотяки сходились сюда изъ 30 и болѣе селеній. Или число почитателей этого бога сокращается, или по другимъ какимъ либо причинамъ, постепенно вкладчиковъ на жертвы становится все менѣе и на Айшурское мольбище, подъ конецъ, собирались молельщики изъ 7—10 селеній: а потомъ, и совсѣмъ не стали являться посторонніе. Мѣстные жители пробовали поддержать „вѣру“,—два трехлѣтія покупали жертвы на счетъ только своего общества; но далѣе „не вытерпѣли“, оставили. Загородка стоитъ, есть лабазъ—„отъ дождя для поповъ“ („восясей“). Тоже и самыя моленія Булдѣ прежде продолжались недѣлю, а потомъ, на нѣкоторыхъ мольбищахъ весь обрядъ сводился на день, на два. Одной изъ главныхъ причинъ прекращенія моленій Булдѣ считается дороговизна устройства „булды“. Здѣсь для жертвы требуются не телята и жеребята, а большіе, двухъ—трехъ лѣтъ лошади, быки и телки („богъ большой!“); сверхъ того бараны и др.

*) Г. Н. Потанинъ, „У вотяковъ Елабужскаго уѣзда“, стр. 210.

Восяси считались старшими изъ всѣхъ прочихъ. Съ паденіемъ періодическихъ (чрезъ 3 года) моленій Булдѣ, постепенно возникли сборныя *ежегодныя* моленія (описанныя уже нами), которыя привились тѣмъ легче и стали любимыми, чѣмъ ближе устраивались для немногихъ селеній извѣстной мѣстности: на мольбище ежедневно могутъ приходить желающіе изъ каждаго дома и почти всѣ взрослые, а на ночь возвращаться домой. На мольбищѣ ночью остаются только караульщики, охраняющіе хлѣбцы, лежащіе всю недѣлю вблизи костровъ, кости и проч. Поэтому-то сборные для 2—5 селеній праздники въ основаніи своемъ имѣютъ тоже моленіе Булдѣ.

X.

Почитаніе Булды къ настоящему времени сохранилось далеко не во всѣхъ вотскихъ деревняхъ. Но даже тамъ, гдѣ ему не молятся (по крайней мѣрѣ, увѣряютъ, что не молятся), о Булдѣ не рѣшаются что либо разсказывать постороннимъ,— это богъ страшный и человѣческія жертвы приносятся ему. Если въ собраніи (на сходкѣ, или въ гостяхъ) находится русскій, а кто либо изъ вотяковъ, обзабывшись, упомяиетъ о Булдѣ, тотчасъ высказывается предупрежденіе: „смотри, тутъ есть чужіе". Въ сѣверо-восточномъ углу Елабужскаго уѣзда, въ глухой Ильинской волости указываютъ одну деревню, вблизи которой *Булда сидѣлъ на деревѣ*. Даже этой одной черты достаточно для того, чтобъ вывести заключеніе, что вотскій Булда—индійскій *Будда*. Мы можемъ привести и болѣе опредѣленныя доказательства. Въ деревнѣ Сарамакѣ (Староятчинской волости) есть особенно-чтимое мольбище и „бодзымъ-квала": туда не только въ праздники, но и въ другое время (по случаю болѣзни и др., по указанію „туно") приходятъ вотяки изъ отдаленныхъ селеній для жертвоприношеній. Здѣсь находился старый Булда—идолъ. Много лѣтъ назадъ, жители трехъ селеній различныхъ мѣстностей просили у „восяся" Булду къ себѣ: но „старикъ" не согласился уходить изъ своего мѣста, а отпустилъ троихъ сыновей въ „бодзымъ-квалы" въ деревни Аргабашъ, Бемыжъ и Вожи. Сыновья эти были чурбаны, изображающіе собой мужчинъ въ видѣ сидящей куклы во весь ростъ. Дерево, на крестьянскій взглядъ, обдѣлано искусно, съ усами, бородой и волосами изъ конопли

ляной кудели. За молодого Булду изъ каждой деревни уплачены деньги и кумышка. Аргабашскіе вотяки, напримѣръ, отдали четыре золотыхъ и ведро кумышки. Намъ извѣстно о судьбѣ двухъ идоловъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ по близости деревни Бемыжка работали лѣсорубы изъ Бемыжевскаго завода. По озорству, одинъ изъ нихъ, помоложе другихъ, учинилъ „въ бодзьымъ-квалѣ" большое неприличіе, слухъ о которомъ быстро распространился, и произвелъ, конечно, различное впечатлѣніе на вотяковъ и на русскихъ. Крестьянинъ (намъ извѣстно имя его) забрался въ общественный шалашъ, захватилъ себѣ находившіяся тамъ полотенцы и скатерти, а также жертвенныя деньги—рублей до семи; мало того, однимъ изъ деревянныхъ блюдъ воспользовался какъ ночной посудиной и назьмомъ вымазалъ у идола усы и бороду. Вотяки, узнавъ о поруганіи чтимаго ими Булды, намѣревались отметить заводскимъ жителямъ (сжечь дрова и др.); однако ихъ увѣрили, что все это случилось отъ татаръ. Вотяки, впрочемъ, остались въ увѣреніи, что богъ самъ замучитъ виноватаго. Послѣ такого случая идолъ хранился у „бодзьымъ-восяся"; существуетъ ли онъ теперь—намъ неизвѣстно. Въ другой деревнѣ, въ Аргабашѣ, собственно въ лѣсу, гдѣ происходятъ лѣтнія сборныя моленія, нѣсколько лѣтъ (18—20) назадъ Булду украли. Случилось это такимъ образомъ. Въ дер. Сарамакѣ усилилась „каллера" (тифозная эпидемія). „Моленья"—жертвоприношенія Булдѣ—не имѣли благопріятнаго результата и вотяки пришли къ заключенію, конечно, по указанію „туно", что „богъ ихъ устарѣлъ"—потерялъ силу, и они задумали его замѣнить другимъ, крѣпкимъ. Нѣсколько вотяковъ отправились ночью въ деревню Аргабашъ на тройкѣ лошадей со скрипкой и гуслями; разломали здѣсь въ „бодзьымъ-квалѣ" двери, взяли Булду вмѣстѣ съ коробомъ (мудоромъ) и увезли „молодого" бога въ свое капище. Такое озорство поразило потерпѣвшихъ вотяковъ. Одинъ старикъ (имя его намъ извѣстно) поспѣшилъ съ челобитьемъ о защитѣ къ мѣстному ходатаю—русскому крестьянину. Въ сильномъ возбужденіи, съ растрепанными волосами вбѣжалъ Епифанъ къ ходатаю и закричалъ: „бѣда, деревня голова кончалъ!"—Что случилось?—„Не знай чего дѣлать станемъ: бога у насъ тащили".—Какого бога?—„Булду нашего".—Кто же

украль?—„Сарамакскіе ночью украли; ведро водки въ шалашѣ оставили, а бога воровали".—Да зачѣмъ же имъ; они сами вамъ его дали.—„У нихъ свой старъ сталъ, ничего не стоитъ, не помогаетъ; на смѣну нашего тащили".—Старикъ, по простотѣ своей, полагалъ, что возможно по суду выхлопотать возвращеніе „бога"—принудить сарамакскихъ вотяковъ возвратить украденнаго идола. Это былъ не единственный случай переселенія божества. Сарамакскіе вотяки, вѣроятно часть ихъ, жила поселкомъ, домовъ 10—15 близъ деревни (въ 2-хъ верстахъ) нынѣ Айдуанъ-Чабьи, когда ея еще не было; но починовцевъ сильно „обижали медвѣди": они и бросили свое селенье, возвратились на старицу. Это было болѣе 200 лѣтъ назадъ. По обычаю у нихъ уже было заведено на новомъ мѣстѣ мольбище для осенняго жертвоприношенія „Лудъ", которое и понынѣ называется „Сарамакскій Лудъ". Сюда, въ теченіе полутораста лѣтъ, ежегодно осенью изъ дер. Сарамака пріѣзжали вотяки-молельщики съ жертвами (гусь, утка). Этотъ Лудъ расположенъ на пригоркѣ, близъ ключа. Съ теченіемъ времени загородка упала. Чабьинскіе вотяки ее не поддерживали, такъ какъ у нихъ свое мольбище находится нѣсколько дальше. Видя непочтеніе къ своему уважаемому мольбищу и затрудняясь дальними поѣздками, сарамакскіе жители рѣшили міромъ перенесть мольбище ближе къ своему селенію. Лѣтъ 25—30 назадъ они пріѣзжали безуспѣшно два раза,—„богъ" не соглашался уѣхать съ ними. Лишь въ третій пріѣздъ онъ въ видѣ зайца вскочилъ въ повозку и его увезли. Это, конечно, легенда. Очевидцы разсказываютъ, что тогда сарамакскіе, по обыкновенію, пріѣзжали верхомъ на лошадяхъ; на мольбищѣ молились, варили жертву и проч.; потомъ какъ будто поѣхали домой, но у воротъ деревни (Чабьи) переговорили между собою и воротились на „Лудъ"; „пошептали что то" (помолились), взяли съ огнища золы и увезли ее въ Сарамакъ. Съ тѣхъ поръ молельщики на Сарамакскій Лудъ перестали пріѣзжать, земля кругомъ вспахана и засѣвается; но гдѣ было огнище, клочокъ земли „съ печь", и теперь не смѣютъ (русскіе) обработывать: „мѣсто проклятое, когда-нибудь провалится".

Въ деревнѣ Вожи, въ верстѣ отъ нея, въ лѣсу, праздники Булдѣ устраиваются по старому обычаю, при большомъ

стеченіи молельщиковъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ сохранилось почитаніе Будды, хотя и нѣтъ идоловъ, въ молитвенныхъ призываніяхъ, одновременно съ „Бодзымъ-Инмаромъ“ и „Кылчинъ-Инмаромъ“ упоминается: „Будда курыскон!“ Изъ процесса о мултанскомъ жертвоприношеніи извѣстно, что въ томъ селѣ живутъ вотяки двухъ родовъ: „будла“ и „удчуръ“. Послѣднее названіе составилось, вѣроятно, изъ словъ—„уд“—*вотское племя* и „чур“ -*родъ, порядокъ, потомки*. Слово „будла“ что же другое, какъ не „будда?“ Если повнимательнѣе разспросить мѣстныхъ жителей, то навѣрное окажется гдѣ либо поблизости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ и вообще „веселое мѣсто“, -то и будетъ мольбище Буддѣ, гдѣ и „моленія“ живыхъ существъ могутъ случаться.

Относительно самаго мѣста общественнаго моленія Буддѣ слѣдуетъ замѣтить, что оно въ разныхъ селеніяхъ называется различно, даже такъ: „Микулай-вось“. Является вопросъ: не находится ли это въ связи съ преданіемъ, что Будды—братья Николая Чудотворца, о чемъ упоминалось въ сообщеніи изъ Варзиятчинскаго прихода въ 1859 году. Впрочемъ, къ нѣкоторымъ моленьямъ вотяковъ сосѣди ихъ, вотяки же, относятся неодобрительно съ своей, конечно, точки зрѣнія, называя ихъ „мадлань-вовь“—неправильное моленье.

О поклоненіи вотяковъ идоламъ въ этнографической литературѣ есть опредѣленныя свѣдѣнія (у Бехтерева, Островскаго, Кошурникова, Буха). По описанію Кошурникова „изображеніе Инмара состоитъ изъ грубо отесаннаго чурбана, представляющаго одну голову *съ подвѣшенной* къ подбородку *бородой изъ болотныхъ травъ*. Помѣщается этотъ идолъ въ переднемъ углу шалаша надъ тремя ведущими къ нему ступенями и составляетъ, по понятіямъ вотяковъ, такую святыню, что всякій дерзнувшій оскорбить этого идола долженъ тутъ же непремѣнно умереть. Поклоненіе и чествованіе идолу Инмара вотяки воздаютъ тайно, тайно же дѣлаютъ ему и приношенія, состоящія изъ полотенцевъ, развѣшанныхъ предъ нимъ на протянутыхъ веревкахъ въ видѣ украшенія“ *). Покойный Первухинъ описываетъ имѣвшагося у него вотскаго идола

---

*) Кошурниковъ В. „Быть вотяковъ Сарапульскаго уѣзда“. Въ приложеніи къ „Изв Об-ва Арх., Ист. и Этногр. при И. Казанск. ун.“ за 1879 г.

такъ: бородатый мужчина въ короткой одеждѣ, вродѣ рубашки, лѣвою рукою подпираетъ бокъ, а въ правой на отлетѣ держитъ что то вродѣ рога; идолъ небольшой, мѣдный, съ ушками вверху (для подвѣшиванія) *).

Сопоставляя имѣющіяся у насъ данныя съ тѣмъ, что отмѣчено въ этнографической литературѣ относительно обстановки языческихъ моленій вотяковъ, мы вполнѣ убѣждаемся въ справедливости высказаннаго уже нами мнѣнія о значеніи и назначеніи „мудора" при моленіяхъ въ „куалѣ" (въ шалашѣ). *Мудоръ* въ прежнее время, въ теченіе многихъ вѣковъ, служилъ жертвенникомъ, на которомъ помѣщался „богъ"— идолъ Будды, а предъ нимъ ставились приношенія—смѣсь кумышки съ пивомъ и хлѣбъ съ масломъ и мясомъ жертвеннаго животнаго. При моленіяхъ на открытомъ воздухѣ, въ лѣсу, чурбанъ помѣщали на дерево, къ нему и обращались съ молитвами и жертвами; такъ согласно передаютъ всѣ, кто намъ разсказывалъ объ идолахъ. Первые миссіонеры ко многимъ предметамъ языческаго культа новокрещенныхъ вотяковъ относились снисходительно, но ни подъ какимъ видомъ они не могли допустить у нихъ чествованія кумировъ; почему съ момента крещенія вотской семьи идоловъ необходимо было скрывать. Но какое же моленіе можетъ быть для полудикаря, если предъ нимъ нѣтъ „бога". Изъ церкви ему дали икону, но это „богъ" русскій; между тѣмъ „вуж-шудъ"— дѣдовское благополучіе, „старое счастіе" возможно сохранить лишь при чествованіи „стараго" бога. И вотъ, естественно, подставка „мудоръ" остается на полкѣ въ куалѣ, идола убираютъ, по напоминаніемъ о немъ остается „борода" изъ болотной травы. Нужно видѣть длинный пучокъ изсохшей осоки, свѣшивающейся по верхъ березовыхъ вѣтокъ съ мудора, чтобъ не задумываясь сказать, что это не иное что, какъ „борода" **). Но порядки „моленія" живучи и старые предметы поклоненія не безъ борьбы уступаютъ мѣсто новымъ; почему кумиры кое гдѣ сохранились и до настоящаго времени у вотяковъ,—все еще полухристіанъ, полубуддистовъ.

---

*) „Эсквзъ 1-й", стр. 22.

**) У насъ имѣется часть такой „бороды".

XI.

Итакъ, мы предлагаемъ новое освѣщеніе „вотской религіи"—буддизмъ, и отводимъ ей мѣсто въ ряду извѣстныхъ религій міра. Признаніе вѣрности нашего мнѣнія въ высшей степени важно для всѣхъ трудящихся на пользу вотяковъ, потому что, зная источникъ темноты, окутывающей цѣлое племя, возможно съ большимъ успѣхомъ бороться съ язычествомъ и вымираніемъ этихъ инородцевъ.

Буддизмъ вотяки приняли, когда еще жили въ Азіи, по близости Алтайскихъ возвышенностей, не менѣе полуторы тысячи лѣтъ назадъ. Буддизмъ, успѣшно распространявшійся въ Индіи до царя Асоки (въ III вѣкѣ до Рожд. Хр.), къ началу христіанской эры былъ вытѣсненъ изъ родины браминами и перенесенъ черезъ Гималаи въ Тибетъ и Китай. Въ Монголію буддизмъ ввелъ великій ханъ Хубилай. Въ Сибири онъ распространенъ у бурятъ и калмыковъ. Но метафизическое ученіе Будды—религія безъ Бога, безъ жертвъ и молитвъ, —смѣшавшись на сѣверѣ съ мѣстными религіозными вѣрованіями, сдѣлалось неузнаваемымъ. Правда, самъ Будда не возставалъ противъ боговъ народной вѣры; слившись съ первобытными воззрѣніями почти дикарей, его ученіе, буддизмъ, восполняемый его послѣдователями браминствомъ—обрядностію древней религіи Индіи,—выродился въ центральной Азіи въ грубое идолопоклонство. Съ браминствомъ перешли изъ Индіи на сѣверъ многія браминскія божества и смѣшались съ туземными богами; при чемъ, Будда тоже сталъ богомъ, главенствующимъ надъ всѣми прочими *). Къ вотякамъ съ буддизмомъ, какъ ученіемъ, проникла и обрядность и нѣкоторые религіозные обычаи, съ примитивнымъ жречествомъ. Еще по ученію браминовъ, божество требовало себѣ въ жертву именно то животное, которое имъ отмѣчено отличительными признаками, а по ученію буддистовъ житейскія бѣдствія предотвращаются своевременнымъ исполненіемъ культа. Но требовались ли, по утратившей первона-

*) Самъ Будда о себѣ говорилъ: „съ тѣхъ поръ, какъ я обладаю четырьмя святыми истинами (познаніемъ и міровоззрѣніемъ), я достигъ высшаго достоинства Будды, въ этомъ мірѣ и мірѣ боговъ, въ мірѣ Мары и Брамы, среди всѣхъ людей, аскетовъ и браминовъ, среди боговъ и людей".

чальную чистоту буддійской религіи, закланія людей въ жертву? Да, считались необходимыми. Есть такое *буддійское* преданіе: для одного духа обязательно было давать въ жертву ежедневно человѣка. Съ такою цѣлію къ этому духу посылались преступники—убійцы и воры; если ихъ не оказывалось на лицо, отсылали по очереди изъ каждаго дома по порядку стариковъ, а когда ихъ не хватало,—дѣтей. Позднѣйшія буддійскія сказанія тоже свидѣтельствуютъ о жертвоприношеніяхъ дѣтей, какъ о крайнемъ случаѣ, за отсутствіемъ другой жертвы. *) Г. Клеменцъ (въ „Вост. Обозр." 1896 г., № 28) сообщаетъ: „зайдите въ любой буддійскій храмъ въ Забайкальѣ, вы тамъ найдете цѣлую серію боговъ страшилищъ съ оскаленными клыками, съ ожерельями изъ череповъ, верхомъ на чудовищѣ, покрытомъ человѣческой кожей, съ черепомъ, наполненнымъ кровью, въ рукѣ... При служеніи имъ употребляется чаша изъ черепа человѣка, ее наполняютъ (бараньей) кровью... Однако эти боги довольствуются барашкомъ, тарсуномъ и поползновеній покушать человѣчины въ нихъ не обнаруживается". Довольствуются *нынѣ* барашкомъ; но жертвенная кровь въ человѣческомъ черепѣ и ожерелье изъ череповъ свидѣтельствуютъ, что буддійскіе боги не всегда удовлетворялись однимъ барашкомъ. Болѣе детальное изученіе языческихъ вотскихъ вѣрованій и сопоставленіе ихъ съ частностями браминской и извращенной (сѣверной) буддійской религіями покажетъ справедливость нашего указанія. Откуда, какъ не изъ Индіи идетъ убѣжденіе вотяковъ въ необходимости при моленіяхъ *огня* и особенное почтеніе къ прорицателямъ, слово которыхъ соблюдается неизмѣнно, во что бы то ни стало. Откуда, какъ не изъ Индіи усвоена несложность избранія и поставленія жреца безъ религіозныхъ церемоній. При обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ, можетъ быть, удастся выяснить и тѣ религіозныя напластованія, которыя, подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ, явились въ культѣ; напримѣръ, принесеніе въ жертву божеству крови и вмѣстилища ея, сердца. Не слышится ли въ названіи вотскихъ жрецовъ „бодзымъ" китайское—„бонзы"; не ясно ли, что изъ Азіи принесенъ обычай класть съ покойникомъ его вещи, необходимыя въ житейскомъ обиходѣ, даже хол-

*) Липпертъ Ю. „Исторія культуры", стр. 327, 329.

ста на рубашку и др. Китайцы и нынѣ кладутъ къ умершему въ могилу все, что у него было при жизни, но только... изъ бумаги. Индусы были убѣждены, что жертвы богамъ поддерживаютъ существованіе міра. Вотяки, руководясь языческими вѣрованіями, во время несчастій общественныхъ или семейныхъ, полагаютъ, что тотъ или другой богъ напоминаетъ о себѣ, посылая на людей болѣзни, неурожаи и др., и требуетъ обязательной жертвы, послѣ которой перестаетъ вредить.

Поражающая насъ въ понятіяхъ вотяковъ склонность людей къ перевоплощенію въ животныхъ и духовъ и обратно легко объясняется взглядами Будды. Онъ самъ, напримѣръ, нерѣдко начиналъ свой разсказъ о какомъ либо изъ прошлыхъ существованій: „и былъ я въ другой жизни зайчикомъ и жилъ въ лѣсу, на горѣ“ и пр. Или онъ былъ бѣлкою, оленемъ и т. п. *). Народная жизнь вотскаго племени, въ идеалѣ, есть проявленіе тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ формулѣ буддійскаго догмата о тройственности: „Будда, законъ и община“ **). Эти завѣты, усвоенные по мѣрѣ возможности, культурнаго развитія, неизмѣнно сохраняются въ вотскомъ племени второе тысячелѣтіе.—*Будда*. Возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавлива-

---

*) Въ „Эскизахъ“ Первухина сообщается преданіе, существующее въ Глазовскомъ уѣздѣ, о томъ, какъ, по просьбѣ вотяковъ, Кылдысинъ явился имъ, чтобъ не устрашить ихъ, въ видѣ красной бѣлки, сидящей на верхнемъ сучкѣ березы. Охотники-вотяки подстрѣлили эту бѣлку, и она покатилась съ сучка внизъ; но, не долетѣвъ до земли, превратилась въ рябчика, который полетѣлъ было въ сосѣдній лѣсъ. Охотники вновь выстрѣлили, и рябчикъ упалъ на землю; но съ земли онъ вспорхнулъ тетеревомъ и скрылся за рѣкой. По другому преданію, и тетеревъ былъ убитъ; но, не долетѣвъ еще до воды, обратился въ окуня и исчезъ въ водѣ. Почему, по заключенію Первухина, бѣличья шкурка, сучокъ березы, крылышко рябчика, перья тетерева и сушеная рыбка хранятся у вотяковъ въ воршудномъ коробѣ, какъ памятники воплощенія Кылдысина.

**) Буддійскій символъ вѣры выражается слѣдующими членами:

1) Я вѣрую въ *Будду*: онъ возвышенный, есть святой, высочайшій Будда, знающій ученый, знающій міръ, высочайшій, укрощающій людей, какъ укрощаютъ дикихъ быковъ, учитель боговъ и людей, возвышенный Будда.

2) Я вѣрую въ *ученіе:* оно возвѣщено возвышеннымъ... Оно ведетъ ко спасенію, мудрый познаетъ его въ сердцѣ своемъ.

3) Я вѣрую въ *общину*. Справедливой, праведной и истинной жизнью живетъ община учениковъ возвышеннаго.

ются при умилостивленіи бога даже предъ человѣческой жертвой.—*Законъ.* Усвоенныя вѣрованія и религіозныя воззрѣнія на боговъ, природу и свою жизнь сохраняются вотяками неизмѣнно, неподвижно; съ нелицемѣрнымъ, рѣшительнымъ принятіемъ „русской“ христіанской вѣры вотякъ „сжигаетъ“ символъ буддизма „мудоръ“, а недопускаетъ компромиссовъ, какъ того добиваются съ миссіонерскими цѣлями.—*Община.* „Вотякъ весь въ семьѣ и въ общинѣ и почти не имѣетъ личной иниціативы... Попалъ вотякъ въ бѣду,—*вся* деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣетъ денегъ... Одной мыслью, въ одну рѣчь—вотъ идеалъ вотскихъ общественныхъ рѣшеній... Но за тѣсные предѣлы рода, или, въ крайнемъ случаѣ, своего племени, альтруизмъ вотяковъ не простирается“. Такъ характеризуетъ общинныя отношенія вотяковъ профессоръ г. Смирновъ (стр. 257, 258). Высшій идеалъ буддизма—въ самоотреченіи, въ самопожертвованіи и терпѣніи. Терпѣніе вотяковъ, можно сказать, идеальное. Они, уже въ историческое время, „вытерпѣли“ гнетъ черемисъ, татаръ и въ прежнее время русскихъ. Презрѣніе вотяка къ удобствамъ жизни, къ пищѣ и обстановкѣ, къ болѣзнямъ острымъ и хроническимъ тоже можетъ быть признано за крайнее самоотреченіе и т. д.

XII.

При полномъ несходствѣ между собою языковъ арійскаго и туранскихъ, народъ, часть котораго составляли вотяки, не могъ усваивать слова, выражающія только понятія, относящіяся до предметовъ отвлеченныхъ. На память потомству онъ могъ сохранить только немногія собственныя имена, имѣющія наиболѣе важное значеніе въ религіи. Съ Буддою къ предкамъ вотяковъ несомнѣнно были занесены и другіе „боги“. Трудно было бы повѣрить, что къ прозелитамъ не перенесли имя противника Будды, съ которымъ онъ велъ борьбу всю жизнь, и противъ котораго вооружались всѣ послѣдователи учителя, имя—„Ма́ра“. Безъ „Ма́ры“ утрачивалъ смыслъ самый буддизмъ, какъ ученіе: „побѣдителю страданія и смерти долженъ противостоять *князь смерти,*—Ма́ра, властелинъ всѣхъ наслажденій, которыя ничто иное, какъ скрытая Смерть (слово *mar* значитъ умереть); Ма́ра шагъ за

шагомъ слѣдуетъ за своимъ врагомъ и ждетъ минуты слабости, чтобъ овладѣть его душой" *). Въ рѣшительную минуту, когда Будда нашелъ истину и на него снизошло чувство всевѣдущаго просвѣщенія, онъ *сидѣлъ подъ деревомъ,* которое названо деревомъ познанія. „И приступилъ ко мнѣ Мáра злой", разсказываетъ потомъ Будда: но онъ побѣждаетъ этого князя міра похоти. Мáра заполняетъ „все пространство міра, подверженнаго страданію. Вездѣ, гдѣ существуетъ глазъ и воспринимаемыя имъ формы, вездѣ, гдѣ существуетъ ухо и воспринимаемые имъ звуки, вездѣ, гдѣ существуетъ мышленіе и мысли—тамъ и Мáра, тамъ и страданіе, тамъ и міръ". Но имѣется ли этотъ властелинъ міра въ религіи вотяковъ? Да, онъ вошелъ въ союзъ съ первобытнымъ вотскимъ божествомъ „Ин" и образовалъ одного бога „Ин-мара". „Ин"—небо, а небо у всѣхъ народовъ означало имя бога (вѣроятно и у славянъ произносилось въ древности „Не-богъ", подобно „Дажбогъ" и др.). Слѣдуетъ предполагать, что у предковъ вотяковъ употреблялось вначалѣ только одно имя божества „Ин" (основатель китайской культуры Фоги небо и землю называлъ одно *янъ,* другое—*инь*), а съ принятіемъ буддизма явился и Мáра. При такомъ нашемъ объясненіи, вотское слово „Инмаръ" получаетъ смыслъ и надлежащее значеніе въ языческой религіи. Существующій переводъ „Инмаръ"—*небо-что* проф. г. Смирновъ называетъ безсмысленной композиціей и сомнѣвается въ томъ, чтобы вотякъ могъ сочинить для неба неуклюжую смѣсь вопросительнаго мѣстоименія съ названіемъ предмета; но, вслѣдъ за тѣмъ, самъ „сочиняетъ" тоже рискованное объясненіе: „Инмаръ"—это „Ин-муртъ", т. е. „небо-человѣкъ"! **).

Участіе буддійскаго „Мáра" въ образованіи слова „Инмаръ" вполнѣ доказывается существующимъ у вотяковъ понятіемъ объ этомъ языческомъ богѣ. О. Верещагинъ, описывая моленья вотяковъ своимъ богамъ, опредѣленно говоритъ: „кромѣ Ин-ву (богъ дождя, благорасположенный къ людямъ, оживляющій и поддерживающій природу своими благами), вотяками въ молитвѣ упоминается *Инмаръ, къ которому боль*

*) Ольденбергъ Г. „Будда", стр. 44, 66, 85, 243 и др.

**) И. Первухинъ объясняетъ: „Ин"—область, власть, „Мар"—свѣтъ, чистота; „Инмаръ"—владыка свѣта, ясности, чистоты!

обращаются объ избавленіи отъ несчастія". Такъ, несмотря на многолѣтнюю давность существованія въ культѣ моленій вотяковъ этому божеству, первоначальный взглядъ на свойство „Инмара" отчасти сохранился до настоящаго времени. Въ сѣверо-восточной части Елабужскаго уѣзда вотяки высшимъ божествомъ признаютъ „Бодзимъ Инву" *). Это служитъ свидѣтельствомъ того, что собственно „Инмаръ" не былъ первымъ „богомъ". И нынѣ въ молитвѣ къ Богу, дающему „бѣлый свѣтъ, тѣло—кровь, хлѣбъ—щи", какъ уже упомянуто, вотяки говорятъ не просто „Инмаръ", а любезный, великій, высокій богъ—„мусо Бодзымъ-Инмаръ".

Съ буддизмомъ къ предкамъ вотяковъ перешли также характерныя особенности частностей культа. У первобытныхъ арійцевъ всякій домохозяинъ былъ жрецъ. Входя въ общеніе съ божествами, при молитвахъ и жертвахъ, они чествовали боговъ на высокихъ горахъ или въ священныхъ рощахъ. Особеннымъ почтеніемъ пользовался огонь домашняго очага—Агни; онъ горѣлъ также на алтаряхъ; въ него бросали чистое коровье масло и вспышки пламени свидѣтельствовали о вознošеніи жертвы къ богу. У вотяковъ коровье масло въ обрядности имѣетъ существенное значеніе: при семейныхъ моленіяхъ въ своей куалѣ, коровье масло также опускается въ огонь костра; невѣсту, привезенную во дворъ жениха, встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и коровьимъ масломъ и проч. **). Съ древнихъ временъ въ Индіи, при общественномъ моленіи, сокъ растенія сомы (или гомы), растертаго жрецами и смѣшаннаго съ молокомъ, возливаемый на жертвенникъ, представлялъ „дѣйствительную пищу небожителей, которой они услаждаются, отъ которой растутъ и крѣпнутъ въ силахъ. Индра долженъ быть навеселѣ отъ сомы"... Въ славословіяхъ сома говорится (въ Ведахъ): „ты жрецъ, ты премудръ, въ сладкомъ соку своемъ несешь ты все, за тобою

*) По Тациту, прадѣдъ германцевъ на берегу Океана былъ Ингу; а родоначальникъ шведовъ именуется Ингви (онъ же и солнцебогъ).

**) На праздникѣ Булды въ Варзиятчахъ обрядъ возліянія кумышки въ огонь и сожиганія кусковъ отъ хлѣбцевъ, принесенныхъ молящимися, вотяки объясняли г. Потанину (въ 1881 году) такъ: „съ дымомъ, поднимающимся отъ опущенныхъ въ огонь крошекъ хлѣба или капель вина, поднимается на небо молитва" (стр. 208).

сходятся всѣ боги для веселой попойки“ *). У вотяковъ сокъ „сома“ замѣненъ хлѣбнымъ напиткомъ—кумышкой и кровью животныхъ. Обильное возліяніе на огонь кумышки и крови, при многихъ жертвахъ, располагаетъ Инмара и другихъ боговъ къ радостному настроенію. Мы уже упоминали, что подъ конецъ празднествъ („Тапы-удъ“ и др.) вотяки видятъ, какъ богъ въ веселіи ходитъ по нивѣ.

Въ индійскихъ книгахъ прославлялось „священное слово“, въ которомъ открываетъ себя духъ: „слово всему наибольшее, всему первое, его имя благодатнѣе всего“. Само слово говоритъ о себѣ: я иду съ духами свѣта и вѣтровъ, несу небо ночное и солнце ясное“ и т. д. У вотяковъ сохранилось поклоненіе „Кылдысьину“. Это имя образовалось изъ нѣсколькихъ словъ: „кылъ“—слово, „дысь“—одежда, „ин“—небо; обозначается имъ (въ настоящее время) небесный духъ (ангелъ), о чемъ еще скажемъ далѣе. По индійскимъ и потомъ иранскимъ сказаніямъ сынъ солнца, первый человѣкъ земного эдема, былъ „Джима“; у вотяковъ сохранилось созвучное имя „Джикья“ — хозяинъ лѣса, духъ-покровитель охотниковъ. У иранцевъ собаки пользовались большимъ почетомъ, такъ какъ эти животныя, по ихъ мнѣнію, были носителями человѣческихъ душъ—предковъ: у вотяковъ куски, отдѣляемые для покойниковъ отъ своей поминальной трапезы, выносятся на дворъ, или за ворота на съѣденіе собакамъ и т. д. Наконецъ, цвѣтистость выраженій и неумѣренность просьбъ въ молитвахъ свидѣтельствуетъ о восточномъ происхожденіи. Они просятъ: „Инмаръ, подай намъ серебра, чтобъ у насъ чашки и ложки, столы и стулья, лавки и кровати были серебряные! Дай золота и серебра и да будутъ у насъ серебряные конюшни и чумы, клѣти и самые заборы“ и проч.

О буддизмѣ свидѣтельствуетъ устройство общественныхъ моленій въ лѣсу, или, въ крайности, даже подъ однимъ деревомъ. Это потому, что Будда еще въ дѣтствѣ предавался размышленіямъ подъ тѣнью душистаго дерева, получилъ просвѣтленіе въ готовности къ проповѣди, находясь подъ деревомъ, училъ въ паркахъ и садахъ, подаренныхъ

*) Морицъ Карьеръ. „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“. Стр. 308, 309 и др.

ему поклонниками, и наконецъ, умеръ подъ двумя деревьями, которыя тогда въ необычное время зацвѣли; при чемъ, по его приказанію, смертное ложе расположено было такъ, что Будда лежалъ подъ деревьями (головой къ сѣверу), лицомъ на югъ. Даже употребленіе вотяками „чашн" при жертвоприношеніяхъ говоритъ о буддизмѣ: „безъ чаши совершенные будды не могутъ принимать пищи".

XIII.

Установивъ положеніе о сформированіи „вотской вѣры" въ существенныхъ чертахъ изъ буддизма, мы считали вполнѣ естественнымъ встрѣтить сходственныя черты въ обрядности и вѣрованіяхъ у ламаитовъ, такъ какъ ламайская вѣра вышла несомнѣнно изъ буддизма. Мы надѣялись также найти нѣчто подобное вотскимъ „моленіямъ" въ вѣрованіяхъ народностей, разобщенныхъ съ вотяками громаднымъ пространствомъ,—бурятъ, тунгусовъ и калмыковъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ, въ этомъ случаѣ, для насъ послужило близкое знакомство съ религіозными предметами ламаитовъ и шамановъ, экспонированными на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ—въ Сибирскомъ отдѣлѣ. Для объясненія выставленныхъ тамъ предметовъ издано „Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи" *), которымъ мы далѣе и пользуемся.

Ламаизмъ, какъ религіозная система, явился въ началѣ XV вѣка и въ немъ слились различныя буддійскія школы и секты; почему въ культѣ его возможно встрѣтить лишь тѣ немногія сходныя черты съ язычествомъ вотяковъ, которыя сохранились у ламаитовъ и послѣ существенныхъ измѣненій въ обрядности „старой" вѣры, буддизма.

Ламайскіе храмы тибетскаго типа представляютъ изъ себя одноэтажныя четырехъугольныя зданія съ плоской крышей; въ южной стѣнѣ входная дверь, на восточной и западныхъ стѣнахъ иногда бываютъ высоко, около крыши, окна, на сѣверной же стѣнѣ въ ламайскихъ храмахъ оконъ никогда не дѣлаютъ. Существуютъ переносныя кумирни, устраиваемыя въ видѣ большихъ войлочныхъ юртъ, и въ этомъ

*) Изд. Восточно-Сибирскаго отдѣла Имнер. Рус. Геогр. Общества. Сост. И. А. Молодыхъ и П. Е Кулаковъ, подъ ред. Н. И. Семенова.

видѣ, надо полагать, онѣ не многимъ чѣмъ отличаются отъ вотскихъ шалашей, поражающихъ насъ „простотою“ своего устройства. (Ламайскіе храмы китайской и смѣшанной архитектуры устраиваются роскошно).

Въ единственномъ квадратномъ помѣщеніи кумирни *противъ* входныхъ дверей располагаются въ особой нишѣ священныя изображенія буддійскихъ кумировъ (бурхановъ). Предъ нишей съ бурханами и надъ ними развѣшены длинные шелковые платки разныхъ цвѣтовъ и др. (У вотяковъ—полотенцы съ вышитыми концами, скатерти). Тутъ же ставится *жертвенникъ*, непремѣнная принадлежность каждаго храма. Это продолговатый столикъ, покрытый пеленой, на которомъ располагаются символическія фигуры, лампады и проч., въ видѣ жертвъ предъ бурханами. По краю жертвенника стоятъ семь металлическихъ *чашечекъ, обязательно* металлическій *дискъ* (изображеніе міра по буддійской космологіи) *для принесенія жертвъ*, на него насыпаются зерна и др. (У вотяковъ—„мудоръ“). *Жертвенная чаша*, сдѣланная изъ человѣческаго черепа, и т. д.

Вдоль восточной и западной стѣнъ кумирни ставятся скамьи для ламъ; впереди ихъ, на одной линіи съ ними, крайнее сѣдалище съ правой стороны предназначается *для настоятеля* монастыря, оно въ видѣ табурета, поверхъ котораго кладутся квадратныя плоскія *подушки* и число такихъ подушекъ показываетъ степень важности ламы. (У вотяковъ „тыръ“, престольникъ, сидитъ на подушкахъ).

На скамейкахъ ближе ко входу, съ лѣвой стороны, устраиваются мѣста для низшихъ ламъ—*музыкантовъ*. Изображенія божествъ *-статуи* бурхановъ всегда ставятся вдоль сѣверной стѣны кумирни. Божества раздѣляются на два рода: добродушныхъ съ вѣчно улыбающимися лицами и грозныхъ, свирѣпыхъ. Первыя дѣлятся на три отдѣла: *буддъ* (существъ, достигшихъ высшихъ степеней совершенства — міроправителей), добрыхъ *духовъ* и *лицъ*, окруженныхъ ореоломъ святости.—Даже въ этихъ немногихъ чертахъ буддійской обрядности, сохраненной ламаитами, по нашему мнѣнію, представляется много сходственнаго съ обстановкой вотской „бодзымъ-куалы“ и др., только въ послѣдней все въ

болѣе скромномъ видѣ. Но еще болѣе очевидное сходство получается при сравненіи религіи вотяковъ съ шаманствомъ.

Шаманская, древнѣйшая религія выражается въ обожаніи силъ природы и въ поклоненіи многочисленнымъ богамъ — духамъ этихъ силъ, посредниками которыхъ съ людьми являются шаманы (жрецы или кудесники). Шаманисты, имѣя смутное представленіе о безтѣлесномъ Вышнемъ Богѣ, вѣрятъ въ боговъ атмосферы и неба и въ потомковъ ихъ. Боги дѣлятся на восточныхъ и западныхъ, злыхъ и добрыхъ. Есть духи воды, огня, горъ, лѣсовъ и проч. Наконецъ, есть души умершихъ—„Онгоны“ (такъ называются также изображенія и символы боговъ). Кромѣ всѣхъ этихъ боговъ и духовъ у бурятъ-язычниковъ почитаются другіе *боги и святые, заимствованные ими отъ буддистовъ* и христіанъ. Изъ христіанскихъ святыхъ пользуются особеннымъ почтеніемъ св. Николай и св. Иннокентій Иркутскій. Св. Николай считается покровителемъ звѣроловства и скотоводства. (Также и у вотяковъ). Затѣмъ, у бурятъ распространено почитаніе *священныхъ рощъ*, отдѣльныхъ *деревьевъ*, скалъ и горъ. При посвященіи шамановъ въ ихъ званіе, убиваютъ коня, или какое нибудь животное, „*брызгаютъ*“ *виномъ* и пьютъ *тарсунъ—молочную водку*. (У вотяковъ—кумышка). Шаманъ не только опредѣляетъ, какому богу и какая именно жертва нужна въ томъ или другомъ случаѣ, онъ еще является исполнителемъ самаго акта жертвоприношенія, а *жертвы приносятся очень часто*.

Священныя изображенія и статуи боговъ—онгоны—у бурятъ весьма разнообразны; между прочимъ, дѣлаются *деревянныя человѣческія фигуры*, обшитыя сукномъ, иногда съ *наклеенными*, вмѣсто усовъ и бороды, *волосами*, или же просто шкурками животныхъ. Онгоны, по понятію шамановъ, не изображеніе бога, какъ икона у православныхъ, или статуя у буддистовъ, а *самъ богъ*, правильнѣе двойникъ бога: самъ богъ живетъ на небѣ, а двойникъ его въ избѣ или въ юртѣ. Изъ животныхъ почитаются особенно: медвѣдь, змѣя, лебеди, ежъ и проч. *На шкурѣ медвѣдей буряты часто совершаютъ клятвы*. По преданіямъ ихъ, медвѣдь былъ прежде шаманомъ, по другимъ разсказамъ—царемъ. Мышь и голубь научили людей земледѣлію, баранъ съѣлъ писанный бурятскій законъ, который поэтому запечатлѣлся на его лопаткахъ, по

которымъ гадаютъ шаманы, медвѣди знаютъ все, что происходитъ въ лѣсу, змѣи обладаютъ способностью надѣлять человѣка даромъ пониманія языка птицъ и животныхъ и проч.

При жертвоприношеніи о выздоровленіи больного, раскладываютъ около юрты костеръ и, посадивъ около него больного, приводятъ барана, приносятъ вино, сметану, молоко, чай и пр. Шаманъ произноситъ заклинанія, *брызгаетъ тарасуномъ въ огонь* и дѣлаетъ заклинанія. Когда жертвенное животное убьютъ и, разрѣзавъ мясо на куски, сварятъ, *шаманъ бросаетъ нѣсколько кусковъ въ огонь,* ѣстъ самъ и даетъ больному и присутствующимъ. *Кости жертвеннаго животнаго сжигаются,* а *шкура* или отдается шаману, или вывѣшивается около юрты на березкѣ. Шаманы нерѣдко прибѣгаютъ къ обману: увидятъ, напримѣръ, на чьей нибудь лошади особенное, рѣдко встрѣчающееся пятно и, предупредивъ владѣльца и условившись подѣлить съ нимъ барыши, объявляютъ больному, что онъ выздоровѣетъ, если принесетъ въ жертву лошадь съ такими то примѣтами. Примѣты описываются именно такія, какія замѣтилъ на лошади своего товарища по стачкѣ. Родственники разыскиваютъ тогда лошадь по всей округѣ, наконецъ доходятъ до бурята, съ которымъ условился шаманъ. Тотъ проситъ за нее дикую цѣну, и буряты, дорожа здоровьемъ родственника, должны ее уплатить. Именно такъ часто бываетъ и у вотяковъ, когда требуется животное для общественнаго жертвоприношенія.

Общественныхъ, обязательныхъ праздниковъ у бурятъ три: весенній, лѣтній и осенній. Расходы на нихъ разлагаются на все общество: лошадей покупаютъ за деньги, овцы доставляются по очереди, а тарасунъ приносится изъ дому участниками. Мѣстомъ для праздника выбирается не крутой склонъ горы, вблизи отъ улуса. Раскладываются костры, устанавливаются надъ ними котлы съ водой, вокругъ разсаживаются взрослые и молодежь, все почти мужское населеніе улуса; женщины участвуютъ только въ одномъ большомъ праздникѣ, или допускаются только дѣвушки. Если присутствуетъ шаманъ, то прежде всего онъ совершаетъ моленіе. Шкура съ зарѣзаннаго животнаго тутъ же вывѣшивается на березку, которая вкапывается въ землю, въ жертву богамъ. *Часть мяса бросается въ огонь,* остальное дѣлится на паи и

варится въ котлахъ: затѣмъ начинается попойка, ѣда и все заканчивается играми и проч.

Мы привели здѣсь указанія, по возможности, лишь на то, что въ ламайской и шаманской религіяхъ имѣетъ близкое сходство съ религіозной обстановкой „моленій“ у вотяковъ, что именно могли взять изъ названнаго изданія Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Свѣдѣнія эти имѣютъ особенный интересъ для мѣстныхъ изслѣдователей быта инородцевъ.

XIV.

Буддизмъ отличается своеобразной „вѣротерпимостью“: исповѣдуя эту религію, возможно признавать боговъ чуждыхъ въ одинаковой чести и могуществѣ съ индійскими божествами. И у предковъ вотяковъ, рядомъ съ Буддой и Мара, признавались въ силѣ мѣстно-чтимые боги. Однимъ изъ таковыхъ былъ „Султанъ“. Въ этнографической литературѣ объ этомъ „богѣ“ упоминается, прежде всего, у Георги, затѣмъ у Буша (1883 г.)—онъ называетъ его „Салтанъ-дисъ“, и у г. Потанина (1884 г.), который полагаетъ, что „Султанъ“ то же, что и „Кереметь“, и ему приносятся особыя отъ Шмара жертвы. Обобщая эти скудныя свѣдѣнія, проф. г. Смирновъ приводитъ свои соображенія въ слѣдующихъ словахъ: „религіозныя идеи высшаго порядка вотяки заимствовали изъ болѣе развитыхъ религій: изъ ислама они приняли *эпитеты* (?), съ которыми обращались мусульмане къ единому Богу, за особыя божественныя сущности, такъ (sic!) явился, напримѣръ, Салталъ-дисъ („благой владыка“)“. Мы не удивились бы, еслибъ оказалось, что гдѣ либо вотяки приносятъ жертву Аллаху, или Магомету, но допустить принятіе вотяками „эпитетовъ“ за боговъ, и при томъ, не въ одной какой либо мѣстности, а въ нѣсколькихъ уѣздахъ; допустить самостоятельно выработанный вотяками въ позднѣйшее время подробный культъ, прочно затѣмъ установившійся,—не можемъ ни въ какомъ случаѣ. Ошибку г. профессора легко объяснить, если принять во вниманіе, какъ мы уже упоминали, недостатокъ свѣдѣній,—послѣдствіе скрытности вотяковъ, всегда уклоняющихся отъ разговора о богахъ, которыхъ они считаютъ болѣе важными. „Салтанъ“, по отзывамъ

вотяковъ, „татарскій богъ", именно—татарскій, а не магометанскій, и „больно старый богъ!" „Султану" вотяки поклонялись вмѣстѣ съ татарами-монголами, когда послѣдніе еще были язычниками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ „богъ" называется полнѣе—„Акташъ-Султанъ" и это даетъ основаніе считать двухъ боговъ за одного *). Предки вотяковъ удалились отъ совмѣстной жизни съ татарами прежде, чѣмъ эти приняли мусульманство; и видимо, два различныхъ народа шли въ Европу и путями различными: народъ, изъ котораго потомъ выдѣлились племена вотяковъ, пермяковъ, зырянъ и др., еще въ прошломъ тысячелѣтіи, путемъ постепенной колонизаціи пробирался чрезъ горный Уральскій хребетъ, а татары въ позднѣйшее время, въ XII—XIII вѣкахъ—массовыми нашествіями—чрезъ прикаспійскія степи. Монгольское племя, получившее (у персовъ и арабовъ) названіе татаръ, уже по историческимъ даннымъ жило въ сѣверо-восточной части Монголіи и частію Манчжуріи по окраинѣ Гоби. Въ IX вѣкѣ ихъ стало вытѣснять съ первоначальныхъ мѣстъ поселенія (по рѣкамъ Сунгари, Кэруленъ, Хаина) сильное тунгузское племя Киданей, и татары должны были двинуться на западъ къ горамъ Тянь-Шань и проч. Оттуда, въ XII в. и шли въ Европу полчища Чингисъ-хана. Вотъ, подъ давленіемъ татаръ въ IX вѣкѣ и еще ранѣе, прочіе, болѣе мирнаго характера народы, по языку урало-алтайскаго корня, жившіе между Саянскимъ хребтомъ и Тянь-Шанемъ, и должны были уходить изъ Джунгаріи и проч. за Алтай, за Уральскія горы, въ Европу, гдѣ, постепенно подвигаясь, заняли мѣста на западъ за рѣкой Вяткой до р. Ветлуги, а на сѣверъ до Бѣлаго моря. Норманскій мореплаватель IX в. Отара при устьѣ Сѣверной Двины нашелъ беармовъ, которые были пермяне (пермяки жили западнѣе); позднѣе эти пермяне двинулись отъ Бѣлаго моря къ Вычегдѣ, а въ XIV вѣкѣ заняли мѣста по рѣкѣ Камѣ, образовавъ Біармію. До нихъ здѣсь жила „югра"—чудь. По мнѣнію г. Спицына, бассейнъ Камы въ X вѣкѣ былъ уже населенъ югорскимъ племенемъ; это служитъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что

---

*) Татары-язычники, при торжественныхъ моленіяхъ, разжигали большіе костры, изъ которыхъ молитвенныя просьбы возносились къ божеству въ символѣ орла, какъ это изображалось на татарскихъ монетахъ.

народъ, раздѣлившійся въ Европѣ на пермяковъ, пермянъ (нѣкоторые этнографы ихъ смѣшиваютъ), вотяковъ, черемисъ и др., пришелъ изъ Азіи еще въ прошломъ тысячелѣтіи, за нимъ шли югры и др. Въ первые вѣка послѣдняго тысячелѣтія вотяки и др. вѣроятно входили въ составъ Болгарскаго союза; а затѣмъ, снова, четыре -пять вѣковъ назадъ, столкнувшись съ татарами, вотяки, уклоняясь отъ ихъ хищническихъ нашествій, должны были сдаваться назадъ, на востокъ. Послѣ усмиренія татаръ, усилившееся колонизаціонное движеніе русскихъ еще болѣе оттѣснило инородцевъ,—они окончательно были отброшены за лѣвый берегъ рѣки Вятки.

Итакъ, болѣе тысячелѣтія вотяки и др. укрывались въ глухихъ лѣсахъ. Сохраняя неизмѣнно завѣты предковъ, повторяя изо дня въ день обрядность, въ которой выражалась вся нехитрая культура—воззрѣнія на окружающую ихъ природу и языческія вѣрованія. Нужно считать большою ошибкой предположеніе, что обиліе въ вотскомъ языкѣ татарскихъ словъ объясняется подчиненностью вотяковъ татарамъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Нѣтъ, сходныя черты въ языкѣ и пр. у вотяковъ, черемисъ и др. съ татарами есть ничто иное, какъ слѣды общей жизни ихъ въ отдаленныя времена. Мы допускаемъ, что отчасти внѣшнія черты домашняго быта и въ особенности религіозныя вѣрованія, усвоенныя болѣе тысячи лѣтъ назадъ, могли сохраниться до настоящаго времени. Нужно знать природныя особенности вотяковъ. Они положительно удивляютъ своею апатичностью, полнымъ отсутствіемъ впечатлительности и любознательности ко всему, что непосредственно не касается хозяйства: вотяка удивить невозможно ничѣмъ. Онъ какъ бы лишонъ воспріимчивости всего того, „чѣмъ наша жизнь красна"—духовныхъ радостей, жажды знанія новаго, удовлетворенія достиженіемъ невѣдомаго ранѣе. Для вотяка жизнь проста: хозяйственныя занятія не сложны, ограничены опредѣленной нормой; отношенія къ богамъ регламентированы общиной: въ такое то время послѣдуетъ то-то; личная жизнь, жизнь семьи—безпрерывная смѣна животно-растительныхъ процессовъ, осложненныхъ только попытками удержать нажитое, дольше не выпустить изъ рукъ, что уже имѣется. Такъ

идутъ неизмѣнно годы за годами, десятки, сотни лѣтъ. Измѣняются внѣшнія условія, смѣняется обстановка, являются новые сосѣди, вызывается необходимость переселенія, занятіе новыхъ мѣстъ,—приспособленіе происходитъ пассивное: вотяки *сами* не замѣчаютъ, что они живутъ уже не такъ, какъ было прежде. Условія благопріятны—семьи плодятся, селеніе обставляется кладями хлѣба. Экономическая жизнь ухудшилась—населеніе вымираетъ. И если это совершается не острыми проявленіями, „терпѣнію" нѣтъ предѣла; но это не сознательное терпѣніе, а какая то безучастность къ исчезновенію съ лица земли. Только полная невозможность продолжать обычную хозяйственную работу—эпидемическія болѣзни, полные неурожаи и т. п. побуждаютъ, и то только избранныхъ людей, искать выходъ, и при томъ единственный—въ „моленіи", въ принесеніи жертвы божеству. Задача только въ томъ, какому богу и какая жертва будетъ дѣйствительна; но и это рѣшитъ прорицатель, ворожея. Рѣшеніе его должно быть исполнено во что бы то ни стало, иначе еще явятся худшія послѣдствія (пожаръ и т. п.). Жертва и жертва—универсальный пальятивъ жизни и неизбѣжный компромиссъ съ невѣдомыми силами,—сверхъ того и задумываться не стоитъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, „богъ Султанъ" вотяками принесенъ въ Европу изъ Азіи. Это совсѣмъ не „благой владыка", а „ну-лудъ"—крѣпкій, дикій, сердитый духъ. Сравнительное изученіе культа этому старому „богу" привело насъ къ предположенію тождественности божества, носящаго у вотяковъ разныхъ мѣстностей четыре названія: Султанъ, Акташъ, Лудъ и Кереметь. Такъ, мы, по тексту молитвеннаго обращенія, убѣдились, что жрецы употребляютъ въ связи имена „Акташъ-Султанъ". Особо избранный для служенія Акташъ-Султану „восясь" не носитъ на себѣ креста, одѣвается въ бѣлую одежду, не пьетъ кумышку, или вино, не ѣстъ свинины. Моленіе Султану бываетъ только осенью, при томъ въ пятницу предъ праздникомъ Покрова на мѣстѣ Лудъ. При моленьи кумышки совсѣмъ не полагается; но усердные вотяки приносятъ сюда медъ, кто сколько пожелаетъ, всего соберется 5—20 фунтовъ. Медъ разводятъ въ горячей водѣ, которая кипитъ тутъ же въ котлѣ. Напитокъ употребляютъ

жертвователи и ихъ знакомые. Въ жертву здѣсь колютъ и варятъ гуся, или утку *). Крупныхъ животныхъ—быковъ, лошадей и др., а также телятъ, жеребятъ въ обычное время этому осеннему и зимнему божеству не полагается „молить", а только—козла, барана и птицъ. Но при чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ и здѣсь жертва приносится крупная. При томъ, не всегда и не вездѣ „моленіе" Акташъ-Султану носитъ общественный характеръ. Выборъ жертвы дѣлается еще весной. Прежде чѣмъ стаетъ снѣгъ, жрецъ отправляется на Лудъ, молится о сохраненіи скота въ наступающемъ лѣтѣ и даетъ обѣщаніе замолить осенью Акташъ-Султану (или Луду) извѣстную птицу. Исполняя обѣщаніе, осенью въ назначенный день на моленье въ лѣсъ, въ глухомъ мѣстѣ (по возможности), собираются поздно вечеромъ одни мужчины, если Лудъ не близко—пріѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ строгость исполненія старыхъ обрядовъ начинаетъ ослабѣвать, и это моленіе обращается въ небольшой праздникъ, но молодежь не допускается за загородку, а развлекается по близости на лугахъ. На Лудъ начинаютъ собираться съ утра; днемъ старики за загородкой сидятъ, раскладываютъ костеръ, курятъ трубки. Когда молодежь къ полуночи уйдетъ домой, съ часу ночи начинается моленье. Существенное молитвенное обращеніе состоитъ въ слѣдующемъ.

Осто кӧзма!

Акта́шъ-Султа́нъ, дзечьӧзъ! Миляммлы сэтъ тазалыкъ.

Энъ сэтъ (или „сётъ") пудэ животэзъ нюрэ; энъ сётъ животэзъ кіонлы гондырлы, сёськаблы энъ сётъ! Со понна ми тынэдъ восяськомъ!

„Господи благослови! Акташъ-Султанъ, будь добрый! Намъ дай здоровья. Не пускай скотину въ болото, не давай скотину волкамъ, медвѣдямъ, всякому животному (хищной птицѣ и др.). Объ этомъ мы тебѣ молимся".

Въ молитвѣ жрецъ соблюдаетъ осторожность въ выраженіяхъ: не обозначаетъ Акташъ-Султана словомъ „богъ", а „дзечьозъ". Затѣмъ, пьютъ медовицу—„чечи мусуръ лосто";

---

*) По мултанскому дѣлу, въ показаніи одного урядника, данномъ у слѣдователя, значится, между прочимъ: „четвертую жертву вотяки приносятъ Сатанъ-чорту, обязательно козла".

такъ и говорятъ: „чечьэнъ мусуръ лэсто соэ восяло собере юо“ *). Жертвенное мясо по маленькимъ частичкамъ раздѣляется между молящимися. По отзывамъ убѣжденныхъ вотяковъ, если кто явится на это моленье съ крестомъ на шеѣ, того Султанъ отброситъ прочь, далеко за загородку. Выпивъ медовое и съѣвъ кашу, кости жертвеннаго животнаго сжигаютъ и подъ утро возвращаются въ деревню.

XV.

Къ настоящему времени вотяки представляютъ собою лишь остатки многочисленнаго племени, разобщенные между собою роды, у которыхъ сохранились чествованія несполна всѣхъ прежнихъ „боговъ“; или же, совершаются моленія одному и тому же божеству, въ разныхъ селеніяхъ, подъ частными именами. Въ замѣнъ Акташъ-Султана въ нѣкоторыхъ деревняхъ „моленія“ приносятся, какъ упомянуто, „Луду“. Слово это означаетъ „дикій“: „Лудъ-квала“—дикій шалашъ. Въ обыденномъ разговорѣ слово „лудъ“ иногда употребляется въ смыслѣ „поле“, это именно и вводитъ въ заблужденіе этнографовъ. Собственно слово *поле* по вотски переводится „бусы“; но говорятъ: „Лудэ пудоэсъ пужьтыскомъ“—въ поле скотину пускаемъ:—это означаетъ, что выпускается на выходъ (на пастьбу) не на пахотныя полосы, а на необработанныя, „дикія“ мѣста, въ лѣсъ, гдѣ травы больше и тѣни много. Этотъ лѣсъ обносится изгородью заодно съ пахотнымъ полемъ. И моленье „Лудъ“ бываетъ обязательно не въ полѣ, а въ дикомъ лѣсу. Для примѣра упомянемъ объ одномъ мольбищѣ, которое устроено для двухъ деревень. На горкѣ, въ лѣсу, отгорожена полянка, мѣсто „веселое“, какъ вообще отзываются вотяки о своихъ мольбищахъ, кругомъ береза, ель, пихта. Сюда тоже являются на моленье только мужчины, верхомъ на лошадяхъ. Бодзимъ-восясь особый,—„который не вѣритъ въ русскаго (христіанскаго) Бога“,—снимаетъ съ шеи крестъ и проч. Вмѣстѣ съ общественной жертвой (гусь и друг.), купленной на общественный счетъ, доставляются для

*) Вотяки, кого любятъ, уважаютъ, обязательно, при угощеніи, въ кумышку подбавляютъ меду, и кумышку подаютъ теплую. Говорятъ: угощали теплой кумышкой съ медомъ; это означаетъ—съ радушіемъ и уваженіемъ (питье на вкусъ отвратительное).

жертвы животныя (мелкія) и птицы отъ отдѣльныхъ семействъ, по указанію „туно“, въ случаѣ какого либо семейнаго несчастія. „Туно“ указываетъ: вотъ чего богъ проситъ (гуся, утку) и уже въ слѣдующіе годы жертва приносится одна и та же; самъ хозяинъ и колетъ жертву, упоминая „Лудъ“ и проч. Приносятъ иногда по обѣщанію чернаго барана; голову, сердце, легкія отъ него сжигаются тутъ же, а мясо уносятъ домой. Разводятъ въ пивѣ медъ и пьютъ. Такимъ образомъ общественное моленье Луду то же самое, что и Султанъ-Акташу. Въ Осинскомъ уѣздѣ у язычниковъ-вотяковъ, по увѣренію г. Тезякова, страшному „Лу-мурту“—полевому человѣку(?) будто бы приносятся жертвы весною, когда озимые хлѣба выростутъ на четверть вершка, и при томъ не только гуси, утки, но иногда и крупныя животныя. Намъ положительно извѣстно, что въ Елабужскомъ уѣздѣ Акташъ-Султану, Луду и Кереметю моленье допускается лишь съ осени. Спустя недѣли двѣ или болѣе послѣ общаго моленья, какъ только выпадетъ снѣгъ, происходятъ на лудѣ моленья отдѣльныхъ лицъ или семействъ по обѣщанію или по указанію ворожеи. При удачной женитьбѣ или при другомъ семейномъ случаѣ дается обѣщаніе замолить такое то животное Султанъ-Акташу. По первому снѣгу вотякъ одинъ или съ семьей приходитъ на лудъ, приноситъ хлѣбъ и кашу и рѣжетъ птицу. Если жертва приносится за исцѣленіе отъ болѣзни, происшедшей по объясненію „туно“ „отъ воды“, и птицу рѣжутъ „водяную“—гуся, утку. При моленьи хозяинъ, поднявъ въ рукахъ живую птицу вверхъ „къ богу“, произноситъ свои прошенія. Потомъ, придавивъ одной ногой крылья, а другой—ноги, надрѣжетъ шею и кровь выпуститъ въ огонь тутъ же зажженнаго костра; выщипнетъ пуху изъ головы и съ того и другого плеча и тоже броситъ въ огонь. Принесетъ утку домой, сваритъ мясо, съѣстъ, а кости унесетъ на мѣсто, гдѣ молился. Но на частныхъ такихъ моленіяхъ мы не будемъ останавливаться. Намъ говорили, что поздно осенью, на маломъ Кереметп, особый жрецъ молится одинъ исключительно Кереметю. Люди, жившіе на Алтаѣ, объясняютъ, что слово „Кереметь“ происходитъ, по мѣстному произношенію, отъ „коромасть“, что значитъ „невидимый“ (духъ); у чувашъ керемети три: злая—требовательная на жертвы, смирная и до-

брая. Но любопытно слѣдующее сопоставленіе. Бесермяне (можетъ быть, прежніе болгары), принявшіе исламъ прежде татаръ, по переселеніи въ Вятскую губернію (въ Глазовскій уѣздъ), подчинились вліянію вотяковъ. Нынѣ, они уже крещенные, осенью совершаютъ общее жертвоприношеніе „Киримету“: въ лѣсу, подъ священнымъ деревомъ, закалываютъ барановъ, варятъ и съѣдаютъ, запивая кумышкой или водкой *). Такое моленіе служитъ удостовѣреніемъ того, что не татары своимъ магометанствомъ внесли болѣе важныя измѣненія въ религію вотяковъ (ввели въ антропоморфную религію вотяковъ „духовное начало“: предполагается, что вмѣсто Ин-мурта, вотяки стали почитать Инмара—духа!), а наоборотъ—въ ближайшее время, въ XIV—XVI вѣкахъ, вотяки подавляли магометанъ своей „культурой“. Это тѣмъ болѣе справедливо, что татары въ исламъ никого не обращали.

Упомянемъ еще о нѣсколькихъ „богахъ“, считавшихся великими и чествуемыхъ донынѣ. „Адамъ-Кылдысинъ“, по отзывамъ свѣдущихъ вотяковъ, былъ „большой богъ;—просто „Инмаръ“—меньше его. Слово „адамъ“ значитъ то же, что „адями“—человѣкъ; при томъ, надо полагать, это татарское „адямь“. Такимъ образомъ, память о богѣ „Адамѣ“ сохраняется болѣе тысячи лѣтъ; поклонялись ему вотяки еще въ Азіи, живя совмѣстно съ татарами. „Кылдысинъ“, или „Кылдисинъ“, по Сарапульскому выговору „Кылчинъ“ вотяки переводятъ по русски—ангелъ, духъ небесный. Соединеніе двухъ словъ для обозначенія одного божества свидѣтельствуетъ, что и слово „Кылдысь-Инъ“ происхожденія тоже древняго. Онъ больше чѣмъ „Му-Кылчинъ“. „Инмаръ-Кылдысинъ“ прежде по землѣ ходилъ въ бѣлой одеждѣ; „какъ Христосъ“, онъ „нѣкоторому—другому наставилъ, сказалъ“. Его прежде часто видали весной въ полѣ; но когда вотяки стали бросать свою вѣру, онъ не показывается. Возможно, что въ болѣе отдаленное время названіе „Кылдысинъ“ присваивалось самому Буддѣ, учителю вѣры. „Му-Кылдысинъ“ („Му“—земля), или „Музьемъ-Кылчинъ“—подземный духъ

*) Когда рѣжутъ животное, то произносятъ: вотъ тебѣ обѣщана была, дѣдушка, жертва, прими ее, не пугай, чтобъ хорошо хранилъ все семейство... и скотина была бы здорова.—Н. П. Штейнфельдъ. „Бесермяне“. „Кал. Вятск. губ. на 1895 годъ“.

(ангелъ земли) тоже больше, чѣмъ Пимаръ просто, онъ землей управляетъ. Ему, кромѣ общественной жертвы—чернаго быка, еще и въ семьяхъ приносятъ въ жертву чернаго барана: сколько въ домѣ „мужиковъ", столько требуется „Му-Кылдысину" и жертвъ. Моленіе совершается (въ подпольѣ) осенью, но не каждый годъ *). О моленіи предъ весенней пашней мы уже упоминали. „Адамъ-Кылдысину" молятся лѣтомъ около Петрова дня, въ жертву ему приносятъ жеребенка или гуся. Призываніе ему: „Адамъ курысконъ!" У вотяковъ, происходящихъ отъ черемисъ, сохраняется моленіе подъ деревомъ, которое предназначается „Шунды-мумы"—матери солнца: „Шунды-мумы курысконъ!" О различныхъ духахъ, олицетворяющихъ силы природы, или болѣзни и различныя напасти, мы не будемъ говорить здѣсь; упомянемъ только, что и тутъ есть подраздѣленія; напримѣръ, вотяки полагаютъ, что есть два „Пери" (вѣтеръ)—„почи" и „бодзымъ". „Почи-Пери", по молодости, иногда озорничаетъ—налетаетъ вихремъ, ломаетъ деревья, разрушаетъ зданія, уноситъ людей и проч. „Бодзымъ-Пери" употребляетъ свою силу съ расчетомъ, умѣренно, для пользы людской. У киргизовъ Сыръ-Дарьинской области „Пери" признаются злыми духами, и по нимъ каждый народъ дѣлится на колѣна.

XVI.

По нѣкоторымъ частностямъ языческаго культа возможно заключать, что въ обращенія (молитвы) къ вотскимъ божествамъ вошли, правда незначительныя, особенности или отъ татаръ-магометанъ, или отъ русскихъ-христіанъ. При моленіяхъ „татарскому", несомнѣнно языческому „богу" Султану, жрецъ не долженъ пить кумышку, не ѣсть свинины; но, можетъ быть, такъ и въ древности требовалось; моленье должно быть въ пятницу, но пятница такъ и называется по вотски: „удмотъ-нюналъ"—вотскій день, то что у христіанъ воскресенье („дючь арня"). При другихъ общественныхъ моленіяхъ, кажется, замѣтно вліяніе христіанства. Въ Осинскомъ уѣздѣ,

*) Въ Бирскомъ уѣздѣ (дер. Старый Варяжъ) Му-Кылчину почти ежегодно осенью приносятъ въ жертву кто гуся, кто овечку, бычка, а нѣкоторые и жеребенка, каждый въ своемъ дворѣ („Изв. Общ. Арх." и пр. при Каз. Ун. т. X, в 1, 1892 г.).

гдѣ вотяки-язычники, при моленіи въ ихъ священной рощѣ, послѣднее слово жреца „омень“ подхватывается всѣми находящимися у костра вотяками, стоящими на колѣняхъ и безъ шапокъ. Календарь у вотяковъ, даже и язычниковъ, христіанскій, и моленія устраиваются по нему: въ ночь предъ вербнымъ воскресеньемъ ѣздятъ за вербой, въ „четверикъ-нуналъ“ (великій четвергъ) происходитъ обрядъ очищенія и т. д. Для насъ представляетъ большую важность сопоставленіе краткаго языческаго обращенія къ божествамъ съ христіанскими молитвенными прошеніями и выраженіями догматическихъ истинъ. Не только „бодзымъ-восясь“ при общественныхъ моленіяхъ, но и каждый вотякъ, знающій порядокъ молитвенныхъ воззваній, выходя на улицу утромъ, кланяется на востокъ и призываетъ боговъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Бодзымъ-Инмаръ,
Шыдъ-нянь Колчинъ-Инмаръ,
Лулъ Колчинъ-Инмаръ,
Курыскопъ!

Потомъ, обращаясь къ сѣверу и покланяясь, молится:

Султанъ, курыскомъ,
Акташъ, курыскомъ!

Т. е. Великій (старшій) богъ!
Щи-хлѣбъ („хлѣбъ-соль“) Духъ небесный—богъ
Душа духъ небесный—богъ,
просимъ
Султанъ-Акташъ, просимъ (тебя, помоги).

Въ „Краткомъ катихизисѣ (Начатки христіанскаго ученія)“, напечатанномъ въ 1828 году (четвертымъ изданіемъ), первый, второй и восьмой члены символа вѣры переведены на вотскій языкъ такъ:

Оскысько (вѣрую) одинъ Инмаръ Аилы...
Оскысько Остэлы Кыльцинъ-Инмаръ Іисусъ Христосъ лыпо...
Оскысько Инмарлэнъ Лулземезлы-но...

Тамъ же, при объясненіи таинства крещенія, русскія слова: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ переведены по вотски: „Инмаръ Аилэнъ нимынызъ, Піезлэнъ кылцинъ-Инмарлэнъ, Инмар-Лулземлэнъ Святой Духлэнъ“.

Сопоставляя текстъ переводчиковъ съ молитвенными призываніями вотяковъ, трудно рѣшить вопросъ—кто къ кому примѣнялся. Видимо, переводчики желали оказать инородцамъ-язычникамъ снисхожденіе къ ихъ малому умственному развитію; но это была жестокая услуга: высокое христіанское ученіе дано вотякамъ подновленнымъ подъ матеріалистическія воззрѣнія полудикарей. Вмѣсто того, чтобъ съ новыми догматами вѣры преподать и выраженія новыя, священныя для каждаго христіанина, переводчики замѣнили ихъ названіями „боговъ" урало-алтайскихъ народовъ; при чемъ, даже сами вотяки своего языческаго бога называютъ въ молитвѣ не просто „Инмаръ", а „Бодзьымъ-Инмаръ". Уже въ послѣдніе десятилѣтія то же начинательное славословіе въ учебникахъ переводится по вотски: „Атай-Инмарлэн, Пи-Инмарлэно, Лул-Инмарлэн пьымыз нониа" (Учебникъ для вотяковъ. Вл. イлентьевъ. 1889 г.). Конечно, переводчики были воодушевлены наилучшими намѣреніями сдѣлать понятными для вотяковъ догматическія христіанскія истины; но желательная цѣль не только не достигалась, а еще болѣе отдалялась: вотякамъ настойчиво внушалось, что никто иной, какъ Инмаръ, есть истинный Богъ, что Сынъ Его—Кылдысинъ, или Кылчинъ, и что душа (Лулъ) Его—Святой Духъ. Между тѣмъ, ни русскіе, ни вотяки не могли объяснить, что собственно означаютъ слова „Инмаръ" и „Кылдысинъ". Вотское слово „ин" значитъ по русски—полокъ въ банѣ, занавѣска и небо; „маръ"—переводили словомъ „что" и проч. Профессоръ г. Смирновъ въ книгѣ „Вотяки" замѣчаетъ: „съ своими святыми и тремя ипостасями божества христіанство показалось (вотякамъ) удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогли, между прочимъ, и сами миссіонеры. Инмаръ, Кылдысинъ и Квазь слились съ христіанскимъ Богомъ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ; Воршуды—съ ангелами (хранителями), а отдѣльные святые съ духами явленій природы—Нулесъ-муртъ, напримѣръ,—съ Николаемъ Чудотворцемъ" (стр. 240). Г. Потанинъ сообщаетъ: „отправляясь въ бадзинь-куалу", отецъ семейства выходитъ на дворъ и, держа блюдо (съ разной ѣдой) въ рукахъ, читаетъ молитву сначала Султану, потомъ Инмару и, наконецъ, Акташу. Содержаніе молитвы не измѣняется, только имена божествъ

другія,—изъ чего сами вотяки выводили заключеніе, что всѣ три молитвы относятся къ *одному* божеству, которое только называется тремя разными именами. Во время молитвы Султану молящійся становится лицомъ на востокъ, Иньмару—на югъ и Акташу—на западъ. О Султанѣ и Акташѣ говорятъ, что это Кереметь".—Варзиятчинскіе вотяки разсказываютъ легенды о томъ, какъ Колчинъ-Иньмаръ ходилъ по землѣ; и въ повѣрьяхъ, повидимому, Колчинъ-Иньмаръ представляется въ видѣ двухъ лицъ—стараго и молодого, которые, напримѣръ, въ видѣ нищихъ, ночевали въ хлѣву у богатаго и потомъ у бѣдной вдовы; или—пахали крестьянскую полосу одинъ на другомъ (вмѣсто лошади); или—проѣхали, какъ два всадника, мимо крестьянина (Мосея—вотяка), при чемъ молодой говорилъ: „пора убить этого мужика", а старый сказалъ: „нѣтъ нельзя: онъ кормитъ большую семью" и т. д. Вотяки объясняютъ, что Му-Колчинъ для нихъ то же, что для русскихъ Христосъ. Г. Потанину о. Гавриловъ показывалъ старинный рукописный словарь подъ заглавіемъ: „Новая Отяцкая граматика, сочиненная бывшимъ іереемъ о. Михаиломъ Мышкинымъ въ 1795 году". Въ немъ, между прочимъ, противъ слова „кылдысинъ" приведено такое толкованіе: „Слово Божіе, Богъ—Слово. «*Кыл*»—значитъ *слово, рѣчь;* „ис"—значитъ *отъ,* предлогъ; „ин"—значитъ *Богъ,* а собственно—„слово отъ Бога—кылдысинъ". Лично г. Потанинъ высказываетъ догадку, что сказанія о Колчинѣ-Инмарѣ принесены вотяками изъ Азіи. Легенда о хожденіи учителя по землѣ въ качествѣ нищаго встрѣчается уже въ Монголіи: ее разсказываютъ на разные лады о Бурханъ-Бакшѣ, который—основатель религіознаго ученія, есть первый учитель морали на землѣ. Онъ смѣшивается монголами съ Шакіямуни, основателемъ буддизма. Почему легенды о хожденіи учителя принесены вотяками изъ южной Сибири и въ Кылдысинѣ слѣдуетъ видѣть Колду урянхайскаго или Галту бурятскаго *). Впрочемъ, далѣе г. Потанинъ прибавляетъ: „Кылдысинъ"—есть вотская варіація русскаго Коляды (стр. 203, 215)".

---

*) О. Гавриловъ слово „Кылдысинъ" производитъ отъ глагола „кылдымы"—созидать, творить и „ин"—небо; выходитъ—„кылдысинъ"—*творецъ неба!*

Первые переводчики славянскихъ молитвъ и др. на вотскій языкъ полагали, что если, вмѣсто высокаго имени, по русски, *Богъ,* назвать языческое имя „Инмаръ“, то вотяки *сами* сообразятъ, кого христіане почитаютъ своимъ Всесовершеннымъ Существомъ, Творцомъ и Вседержителемъ. По язычеству вотяки и нынѣ молятся Инмару—подъ сосной, Кылдысину подъ березой, прочимъ богамъ подъ елью („Вотяки“, стр. 221). По христіанству тому же Инмару молятся и въ церкви. Нѣчто подобное случилось бы, еслибъ въ древней Руси, съ принятіемъ христіанства, греческое „Θеосъ“ замѣнили именемъ *Перунъ* и т. п. Своеобразная „вѣротерпимость“ переводчиковъ именно подошла къ понятіямъ и желаніямъ вотяковъ. Въ разсказѣ Гаврилова объ уничтоженіи книги вотской вѣры упоминается, что, по преданію, главный жрецъ объяснилъ собравшемуся на жертвоприношеніе народу: теперь вотяковъ будутъ крестить; не слушать начальство не хорошо: оно будетъ притѣснять; лучше принять новую вѣру, чѣмъ быть гонимымъ, а жить можно по своему, т. е. исполнять и старую вѣру. Первые приходы изъ „новокрещенныхъ“ вотяковъ существуютъ уже 150 лѣтъ: они находятся въ Глазовскомъ уѣздѣ. Слободскіе вотяки начали креститься еще раньше. Вотяки въ южной части Глазовскаго и другихъ юговосточныхъ уѣздовъ Вятской губерніи крещены значительно позднѣе. Легко прослѣдить за крайне медленнымъ „обрусеніемъ“ вотяковъ. Приходское духовенство, конечно, съ усердіемъ заботилось о большемъ привлеченіи ихъ къ св. церкви, объ исполненіи ими христіанскихъ обязанностей; но, въ то же время, не сознавая опасности, само поддерживало, косвенно, языческіе обряды: оно, напримѣръ, въ Глазовскомъ уѣздѣ ставило себѣ въ заслугу, что вотяки, при общественныхъ моленіяхъ языческимъ богамъ, приглашаютъ также и священника съ причтомъ для служенія молебна на лѣсномъ и напольномъ мольбищѣ. Профессоръ г. Смирновъ, въ книгѣ „Вотяки“, приводитъ порядокъ одного изъ многочисленныхъ, ежегодно бывающихъ такихъ моленій: въ Понинскомъ приходѣ, около Троицы, въ озимомъ, предъ началомъ пашни, совершается языческое моленіе. Въ поле приводится жертвенный быкъ и закалается. Парчасемъ является или выборное лицо, или первый желающій. Жрецъ

беретъ въ руки березовую вѣтку и читаетъ вотскую молитву. Въ это время съ мясомъ заколотаго животнаго варится каша для всей деревни. По окончаніи языческаго моленія, пріѣзжаетъ священникъ, служитъ молебенъ и освящаетъ жертвенныя яства; по окончаніи молебна священнику подносятъ на блюдѣ голову животнаго, онъ кропитъ ее водой и дѣлаетъ надъ ней крестъ. Голова и внутренности поступаютъ на угощенье духовенства; остальное съѣдаютъ молящіеся; кожа идетъ на церковь. (Пр. Смирновъ, „Вотяки", стр. 241). Первухинъ, заканчивая первый „Эскизъ", упоминаетъ, что въ глухихъ деревняхъ (Глазовскаго уѣзда) и понынѣ вотяки въ праздникъ съ своими *курыскисями* справятъ утромъ жертву Кылдысину или Ву-мурту, а потомъ дожидаются священника съ крестомъ и св. водою. При этомъ вотяки молятся съ одинаковою набожностью и одинаковымъ усердіемъ какъ за языческимъ жертвоприношеніемъ, такъ и во время пѣнія молебна. На такое двоевѣріе инородцевъ нынѣ обращено особенное вниманіе. Въ „Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ" (№ 19, 1897 г., стр. 932) оно объясняется сильною привязанностью инородцевъ къ прежнему языческому культу и крайнею темнотою—непросвѣщенностью. „Въ умѣ инородцевъ до сей поры господствуетъ старинная смѣсь понятій христіанскихъ и языческихъ... Двоевѣръ, исполнивъ въ извѣстномъ случаѣ требованія христіанской религіи, съ еще большимъ усердіемъ спѣшитъ выполнить предписанія и своего темнаго языческаго культа. При чемъ такъ, что послѣднее въ глазахъ его считается важнѣйшимъ, и онъ охотно бы удовлетворился только послѣднимъ, еслибы къ выполненію перваго не побуждали его нерѣдко посторонніе расчеты и жизненныя условія".

XVII.

Христіанскія воззрѣнія и русскіе обычаи усваивались вотяками успѣшнѣе тамъ, гдѣ ихъ деревни, съ теченіемъ времени, окружались русскими поселками, гдѣ русскіе крестьяне постепенно брали перевѣсъ надъ вотяками; тамъ, гдѣ предстояла необходимость часто посѣщать города, заводы, гдѣ проходили трактовыя дороги, рѣки. Вотяковъ здѣсь охватывала русская жизнь — „русскій духъ"; съ русской

рѣчью расширялись и понятія полудикаря. Непокорные, преданные завѣтамъ старой вѣры, вотяки уходили въ глубь лѣсовъ, пока представлялась къ тому возможность. А тамъ, въ пограничныхъ мѣстахъ Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ, до послѣдняго времени язычество упорно выдерживало борьбу за свое существованіе съ усиливающимся распространеніемъ въ массѣ христіанскихъ взглядовъ и примѣненіемъ ихъ къ практикѣ жизни. Приливъ русскихъ уже прямо въ вотскія селенія, вслѣдствіе постепеннаго вымиранія этого племени именно тамъ, гдѣ болѣе всего чуждались русскаго вліянія, болѣе и болѣе измѣнялъ условія духовной жизни вотяковъ. Но и при этомъ настойчивомъ, исторически-послѣдовательномъ чисто русскомъ воздѣйствіи на весь бытъ инородцевъ, они еще въ весьма многихъ селеніяхъ остаются неуклонными приверженцами старины. Ихъ трудно наблюдать, и о языческихъ вѣрованіяхъ отъ нихъ самихъ узнать что либо невозможно; даже съ близкими родственниками (по бракамъ) изъ другихъ деревень, христіански вѣрующими вотяками же, они недостаточно откровенны; но рѣзко отстаиваютъ превосходство старой вѣры. Не слѣдуетъ думать, что деревни такихъ „кереметей", какъ ихъ иногда называютъ русскіе, изолированы, или что онѣ находятся вдали отъ селъ. Нѣтъ, это сравнительно близкія къ селамъ деревни, даже въ этихъ именно селеніяхъ и находится церковь, школа и др. Столѣтнее существованіе церкви въ вотскомъ селеніи не оказываетъ рѣшительнаго вліянія на *всѣхъ* жителей. Можетъ быть, такая устойчивость зависитъ отъ родовыхъ наклонностей жителей извѣстной мѣстности. Но привязанность къ язычеству здѣсь уживается съ почтительнымъ отношеніемъ къ духовенству и къ обрядности христіанскаго богослуженія; такъ, всѣ вотяки въ обыкновенное время, въ будни, молятся обращаясь къ иконѣ послѣ ѣды, крестятъ дѣтей и т. д. Вообще, по религіознымъ взглядамъ, вотяки могутъ быть подраздѣлены на четыре категоріи: 1) фанатики, 2) безразличные по вѣрѣ, 3) сомнѣвающіеся и 4) убѣжденные христіане. О первыхъ мы сейчасъ упоминали. Масса же безразлично относится къ язычеству и христіанству, полагая въ простотѣ душевной, что „боги" той и другой „вѣры" одинаково сильны, и въ равной степени

могутъ оказывать покровительство, или карать за непочтительность, за малыя жертвы; они покорно слушаютъ и священника и „бодзымъ-восяся“ своего *). Но еслибъ вотяки и хотѣли знать христіанскаго Бога, они не могутъ получить о Немъ ясное понятіе; и такъ останется до того времени, пока совершенно не измѣнится способъ сообщенія имъ истинъ христіанской вѣры. По усвоенной разъ терминологіи, вотяку говорятъ, что истинный Богъ—„Инмаръ“: но онъ не совсѣмъ довѣряетъ уже тому, что „вотскій“ и „русскій“ богъ одинъ и тотъ же. При искреннемъ желаніи почитать именно „русскаго“ Бога, вотяки таковымъ признали Святителя Николая, который такъ и называется: „Никола—вотскій богъ“. На вопросъ: который богъ больше—Христосъ, или Николай?—вотяки не задумываясь отвѣчаютъ: „Николай—больше“. Вѣроятно, такою неопредѣленностію въ ознакомленіи вотяковъ съ сущностью православной вѣры и объясняется непониманіе ими благодатнаго значенія ея въ жизни христіанина,—они не удовлетворяются тѣмъ, что знаютъ. Г. Тезяковъ, описывая праздники и жертвоприношенія вотяковъ-язычниковъ Осинскаго уѣзда (Пермской губерніи), говоритъ, что на обращеніе въ христіанство вотяковъ Большегондырской волости давно уже обращено вниманіе миссіонерами. Но обращенныхъ въ христіанство здѣсь мало: въ 1888 году изъ 5600 язычниковъ ихъ было до 20 душъ обоего пола, да и это почти исключительно нищіе; вотяки состоятельные и вліятельные охотнѣе переходятъ въ магометанство, каковыхъ считается около 360 человѣкъ. (Съ 1881 года переходъ вотяковъ въ магометанство безусловно воспрещенъ). Тамъ открыты школы съ 1873 года миссіонерская и съ 1886 года министерская, и вотяки охотно посылаютъ въ нихъ своихъ дѣтей. Просвѣтителямъ—дѣятелямъ настоящаго времени предстоитъ важная задача—исправить слѣды минувшаго: указать новые пути и средства для укрѣпленія инородцевъ въ истинахъ православной вѣры, создать для нихъ такія условія моральной жизни,

*) Въ одной изъ вотскихъ молитвъ, изданныхъ Первухинымъ, произносимой почи-попомъ во время жертвоприношенія бѣлаго барана въ избѣ (въ октябрѣ мѣсяцѣ), призываются: „воршудъ и вы, духи ключей и холмовъ, подымателей нови, и ты, дядя лѣшій (чатча-нюня), и ты, Илья пророкъ, и ты, Кузьма-Демьянъ, вмѣстѣ пожалуйте ѣсть и пить, благословите!“ („Кал. Вятск. губ. на 1889 г.“, стр. 114).

при которыхъ явилась бы возможность дѣятельнаго духовнаго общенія ихъ съ русскимъ народомъ, ввести ихъ въ кругъ понятій культурнаго общества, дабы установилась крѣпкая связь обоихъ племенъ и выяснилось высокое представленіе о церкви, родинѣ и государствѣ.

Тяжелое положеніе вотяковъ, начинающихъ колебаться въ истинности языческихъ вѣрованій. Это люди впечатлительные, на которыхъ неустройство вотской жизни дѣйствуетъ болѣзненно: просвѣта впереди, по ограниченности міросозерцанія, они не видятъ. Они не смѣютъ рѣшиться отбросить старыхъ боговъ и отдаться христіанству; но и уклониться совсѣмъ въ язычество считаютъ для себя уже невозможнымъ. Какъ всякій вотякъ, сомнѣвающійся убѣжденъ, что болѣзни, неуспѣшность работъ, вымираніе племени и др. свидѣтельствуютъ о проявленіи кары Божіей: видимо, наказываетъ Богъ, но который? „Мы ни вотяки, ни русскіе (по вѣрѣ). Если жить по русской (христіанской) вѣрѣ, надо посты держать, по праздникамъ ходить въ церковь, а мольбища вотскія совсѣмъ оставить; а если по вотски жить, то чтобъ еще хуже не было“,—объясняли намъ нѣкоторые вотяки въ откровенномъ разговорѣ.

Искренно увѣровавшими людьми являются экзальтированные прозелиты. Иногда удается приходскому священнику вызвать довѣріе къ себѣ и расположить къ дружескому сближенію вотяка, склоннаго къ исканію истины. Или же, такой вотякъ столкнется „съ родственной душой“ изъ русскихъ крестьянъ; наконецъ, находясь на военной службѣ, вотякъ попадаетъ въ общество добрыхъ христіанъ, русскихъ солдатъ, и они возбудятъ въ немъ ревность жить „по настоящему“ и ему, кромѣ того, посчастливится жениться на русской дѣвицѣ и проч. У такихъ вотяковъ заводятся въ домѣ „русскіе“ обычаи, дѣти обязательно говорятъ по русски. Изъ такихъ семействъ дѣвицы иногда стремятся въ монастырь; при исключительныхъ условіяхъ, подобные вотяки даже уклоняются въ расколъ. Просвѣтительное вліяніе убѣжденнаго вотяка распространяется замѣтно и на другихъ однодеревенцевъ. Мало по малу, болѣе податливые оставляютъ языческія мольбища, сжигаютъ „мудоры“. Вотъ кто надежные помощники духовенства въ просвѣщеніи инородцевъ.

XVIII.

Помимо нѣкоторыхъ ошибокъ, допущенныхъ въ силу историческихъ и своеобразно понятыхъ мѣстныхъ условій съ цѣлію руссифицированія вотяковъ, существуетъ сила, противъ которой безсильны духовенство и всѣ люди, вносящіе свѣтъ въ среду вотяковъ. Могущественной поддержкой язычества, руководителями вотяковъ въ жертвахъ и распространителями возмутительной тьмы суевѣрія являются прорицатели „туно"—ворожеи. О. Верещагинъ увѣряетъ: „не будь „туно" у инородцевъ —чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ языческіе обычаи вотяками забылись бы навсегда" *). Мы хотя и не надѣемся на столь быстрое исчезновеніе язычества, имѣющаго тысячелѣтнюю давность, но вредъ, тормазъ въ культурѣ вотяковъ отъ ворожей считаемъ неизмѣримымъ. Значеніе „туно", конечно, опредѣляется степенью довѣрія вотяковъ, ихъ крайнимъ суевѣріемъ. А послѣднее, въ свою очередь, поддерживается тѣми же ворожеями. „Туно" является неизбѣжнымъ избавителемъ отъ грозящихъ или уже постигшихъ вотяковъ напастей. Страшилище, отрава жизни вотяковъ—„вѣдунъ"—колдунъ. Всѣ напасти—болѣзни, пожары, раззореніе и проч.—дѣло колдуновъ. Вотяки слѣпы (больны глазами)—отъ колдуновъ; скоропостижная смерть — отъ колдуновъ. Посредствующимъ благодѣтелемъ между богами и злоключеніями и является „туно". Онъ, какъ прорицатель, безошибочно опредѣляетъ, какое зло задумалъ сдѣлать семьѣ, или всей деревнѣ „вѣдунъ", и какая жертва въ данномъ случаѣ дѣйствительна. Одаренный большею прозорливостію, „туно" можетъ указать и вообще какія обычныя жертвы должны приносить частныя лица и цѣлыя деревенскія общины. Есть ворожеи, которыя только на счетъ довѣрія вотяковъ и живутъ, ничѣмъ другимъ не занимаясь. Напримѣръ, въ деревнѣ Арвазь „туно" Покро-Дарья — дѣвка; она ходитъ изъ деревни въ деревню и ворожитъ: раскладываетъ карты и говоритъ: „этотъ богъ проситъ быка" и проч. Платятъ 5—10 копѣекъ и болѣе, до нѣсколькихъ рублей. Въ селѣ Васильевскомъ (Чугурча) ворожецъ—молодой вотякъ Емельянъ. Свои односельчане ему не вѣрятъ—„не знаетъ"-де, а изъ другихъ

---

*) „Вотяки Сосновскаго края", стр. 87.

деревень приходятъ къ нему многіе. При ворожбѣ онъ смотритъ въ воду или раскладываетъ на столѣ деньги и разсказываетъ, что придетъ ему на умъ, или что находитъ полезнымъ для своей выгоды объяснить. Въ Асановской волости есть ворожецъ, котораго доставали въ нѣкоторыя дальнія деревни для рѣшенія вопроса: „по какой вѣрѣ жить?“ По ворожбѣ вышло—„по вотской“. Особенной прозорливостью славятся въ южной части Малмыжскаго и сѣверной Елабужскаго уѣздовъ прорицатели — „туно“ Трыкской волости, деревни Кибьи, вотякъ Михайло—„далеко слышной!“ и вотянка-ворожея, тоже знаменитая на два уѣзда. Въ январѣ 1896 года ее нарочно „тащили“ въ деревню Комякъ (починокъ по рѣчкѣ Ошмесъ, близъ села Поршура). Тамъ она жила долго,—деревня большая. Прежде всего, собрался міръ; предложили вопросъ: „чего проситъ богъ въ мірскомъ шалашѣ?“ и др. Указавъ для міра жертвы для общественныхъ моленій, „туно“ пошла по деревнѣ. Для каждой семьи она объясняла—какъ молиться въ своемъ шалашѣ, кого богъ проситъ, и не угрожаетъ ли напасть отъ колдуна. Ей платили деньги, угощали. Узнавъ о присутствіи ворожеи, приходили въ Комякъ изъ другихъ деревень; такъ изъ деревни Чечкашуръ почти изъ каждаго дома были съ запросами—„чего богъ проситъ?“—Въ исключительныхъ случаяхъ—при великихъ несчастіяхъ, неурожаѣ, повальной болѣзни и т. д.—отправляются отъ міра выборные люди къ болѣе извѣстному въ окрестности „туно“. Когда они придутъ къ нему, объяснятъ народную невзгоду; ворожецъ, выслушавъ просьбу, ложится спать, видитъ сонъ и пробудившись объясняетъ, какая именно должна быть жертва—кто, какой масти и проч. Подходящее къ указаннымъ примѣтамъ животное, находящіеся въ страхѣ за свое существованіе, вотяки разыскиваютъ и покупаютъ, чего бы оно ни стоило.

Вотъ гдѣ находится объясненіе возможности приношенія вотяками даже человѣческихъ жертвъ. Нѣкоторые фанатики „туно“ отъ излишества частыхъ угощеній, экзальтаціи, ревности о поддержаніи „старой вотской вѣры“ иногда впадаютъ въ экстазъ и „угадываютъ“ требованіе божества „двуногой жертвы“; они сами увѣрены въ необходимости и спасительности ея. Возможно допустить и намѣренное, созна-

тельно-измышленное выворажнваніе человѣческой жертвы для того селенія и для тѣхъ людей, на которыхъ болѣе всего распространяется вліяніе „тупо“, чтобъ усилить свою прорицательскую извѣстность: онъ самъ не подвергается никакой отвѣтственности, а изъ вотяковъ создаетъ на всю жизнь покорныхъ себѣ почитателей и кормильцевъ. „Тупо“ владычествуетъ надъ душами всѣхъ вотяковъ. Если жертвоприношеніе совершено, то ни о немъ, ни объ участвовавшихъ въ немъ лицахъ никто изъ вотяковъ, хотябъ между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, не согласится не только свидѣтельствовать предъ начальствомъ, а даже не выскажется въ частномъ разговорѣ съ постороннимъ лицомъ.

По простотѣ своей, вотяки видятъ гибель свою не тамъ, гдѣ она находится. Они говорятъ: „не тупо, а вѣдунъ—бѣда наша: какъ волкъ овецъ портитъ, такъ онъ людей изводитъ“. Примѣрно, тупо опредѣлилъ, что извѣстной семьѣ угрожаетъ бѣдствіе и что требуется принести богу (Акташъ-Султану, Лудъ) козла и гуся, а у семьи на покупку этой жертвы нѣтъ денегъ, и найти ихъ несчастные не могутъ,—опоздали жертвой. Тѣмъ временемъ колдунъ узналъ уже о грозящемъ бѣдствіи; онъ „молитъ“ слѣпня (колетъ паута), вмѣсто козла, и мотылька (бѣлаго или краснаго) вмѣсто гуся. Какъ только это сдѣлано—человѣкъ долженъ умереть неизбѣжно. Такимъ образомъ, человѣческая жертва будетъ взята самимъ злымъ „богомъ“, безъ малѣйшаго искупительнаго дѣйствія для прочихъ, остающихся въ живыхъ людей. Захворалъ кто либо изъ семьи, идутъ къ „тупо“. Онъ узнаетъ ворожбой, въ чемъ дѣло, и говоритъ: „тебя портилъ колдунъ, молить надо утку или пѣтуха; поспѣшай сдѣлать это прежде колдуна, а то бѣда“. Случается, при болѣзни, ворожецъ укажетъ „рѣзать утку“ у ключа, находящагося отъ мѣста, гдѣ живетъ больной, въ 30—50 верстахъ, и это необходимо исполнить; иначе несчастіе будетъ не поправимо. Съ искреннимъ сожалѣніемъ о языческихъ заблужденіяхъ сородичей, христіански-настроенные вотяки разсуждаютъ: „моленіе Акташъ-Султану продастъ насъ колдунамъ“. Вопросъ, конечно, спорный: суевѣрное ли поклоненіе языческому злобному духу отдаетъ вотяковъ во власть колдунамъ, или же послѣдніе увлекаютъ ихъ въ бездну, злоупотребляя своимъ вліяніемъ на подавлен-

ныхъ страхомъ несчастія людей, которые не сознаютъ, въ какомъ мракѣ безумныхъ химеръ они живутъ и предъ какими нелѣпыми силами они трепещутъ. Но одно справедливо: еслибъ вотяки не испытывали страха предъ Султанъ-Акташемъ, они не считали бы для себя необходимымъ, въ крайнихъ случаяхъ, обращаться къ защитѣ отъ него къ болѣе, по ихъ представленію, сильнаго бога—Будды, господствующаго надъ другими, но которому требуются или очень дорогія, или весьма опасныя жертвы.

О самомъ „ритуалѣ“ человѣческихъ жертвоприношеній, само собой, имѣются неполныя свѣдѣнія. Присутствующія на нихъ лица ничего не будутъ разсказывать, а постороннихъ—русскихъ, конечно, не бываетъ. Только наивные люди, или желающіе показаться таковыми, могутъ разсуждать, что если уже приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ циркѣ, всенародно. Участники задуманнаго „моленія“ избранную жертву, напоивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ, вмѣсто бѣлья, съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ, или въ какое либо холодное зданіе, или уносятъ въ подполье. Тамъ сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парчаськись вонзаетъ въ пахъ жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзьымъ-восясь подставляетъ чашку для вытекающей крови. Когда кровотеченіе остановится, жертву, уже безъ сознанія, отвязываютъ отъ столба и кладутъ на вѣтки ели; подъ шею и плечи подставляютъ корыто. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда шея перерѣзается на-прочь и въ то же время отрубается правая рука. Чтобъ не вызывать подозрѣнія частымъ появленіемъ безголовыхъ труповъ, или по другимъ причинамъ (не требуется ритуаломъ моленія по данному поводу,—неурожай, а не эпидемія), ограничиваются отнятіемъ одной правой руки у плеча; причемъ, повреждаются и ребра, такъ какъ въ образующееся отверстіе вынимается сердце. Далѣе, трупъ вывозится на землю сосѣдней деревни.

Въ слѣдственныхъ дѣлахъ результаты такихъ „моленій“ выражаются въ своеобразной формѣ. Десять лѣтъ назадъ, въ 1885 году, въ деревнѣ Маканъ-Пельга (гдѣ ранѣе было волостное правленіе) жилъ работникъ (сирота) изъ деревни Дубровки, Игнасій Ильинъ, онъ же Болобановъ, 17-ти

лѣтъ. Загнанный нуждой, забитый работой, онъ былъ самый жалкій человѣкъ въ деревнѣ; но вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія и безъ видимой причины, на масляничной недѣлѣ, 20—26 января, онъ сдѣлался предметомъ вниманія, сталъ особенно любезнымъ для старыхъ вотяковъ. Его вволю угощали кумышкой, блинами, катали по деревнѣ на лошадяхъ. А съ субботы онъ неизвѣстно куда исчезъ. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ трупъ его былъ обнаруженъ вблизи сосѣдней деревни Кармыжъ, безъ головы и правой руки. Становой приставъ опросилъ понятыхъ людей, добродушно повѣрилъ высказанному предположенію, что это собаки откусили голову и руку и утащили неизвѣстно куда, не касаясь мягкихъ частей трупа. Онъ сообщилъ духовенству Бемышевскаго завода о преданіи землѣ тѣла Пигасія Ильина, какъ умершаго „отъ замерзанія“: погребеніе было 23 марта, въ великую субботу, наканунѣ Пасхи. Такъ какъ никто не вѣрилъ въ „замерзаніе“ и пристрастіе собакъ къ головѣ и правой рукѣ, то между окрестными вотяками распространенъ былъ, на случай разспросовъ русскихъ, разсказъ: Пигасій игралъ съ дѣвками въ отхожей, скотной избѣ; отъ чьего то толчка онъ упалъ, а у стѣны стояла пила; этой то пилой онъ и отрѣзалъ себѣ напрочь и голову и руку. Такой основательный разсказъ мы сами слышали отъ почтенныхъ вотяковъ, отрицавшихъ возможность жертвоприношенія, въ которомъ и донынѣ всѣ крестьяне убѣждены, такъ какъ предъ тѣмъ были попытки словить для жертвы мальчика, караулившаго лошадей и отошедшаго далеко отъ своихъ товарищей. Объясненія того—куда и какъ исчезла голова и рука—вотяки придумать не могли.

Въ 1889 году, въ декабрѣ, въ деревнѣ Давкиной (въ 30 верстахъ отъ села Мултана) обычно праздновался вотяками Николинъ день. Въ числѣ гостей, переходящихъ изъ дома въ домъ, былъ одинъ русскій крестьянинъ изъ деревни Вишуръ—Василій Алексѣевъ Смолинъ, 50 лѣтъ. Ночью онъ исчезъ неизвѣстно куда. Трупъ его обнаруженъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года; было формальное слѣдствіе: голова цѣла, но одной правой руки не оказалось у трупа—„отгрызли собаки“. Предположено, что ночью 6 декабря былъ буранъ, а Смолинъ ушелъ изъ деревни и умеръ „отъ замер-

занія". Похороненъ покойный 29 апрѣля 1890 года; въ то время пароходство по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ началось въ половинѣ апрѣля, погода была теплая. На трупѣ, пролежавшемъ, съ какою то цѣлью, на открытомъ воздухѣ весь весенній мѣсяцъ, кромѣ трехъ зимнихъ, едва ли возможно было что либо удостовѣрить относительно знаковъ насилія и характера ихъ. У трупа лицо оказалось совершенно обезображеннымъ; вѣрнѣе, лица уже не было и кожа имѣла такой видъ, что родственники покойнаго и нынѣ (конечно, неосновательно) увѣряютъ, что „замоленнаго" подвѣшивали надъ котломъ и голову опускали въ кипящую жидкость. Вотяки, которыхъ касалось дѣло, бывшіе прежде состоятельными, съ этого года совсѣмъ разорились. Говорятъ, что убитый нѣсколько дней лежалъ зарытый подъ воротами; а потомъ при удобномъ случаѣ свезенъ къ стогу сѣна въ логъ. Недавно одинъ крестьянинъ разсказывалъ: лѣтъ пять-шесть назадъ я работалъ (плотничалъ) въ деревнѣ Давкиной у вотяка. Съ нимъ мы крѣпко подружились. Разъ, предъ Николой, хозяинъ говоритъ мнѣ: ты, Данило, уходи домой. А я ему: мнѣ пировать хочется. На это онъ опять сказалъ: вотъ я угощу тебя, а у сосѣдей не пей; лучше на праздникъ не оставайся.—Мнѣ, говорю, лошадь надо. А онъ: я свою дамъ тебѣ. Выпилъ я кумышки и уѣхалъ; и ладно сдѣлалъ: въ тотъ праздникъ вотяки и „замолили" Вишурскаго Смолина. При слѣдствіи, о ссорѣ или дракѣ во время праздника никто ни слова не говорилъ; при томъ, это извѣстно было бы,— въ деревнѣ, кромѣ вотяковъ, живутъ и русскіе. Но впослѣдствіи сложенъ разсказъ о томъ, что Смолинъ при угощеніи, не довольствуясь своей порціей (у каждаго гостя свой стаканъ), нахально выпивалъ налитой сосѣду стаканъ кумышки, за что его хотѣли поколотить, да неожиданно и убили; а руку въ плечѣ все же собаки отгрызли и утащили, не тронувъ мягкихъ частей трупа.

XIX.

Въ „тяжеломъ" 1892 году, менѣе чѣмъ чрезъ два мѣсяца послѣ убійства Матюнина, когда шло слѣдствіе по этому „Мултанскому" дѣлу, въ селѣ Кизнери, Старотрыкской волости, Малмыжскаго уѣзда (въ 18 верстахъ отъ села Ста-

раго Мултана), былъ принесенъ въ жертву вотякъ же, кузнецъ, Григорій Анисимовъ, 56 лѣтъ. Для жертвы требуется, по разумѣнію „туно", мужчина „свѣтлый"—бѣлокурый или рыжій. Если подходящаго, согласно примѣтамъ, указаннымъ туно, не представляется случая захватить „шатущаго" или безроднаго человѣка, жребій кидается между своими. По такому жребію предстояло закланіе Григорію Анисимову. Онъ зналъ объ этомъ; зналъ и то, что онъ никуда не скроется отъ выпавшаго на его долю „моленія": жена его потомъ говорила, что онъ хворалъ, два раза ходилъ исповѣдываться. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ этой мѣстности Малмыжскаго уѣзда ежегодно по селеніямъ обносится образъ Спасителя изъ Елабужскаго собора. Въ селѣ Кизнери, мимо дома Анисимова, шли со св. иконою 30-го іюня вечеромъ; Григорій предъ нею усердно молился, плакалъ. Какъ только толпа народа скрылась за домами, по пути въ Трыкъ, Анисимова немедля увлекли и „замолили" въ мякинницѣ (сарай, въ который ссыпаютъ мякину), сзади двора. Въ такомъ видѣ разсказъ циркулировалъ въ народѣ вслѣдъ за происшествіемъ. Голову Анисимову не отрѣзали, а только сдѣлали два глубокихъ прокола ножомъ, проникавшіе до брюшины, и два меньшихъ прокола концомъ ножа на лѣвомъ и правомъ бедрахъ (оффиціальныя данныя). На другой день сельскому старостѣ заявлено, что Григорій неизвѣстно куда исчезъ; а въ мякинницѣ оказался ножъ и пятна крови на бревнахъ. Безвѣстно пропавшаго искали всей деревней по три дня, пока не прибылъ становой приставъ. При немъ трупъ оказался за пахотными полосами, въ неочищенномъ перелѣскѣ парового поля. Тамъ пасется скотъ; за нимъ почти изъ каждаго дома по человѣку или по два вечеромъ обходятъ весь перелѣсокъ вдоль и поперекъ, а вотъ никакъ не усмотрѣли! Трупъ былъ привязанъ на вязовомъ сукѣ, вдали отъ ствола дерева, и повѣшенъ на лыкѣ въ два аршина длины; при чемъ, ноги находились надъ землей выше на четверть, или немного болѣе. При вскрытіи, раны оказались съ кровоподтеками, значитъ—прижизненныя; но на шеѣ, гдѣ была петля, борозда плохо выражена, кровоподтека нѣтъ, языкъ за зубами. Вообще, о самоубійствѣ здѣсь не могло быть и рѣчи: если покойный самъ такъ энергично зарѣзался въ деревнѣ,

то не могъ затѣмъ уже вѣшаться въ лѣсу, и наоборотъ. Однакожъ, при слѣдствіи, причиной смерти оказалось, именно, самоубійство.—Вотъ примѣрный случай для выясненія причины, *почему* дѣлъ о жертвоприношеніяхъ людей не возникало: не дешево это обходилось! И все это продѣлывалось „подъ шумокъ" Мултанскаго слѣдствія, энергично веденнаго менѣе чѣмъ въ двадцати верстахъ отъ Кизнерскаго „моленія". Заслуживаетъ вниманія особенность „ритуала"—обязательное перемѣщеніе труповъ съ мѣстъ жертвоприношенія на другія. Такъ, въ Кизнери: если заранѣе предположено было объяснить смерть Анисимова самоубійствомъ, то къ чему уносить трупъ съ мольбищцы и осложнять убійство грубоподдѣланнымъ удавленіемъ на лыкѣ*). Въ приходѣ именно этого села служилъ дьякономъ дѣдъ земскаго начальника (Елабужскаго уѣзда) г. Новицкаго, котораго на судѣ вышучивалъ присяжный повѣренный г. Коробчевскій, разспрашивая о бабушкѣ, о которой и рѣчи не было на судѣ. Старикъ разсказывалъ, что ему случилось въ щель забора видѣть во дворѣ одного дома (въ деревнѣ) привязаннаго человѣка и толпу вотяковъ съ ножами. Это было лѣтъ 50 назадъ, слѣдовательно въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Другой разъ, находясь въ лѣсу, онъ замѣтилъ всадниковъ-вотяковъ, проѣзжавшихъ въ необычномъ мѣстѣ, не по дорогѣ; на одной изъ лошадей былъ привязанъ человѣкъ. Существуетъ подобный разсказъ одного священника, который, проѣзжая по лѣсу съ ямщикомъ, замѣтилъ вотяковъ, проскакавшихъ на мольбище. Изъ любопытства онъ отправился посмотрѣть, что послѣдніе дѣлаютъ при моленіи; между обычными приготовленіями къ жертвоприношенію (котлы, костеръ и др.) онъ разсмотрѣлъ человѣка, привязаннаго къ дереву. Но тутъ и самого священника вотяки увидѣли, словили и связали, чтобъ онъ не поднялъ тревоги въ селѣ. Когда старики закололи жертву, со священникомъ сдѣлался обморокъ; его высвободили подъ клятвой и угрозами хранить видѣнное въ тайнѣ и обѣщаніями постоянныхъ приношеній за молчаніе. Конечно, это „слухи",

---

*) У сѣверныхъ германцевъ людей, приносимыхъ въ жертву Одину, вѣшали на деревьяхъ въ священныхъ рощахъ.

между ними есть и такіе, что священникъ, послѣ подобнаго случая, словесно докладывалъ владыкѣ, но получилъ совѣтъ все сохранить въ тайнѣ: начать дѣло легко, да привести къ желательному концу было трудно при прежнихъ порядкахъ дѣлопроизводства.

На другой годъ послѣ Мултанскаго убійства, въ 1893 году, было жертвоприношеніе въ деревнѣ Гузношуръ (Волипельгинской волости Малмыжскаго уѣзда). Старикъ деревни Новаго Трыка Илья Филипповъ Бѣлявинъ показывалъ (удостовѣрено офиціально; также, на судѣ объ этомъ случаѣ свидѣтельствовалъ старшина Старотрыкской волости Попугаевъ): ему вотякъ Филиппъ Андреевъ говорилъ, что у нихъ человѣка молятъ чрезъ 12 лѣтъ, и нынѣ (1893 г.) молили въ Гузношурѣ вотяка изъ за Вятки, а въ прошломъ 1892 г. молили въ Кибьѣ. Въ селѣ Кибьѣ (Елабужскаго уѣзда, въ 35 верстахъ отъ с. Мултана), лѣтомъ, братъ съ сестрой пошли въ паровое поле за коровами; зайдя въ перелѣсокъ, разошлись въ разныя стороны и мальчикъ исчезъ: сестра возвратилась домой одна. Спустя нѣкоторое время трупъ найденъ подъ колодой безъ головы и грудныхъ внутренностей.

Близъ деревни Новой Біи, Большеучинской волости, 29 іюня 1867 года, крестьянинъ Николай Харитоновъ Супцовъ встрѣтилъ русскаго крестьянина-новосела изъ деревни Кукарки и спросилъ его, куда онъ поѣхалъ? Новоселъ отвѣчалъ, что отправляется на старину. Нѣсколько дней спустя этотъ новоселъ былъ найденъ мертвымъ въ лѣсу Пафнутьевской дачи: голова отрѣзана почти напрочь однимъ обрѣзомъ, на одеждѣ и бѣльѣ крови не было и слѣдовъ. Жена покойнаго заявляла, что мужа ея замолили вотскому богу; да и вотяки близкимъ людямъ говорили то же самое.

Въ Порѣкѣ (Малмыжскаго уѣзда) въ лѣсу удѣльнаго вѣдомства въ 1889 или 1890 году найденъ трупъ безъ головы (нашелъ крестьянинъ Трифонъ Климонтовъ). Кто былъ покойникъ—не узнали. Трупъ долго прятали,—боялись обнаружить всю зиму: весной онъ оказался подъ колодой. Въ Китякской волости, въ деревнѣ Янгуловкѣ, потерялись русскіе мальчикъ 9 лѣтъ и дѣвочка 14 лѣтъ. Въ этой деревнѣ живутъ черемисы, вотяки, киргизы и русскіе.

Не рѣдки случаи, когда принесенные въ жертву люди исчезали безслѣдно. Въ 1879 году недалеко отъ того же села Кизнери, о которомъ говорилось выше, изъ деревни Лакатъ-Пижмы исчезъ ночью, лѣтомъ, мальчикъ Степанъ Трофимовъ 15 лѣтъ; нашли въ лѣсу только шапку его. Волостному правленію сообщили, что Степанъ пропалъ неизвѣстно куда; а вотяки, при разспросахъ о немъ, увѣряли, что его дьяволъ утащилъ.

Лѣтъ 20 назадъ (въ 1877 или 1878 г.) въ деревнѣ Зембайгуртѣ (Вольшнельгинской волости) у Николаевскаго солдата Кузьмы Иванова не оказалось на лицо сына, считавшагося незаконнорожденнымъ, Кирилла, 12 лѣтъ. Крестьянину-мельнику Петру Котельникову Кузьма самъ говорилъ сначала, что вотъ на сына его палъ жеребій „молить"; а ему жаль его, и онъ просилъ узнать—не найдется ли кто либо согласный замѣнить парня (за вознагражденіе). Спустя немного времени, Кузьма вновь сообщилъ Котельникову, что сына уже „замолили". Впослѣдствіи, когда, для разъясненія дѣла, производили дознаніе, вотяки все отрицали: что такого мальчика и въ деревнѣ не было. Но мать созналась, что сынъ у нея былъ, но потонулъ въ рѣкѣ Седъ Мурчѣ; она съ мужемъ тихонько похоронила Кирилла; и это сдѣлано, будто бы, съ разрѣшенія священника.

Слуховъ о моленіяхъ въ свое время, вскорѣ послѣ событія, ходитъ не мало: вотъ молили-де въ деревнѣ Большомъ Позялѣ (Большеучинской волости). Вотъ, лѣтъ сорокъ назадъ, въ деревнѣ Кузебаевой (Граховской волости) свирѣпствовала горячка и потому „молили" человѣка: татаринъ, жившій въ деревнѣ, согласился продать на закланіе своего сына за значительную, сравнительно, сумму (собрали по рублю съ души), и т. д.

Но если при „моленіи" отрѣзывается голова и вынимаются внутренности, куда и для чего все это назначается? Намъ не приводилось ни разу слышать даже подозрѣнія въ употребленіи вотяками „внутрь" хотябъ одной человѣческой крови; но намъ довольно увѣренно говорили, что голову отрубаютъ у жертвы, чтобъ вынуть грудныя внутренности, только въ случаяхъ распространенія въ деревнѣ „каллеры", то есть сильной эпидеміи тифа. Смерть вотяковъ не пугаетъ

и если люди мрутъ не подъ рядъ и не каждый день, то это еще „можно терпѣть“. Совсѣмъ другое дѣло, когда при тифозной эпидеміи во множествѣ домовъ оказываются безсильными самые крѣпкіе люди. Оправившіеся отъ болѣзни, послѣ остраго періода брюшного тифа, самые надежные работники становятся безсильными, неспособными ни на какое занятіе и на продолжительное время. Объяснить это безсиліе вотяки не могутъ иначе, какъ выраженіемъ гнѣва высшаго божества за забывчивость въ жертвахъ. Хлѣбъ и вода—два главныхъ предмета, отъ которыхъ зависитъ человѣческая жизнь и здоровье. Недостатокъ въ хлѣбѣ является при неурожаѣ *),—необходимо умилостивить какъ „Бодзымъ Инмара“, такъ и „Му-Кылдысина“, для чего, послѣ „моленія“ жертвы, достаточно кровію ея окропить землю, пахотныя полосы на поляхъ. Существованіе болѣзней и безсилія взрослыхъ людей, при наличности хлѣба въ достаточномъ для пропитанія количествѣ, ясно указываетъ, по понятію вотяка, на вредъ заключающійся въ водѣ: источникъ, изъ котораго берутъ воду, заражаетъ болѣзнію людей, что свидѣтельствуетъ о гнѣвѣ божества и требованіи имъ жертвы. Совершается „моленіе“, при которомъ отнимается у жертвы голова и извлекаются внутренности; важны собственно послѣднія: онѣ вкладываются въ дупляпку (неширокую квашонку) безъ дна, и вмѣстѣ съ нею помѣщаются въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаетъ изъ земли источникъ, или въ верховьи ручья, протекающаго по селенію. Вода такого ручья, изъ котораго берутъ воду для всего селенія, становится освященною жертвеннымъ приношеніемъ, почему и болѣзнетворность ея должна прекратиться. Въ Мултанскомъ дѣлѣ есть намекъ на обстоятельство, свидѣтельствующее, что голова, сердце и проч. убитаго нищаго употреблены для такой именно цѣли—оздоровленія воды. Въ показаніи Рагозина и другихъ упоминается, что въ Мултанѣ Е. Клеповкину Павелъ Федотовъ говорилъ: „когда голову спачала искали, *она лежала въ ключѣ*, немного не нашли, а теперь она не за одну тысячу верстъ“. Если это было справедливо, то нищій могъ быть

*) Въ Малмыжскомъ уѣздѣ было „истреблено хлѣба“ холодами и пр.: въ 1889 году 2 тыс. десятинъ, въ 1890 году—15 тыс., въ 1891—91 тысяча десятинъ (на 1 мил. 430 тыс. рублей), въ 1892 году—32 тыс. десятинъ.

убитымъ, какъ искупительная жертва при существованіи въ селеніи эпидемической болѣзни, или безсилія людей отъ послѣдствій ея. Священникъ Ергинъ на судѣ опредѣленно говорилъ: „тифозные были“, „въ Мултанѣ смертность была“. Нужно замѣтить, что въ предшествовавшемъ эпидеміи холеры году смертность въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи была значительная. Въ 1890 году она была болѣе, чѣмъ въ „холерный“ годъ, и въ особенности усилилась въ мѣсяцы *предшествовавшіе* появленію холеры (она началась съ іюля 1892 года) отъ эпидемій тифа, инфлюенцы и проч. Собственно въ Малмыжскомъ уѣздѣ было умершихъ: въ 1889 г.—*9561,* въ 1890 г.—*12599,* въ 1891 г.—*10368,* въ 1892 г.—*13340* человѣкъ.

Приведенные нами случаи были въ сѣверной части Елабужскаго уѣзда и смежной южной части Малмыжскаго уѣзда. Г. Поплавскій (бывшій земскій начальникъ третьяго участка) сообщаетъ о человѣческихъ жертвахъ въ восточной сторонѣ Елабужскаго уѣзда—въ Кураковской и другихъ волостяхъ, гдѣ вблизи вотяцкихъ деревень не разъ находили безголовые и выпотрошенные трупы неизвѣстныхъ лицъ. То же самое подтверждали и свидѣтели на судѣ въ г. Мамадышѣ; такъ Рыбаловлевъ указывалъ случаи въ деревнѣ Монашевой и проч.

Въ статьѣ „Вятскихъ Губ. Вѣдомостей“ 1896 г. (въ 36 и 37 №№) священникъ К., на основаніи его личнаго знакомства съ бытомъ и вѣрованіями вотяковъ, рѣшительно утверждаетъ, что вотяки приносятъ въ жертву людей, но не повсемѣстно и не всѣ подъ рядъ. Онъ указываетъ и мѣстности въ Сарапульскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ, гдѣ были характерные случаи жертвоприношеній или попытокъ къ нимъ.

На всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани (въ 1897 году), между прочимъ, былъ сдѣланъ докладъ г. Дьяконовымъ, управляющимъ Кокшанскимъ заводомъ (Елабужскаго уѣзда) И. К. Ушкова, о вѣрованіяхъ инородцевъ. Г. Дьяконовъ, на основаніи вѣскихъ данныхъ, высказывается за существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній и приводитъ факты. Въ 1884 году въ Можгинской церкви былъ погребенъ крестьянинъ починка Козмодемьянскаго Петръ Соловьевъ—59 лѣтъ, трупъ котораго былъ

найденъ 16 апрѣля того же года въ Капшурскомъ полѣ, между деревнями Капшуромъ и Чекшуромъ. Дороги въ этомъ полѣ нѣтъ. Слѣдствіемъ причины смерти не установлено, виновные не разысканы; въ метрической книгѣ Можгинской церкви значится только, что свящ. Люперсольскій схоронилъ этотъ безголовый трупъ. Вскрытіе трупа, вмѣстѣ съ врачемъ Маковымъ, производилъ фельдшеръ Петровъ, живущій по настоящее время въ Можгинской волости. Онъ же вскрывалъ точно такой же трупъ молодого парня въ дер. Дубровѣ, той же волости. У обоихъ труповъ головъ не было и у одного вынуты были внутренности. Въ 1886 году рядовой 120 пѣхотнаго полка изъ крестьянъ Стараго Бурца Герасимъ Казаковъ, служившій лѣснымъ сторожемъ въ дачѣ завода Кокшанскаго, пошолъ въ обходъ и домой болѣе не возвращался. Розыски не повели ни къ чему,—человѣкъ исчезъ безслѣдно. Слышно было только, что онъ попалъ въ какую то вотскую деревню и тамъ пропалъ. Въ началѣ іюня 1887 года дѣти Кузнецова, служившаго въ Кокшанскомъ заводѣ, мальчики: Димитрій 14 лѣтъ и Ермолай 11 лѣтъ, пошли въ дѣлянки заводскаго лѣса по дорогѣ къ деревнѣ Гондыревой за ягодами; пока собирали ихъ, все время были другъ у друга на виду; но къ вечеру младшій какъ то отбился и Димитрій найти его не могъ. На слѣдующій день было собрано болѣе 150 человѣкъ и подъ командою урядника и заводскаго старосты обыскали всѣ мыльи норки въ лѣсу, но мальчика не нашли; искали въ слѣдующіе дни, но также безполезно. Спустя годъ сторожъ Гондыревской караулки, въ семи верстахъ отъ завода и въ 100 саженяхъ отъ караулки, нашолъ человѣческія кости, въ которыхъ мать Кузнецова признала своего сына Ермолая, потому что возлѣ нихъ валялись въ цѣлости сапожки и платье, бывшее на немъ, но головы не оказалось.

Г. Дьяконовъ объясняетъ, что вотякъ, умоляя злое божество человѣческою жертвою въ этой жизни, разсчитываетъ на безнаказанность и въ загробной, такъ какъ человѣкъ воскреснетъ только въ томъ случаѣ, если при немъ находятся въ наличности всѣ его органы; и если голова отдѣлена и принесена злому духу „Ильмѣ“, какъ умилостивительная жертва, то такой человѣкъ считается навсегда окончив-

шимъ свое существованіе и жалобъ отъ него на томъ свѣтѣ уже быть не можетъ... По поводу кровавыхъ жертвоприношеній вотяки говорятъ, что такъ повелось изъ старины: старики научили и сказали, что наша вѣра самая старая— „Авраамская“.

XX.

Настоящимъ изслѣдованіемъ мы имѣли въ виду не подборъ и полноту фактовъ убійствъ съ религіозною цѣлью, а выясненіе *внутреннихъ* причинъ, безспорность существованія антигуманныхъ бытовыхъ взглядовъ и побужденій полуязыческаго племени. Представители обвиненія по мултанскому дѣлу, а также г. Поплавскій, полагали, что человѣческія жертвы приносятся Кереметю или Акташу. Намъ извѣстно только, что Султанъ-Акташу приносятъ въ жертву птицъ—утку, пѣтуха и некрупныхъ животныхъ—козла, барана; но, въ обычное время, не рѣжутъ ни большого быка, ни лошадь; почему и сомнѣваемся въ томъ, чтобы такую великую жертву, какъ человѣкъ, предназначали ему, котораго собственно и не считаютъ „богомъ“. На основаніи мнѣній частію вотяковъ, частію русскихъ, близкихъ сосѣдей ихъ, слѣдуетъ заключить, что человѣческія жертвы относятся къ богу Булдѣ, или Буддѣ. Онъ, какъ высшій надъ всѣми прочими богами, — въ силахъ ограничить пагубныя для людей, мстительныя дѣйствія Акташъ-Султана и другихъ, сравнительно, менѣе важныхъ силъ—духовъ. Если же общественное несчастіе служитъ выраженіемъ гнѣва его самого, то, тѣмъ болѣе, умѣстна ему умилостивительная жертва, которая выше нѣсколькихъ большихъ быковъ и коней, обычно приносимыхъ ему чрезъ три года. Для непосвященныхъ міранъ жрецы могутъ объявлять о назначеніи жертвы только „Бодзымъ-Инмару“, или другому божеству, согласно назначенію жертвы и моленія *).

Религіозныя „моленія“-убійства между вотяками совершаются преимущественно въ праздники (вотскіе), или во время общественныхъ моленій, хотя и на мѣстѣ мольбищъ.

---

*) Первухинъ высказываетъ предположеніе, что въ глубокой древности человѣческія жертвы приносились „Квазю“, и что съ теченіемъ времени онѣ замѣнены принесеніемъ въ жертву куколъ („Эскизы“, стр. 18).

Такъ Пигасій Ильинъ Болобановъ въ 1895 году зарѣзапъ въ праздникъ (моленье) на масленицѣ. Василій Алексѣевъ Смолинъ въ 1889 году въ Николинъ день (осеннее моленье). Если допустить, что Матюнинъ могъ быть принесенъ въ жертву, то при весеннемъ моленіи, при посѣвѣ ярового (овса и др.), послѣ неурожайнаго и „каллернаго" (тифознаго) года, на праздникѣ „начала лѣта". Но чаще совершаются человѣческія жертвы лѣтомъ—30 іюня, именно въ день повсемѣстнаго торжественнаго празднества Буддѣ, когда даже въ семейныхъ шалашахъ обновляются (обмываются) „мудоры". Періодическія (чрезъ три года) моленія—„булды"—вездѣ начинаются 30 іюня. И вотъ, въ с. Кизнери въ 1892 году убитъ Григорій Анисимовъ 30 іюня, въ дер. Новой Біи въ 1867 г. зарѣзанъ новоселъ изъ дер. Кукарки 30 іюня и т. д.

Со времени обращенія вотяковъ въ христіанство, при неизбѣжной необходимости хранить въ тайнѣ культъ Буддѣ, масса постепенно утрачивала ясную память о немъ, можетъ быть, перенося моленье ему на „Султана", который образовалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ бы особаго отъ „Актана", сравнительно съ нимъ не такъ злобнаго, бога; при чемъ его стали кое-гдѣ называть „Султанъ-мурза, святой".

Намъ извѣстно селеніе, въ которомъ одно время уже проговаривались, что „проситъ" богъ двуногую жертву; тамъ существуетъ моленье Султану, а о томъ, сохранили ли они вѣру въ Булду—мы не могли узнать. Но пока идутъ годы урожайные и благопріятные для здоровья, и объ особенныхъ жертвахъ не можетъ быть рѣчи. Что о человѣческой жертвѣ говорятъ между вотяками заранѣе, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ селѣ Слудкѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, священникъ всегда ѣздилъ въ приходъ, или другое село (наприм., къ благочинному съ годовыми отчетами), не иначе, какъ съ „понятыми", объясняя это тѣмъ, что у вотяковъ выворожено принести въ жертву человѣка, по всѣмъ примѣтамъ сходнаго съ нимъ. Замѣчательно, русскіе крестьяне, близко знакомые съ жизнью вотяковъ, понимаютъ по своему неизбѣжность для нихъ человѣческихъ жертвъ, и какъ бы оправдываютъ ихъ роковою необходимостью поступать такъ, а не иначе. Правда, съ оттѣнкомъ презрѣнія, но сострадательно къ загубившимъ свои души людямъ, кресть-

яне говорятъ: „У вотяковъ время такое приходитъ—начнетъ ихъ вертѣть, цѣлыя семьи лежатъ, совсѣмъ обезсилѣютъ. Моръ начнется, терпѣть дольше нельзя! Вотъ они и ублажаютъ Шайтана... Этакъ было тамъ то: замолили того то и перестало, болѣзнь кончилась".

Однимъ изъ неотразимыхъ пунктовъ возраженія противъ возможности человѣческихъ жертвоприношеній на почвѣ языческихъ вѣрованій считается указаніе на суевѣріе русскихъ крестьянъ, которое, однако, исключаетъ „каннибализмъ". Дѣйствительно, и русскіе люди, при недостаточности, чаще при полномъ отсутствіи образованія, могутъ быть дико суевѣрными, малодушествовать, обращаться къ ворожеѣ, даже сжечь „колдунью", но не мыслимо допустить случай приглашенія колдуна не только что жителями какого либо города, а хотя бы только обществомъ цѣлаго селенія, съ цѣлію благоговѣйнаго испрашиванія отъ него указаній на волю боговъ и исполненія даннаго завѣта въ нерушимой точности въ теченіе многихъ лѣтъ. Печально, конечно, что, въ частности, деревенскія женщины и дамы въ городахъ посѣщаютъ гадателей; но онѣ сами стыдятся своего суевѣрія. У вотяковъ— совсѣмъ другое дѣло: „туно"—общественное „учрежденіе", имѣющее свой смыслъ и право на существованіе по понятіямъ ихъ, и тѣмъ самымъ, отдѣльныя лица и семьи какъ бы парализованы въ пониманіи всего относящагося къ духовной жизни ихъ.

Далѣе, со стороны интеллигентныхъ людей также важнымъ возраженіемъ противъ человѣческихъ жертвъ выставляется „невозможность", чудовищность самаго процесса „моленія" человѣка, на подобіе животнаго, „каннибализмъ". При этомъ упускается изъ виду ограниченность и своеобразность культуры инородцевъ, что они, въ массѣ, духовно не развились еще до возможности появленія у нихъ альтруистическихъ чувствъ. Если русскихъ людей покрываетъ нерѣдко, какъ выражается профессоръ г. Вагнеръ, „дубовая кора", то полудикарь тѣмъ болѣе способенъ на совсѣмъ уже, на нашъ взглядъ, немыслимые поступки. Грубыя и малоразвитыя умственныя натуры почти не обладаютъ способностію входить въ положеніе другого: они еще не возвысились до чувства состраданія къ человѣку, испытывающему, ужасную на нашъ

взглядъ, кровавую операцію—„моленіе“: у нихъ только зачатки тѣхъ представленій, которыя въ развитой формѣ вызываютъ въ насъ страхъ предсмертныхъ мученій. И при томъ, эти „моленія“ не частное, зависящее отъ личной воли человѣка, дѣло, а общественный долгъ, роковая необходимость, выполненіе божественнаго велѣнія. Вотякъ убѣжденъ въ безусловной справедливости требованія „туно“—ворожеи; тутъ не можетъ явиться даже попытки къ критикѣ происходящаго предъ нимъ: одно ясно—неизбѣжная кара божества за неисполненіе его воли. Онъ поступаетъ такъ, не обсуждая своего положенія, не констатируя обстоятельствъ, а инстинктивно: такъ нужно—и конецъ. Исполнители, совершители жертвоприношенія, вполнѣ искренно могутъ увѣрять, что *они* не виноваты въ убійствѣ. Можетъ быть, лично они не рѣшились бы на такое дѣло, да и не съумѣли бы скрыть концовъ; но жертва нужна общинѣ, и участвующіе въ приношеніи ея только выполнили свой долгъ. Въ этомъ смыслѣ жертвенное убійство—какъ подвигъ—нѣчто ужасное: жалкіе въ темнотѣ безумцы стихійно увлечены теченіемъ общинной жизни, они, что называется, гипнотизированы требованіемъ прорицателя, всѣмъ складомъ многовѣковой жизни. Тяжкія кары безсильны будутъ удержать по своему убѣжденную массу отъ повторенія такихъ жертвъ, пока она не будетъ перевоспитана въ истинномъ духѣ ученія Христова.

Какіе идеалы рисуетъ подростающимъ поколѣніямъ „народная“ мудрость; что даетъ намъ вотскій эпосъ въ сферѣ взаимныхъ человѣческихъ отношеній? Отвѣтъ выяснится изъ примѣровъ.

Въ разсказѣ про „Идна-богатыря“, между прочимъ, говорится: „убили его русскіе, вынули изъ него внутренности, сердце и печень, испекли на горячихъ угольяхъ и съѣли“. (Верещаг. „Вотяки Сосн. кр.“, стр. 107).

Въ сказкѣ о Кукри-бабѣ: „пришла дѣвушка домой (послѣ того какъ утопила Кукри-бабу) уже ночью, когда всѣ домашніе ея спали... Ушла она спать на сѣнникъ, и тамъ кто-то ночью ее съѣлъ, оставилъ только волосы (Ib., стр. 166).

Въ книгѣ „Вотяки“ проф. г. Смирнова: „познакомился человѣкъ съ Палесъ-муртомъ... Палесъ-муртъ уснулъ, подошолъ къ нему человѣкъ, увидалъ изъ подплеча легкія и

печенки (сердце?) и вырвалъ ихъ съ одной стороны" (№ 5, стр. 32).

„Купецъ говоритъ: нужно позвать ребятъ и зарѣзать ихъ; когда мы ихъ съѣдимъ, мы, все таки, будемъ царемъ и сенатомъ. Солдатка согласилась, велѣла работнику зарѣзать мальчиковъ"... Впослѣдствіи, когда одинъ изъ послѣднихъ уже былъ царемъ: „говорятъ дѣти матери: ты насъ хотѣла съѣсть... вывели на дворъ, бросили на дрова и сожгли" (№ 2, стр. 35).

„У одного человѣка были двѣ жены; отъ старшей родились два сына, отъ младшей одинъ—Тазъ... Одинъ разъ братья узнали, что Тазъ уѣхалъ въ лѣсъ по дрова, пришли къ нему, завязали мать его веревкой за шею, удавили ее"... (Впослѣдствіи)—„Давай и мы убьемъ свою мать,—говоритъ одинъ братъ. Ладно, говоритъ другой,—взяли по веревкѣ и начали связывать и опутывать ими свою мать. Вязали—вязали, удавили свою мать" (съ цѣлью вымѣнять покойницу на красавицъ). (Стр. 23). И т. д.

Какъ „просто" разсказывается въ сказкахъ, такъ „просто" совершается и въ жизни. Въ „моленіяхъ", какъ и во всѣхъ прочихъ религіозныхъ дѣйствіяхъ вотяковъ, нѣтъ даже намека на аффектацію, на показность. При мысли о необычайномъ культѣ съ кровавой человѣческой жертвой, въ нашемъ воображеніи рисуется картина торжественнаго выполненія ритуала и проч. Въ дѣйствительности все совершается какъ бы обиходнымъ порядкомъ. Мы объяснимъ это однимъ примѣромъ, иллюстраціей изъ бытовой жизни вотяковъ. Всюду заключеніе браковъ сопровождается особенной на этотъ случай обрядностью, выполненіемъ множества церемоній, характерныхъ для каждаго народа и въ частности—для каждаго класса населенія. У вотяковъ свадьба сведена на крайнее упрощеніе. Правда, у живущихъ поблизости русскихъ, въ Глазовскомъ и частью въ Сарапульскомъ уѣздахъ, въ Казанской губерніи и проч., гдѣ всѣ браки обязательно вѣнчаются въ церкви, тамъ уже вошли въ обычай пированья, явились пѣсни и кой-какая обрядность. Совсѣмъ другое дѣло въ сравнительно глухихъ вотскихъ деревняхъ. Вотъ какъ устраивается тамъ вотская свадьба.

Въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ сваты—мужчина и жен-

щина (наприм., дядя, или старшій братъ жениха и какая либо родственница); войдя въ избу, ничего не говорятъ, а сватъ вынимаетъ табакерку и угощаетъ хозяевъ. Если отецъ не согласенъ—отказывается; при желаніи выдать дочь, беретъ щепотку и нюхаетъ; затѣмъ, берутъ по понюшкѣ всѣ, даже ребята; это означаетъ—съ общаго согласія. Но въ разъ дѣло не слаживается; въ особенности мать уклоняется отъ табаку,—уходитъ на печь; а невѣста ни въ какомъ случаѣ не показывается. Пріѣзжаютъ сваты 5—10 разъ и все съ табакеркой. Когда окончательно сговорятся, идутъ въ домъ свата и угощаются тамъ. Въ день свадьбы у невѣсты сдѣлаютъ столъ, бываютъ родственники и двое пріѣзжихъ сватовъ; невѣста изъ четвертной бутылки угощаетъ кумышкой или водкой отца, мать, братьевъ, гостей; при чемъ, „привываетъ" (поетъ и плачетъ). Попируютъ, выведутъ невѣсту во дворъ; помолившись въ шалашѣ предъ „мудоромъ", усадятъ ее въ телѣгу, рядомъ со сватьей, а сватъ на козлахъ—и дѣло слажено. По пріѣздѣ во дворъ жениха, сваха, выйдя изъ телѣги съ невѣстой, ведетъ ее, прежде всего, въ конюшню, въ хлѣвы и проч. Возвратившись оттуда, невѣсту помѣщаютъ въ амбарушкѣ, въ „кеносѣ". Жениха при этомъ и во дворѣ не бываетъ: онъ играетъ на улицѣ съ товарищами. Теперь отецъ и мать жениха идутъ въ кеносъ съ привѣтомъ къ будущей снохѣ, несутъ съ собой ломоть хлѣба, а на немъ коровье нетопленое масло; невѣста отщипнетъ того и другого немного и съѣстъ.—Мы лично наблюдали такую простоту „ритуала" и спросили: зачѣмъ сваха увела невѣсту прямо въ конюшню, а не въ избу. Намъ резонно отвѣтили: „корову купишь, куда ведешь? въ хлѣвъ же!"—Но то корова, а невѣста—человѣкъ?—„Одно все; чтобъ суѣдко (домовой) любилъ, надо его просить". Затѣмъ, невѣсту угощаютъ: посадятъ въ амбарушкѣ за столъ и поятъ кумышкой; туда и женихъ зайдетъ на короткое время. Вечеромъ невѣсту переводятъ въ избу, безъ жениха; впереди несутъ хлѣбецъ съ коровьимъ масломъ. Въ избѣ уже собрались гости; хозяинъ помолится предъ иконой. Невѣсту посадятъ на пары за занавѣску, дадутъ въ руки стаканъ съ кумышкой; она и пьетъ вмѣстѣ съ прочими. Гости садятся за столъ безъ невѣсты, а жениха и совсѣмъ нѣтъ въ избѣ. Только послѣ угощенія

стариковъ молодежь, игравшая на улицѣ съ женихомъ, уводитъ его и невѣсту въ шалашъ. Сварятъ надъ костромъ въ котлѣ густую болтушку изъ овсяной муки, прибавятъ въ нее коровьяго масла, помолятся и ѣдятъ. Остатки кушанья разбрасываютъ сначала на молодыхъ, а потомъ другъ на друга. Оттуда молодыхъ уведутъ въ амбарушку. Утромъ молодую ведутъ за водой: дружка и сватья поддерживаютъ ее подъ руки; у ключа изъ перваго ведра обливаютъ молодушку водой съ головы. Вотъ и все. Если чрезъ годъ, или два вздумаютъ вѣнчаться, то въ церковь придутъ пѣшкомъ, или пріѣдутъ на лошади только двое—„женихъ съ невѣстой", безъ поѣзда. Невѣнчанныхъ въ каждой деревнѣ десять—двадцать паръ, и дѣти у нихъ все „незаконнорожденныя" *). Впрочемъ, вотяковъ, почти сплошь, возможно считать какъ бы людьми безъ роду и племени: у нихъ нѣтъ фамилій, почему разобраться въ родствѣ ихъ весьма трудно. Дѣдъ значится—Михайло Петровъ, сынъ—Семенъ Михайловъ, а внукъ уже Василій Семеновъ и т. д. Понятно, въ каждой деревнѣ сходныхъ именъ съ „фамиліями" (Иванъ Петровъ, Петръ Ивановъ и проч.) всегда бываетъ нѣсколько наличныхъ, а умершихъ—многое множество. Является неизбѣжная необходимость разбираться по именамъ матерей, въ нѣкоторомъ родѣ—по воршуднымъ именамъ.

XXI.

Мы охотно соглашаемся съ возраженіемъ: не у всѣхъ вотяковъ бытовая жизнь сложилась такъ типично-просто, какъ описано нами. Болѣе 350 тысячъ вотяковъ Вятской губерніи не представляютъ однородной, компактной массы. Въ Глазовскомъ уѣздѣ есть вотяки совсѣмъ оставившіе свои обычаи, есть даже забывшіе свой языкъ, а въ Елабужскомъ и смежныхъ уѣздахъ только взрослые мужчины могутъ объясняться по русски. Но и здѣсь всюду проявляется иногда рѣзкое различіе въ жизни вотяковъ различныхъ селеній, даже въ одномъ и томъ же селеніи вотяки сохраняютъ каждое племя свои особенные обряды. Этнографы упускаютъ изъ виду весьма важное обстоятельство. Вотяки—народность, отличавшаяся

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 1897 году, въ Вятской епархіи насчитывается сводныхъ сожительствъ среди крещеныхъ инородцевъ до 2171.

до сближенія съ русскими, замѣчательною устойчивостью. Другія племена, входившія въ близкое общеніе съ ними, обязательно овотячивались. Это въ особенности замѣтно въ Елабужскомъ уѣздѣ, гдѣ сталкивались различныя народности. Черемиса, чтобъ сохранить самобытныя особенности, должны были удалиться и образовать большія деревни; тѣ же, которые остались на мѣстѣ, стали вотяками. Овотячивались татары, или, по крайней мѣрѣ, бывшіе болгары, имѣвшіе татарскія имена (Муртаза и проч.). Можетъ быть, этими племенными—родовыми особенностями и объясняются болѣе или менѣе рѣзкія проявленія—у однихъ языческаго изувѣрства, довѣрія ворожеямъ, и наоборотъ—у другихъ большей склонности къ усвоенію сущности христіанскаго ученія, русскихъ обычаевъ. Мы можемъ указать деревни, отстоящія на 10—15 верстъ отъ приходской церкви, гдѣ вотяки уже прекратили моленье въ общественномъ шалашѣ; тамъ, въ семьяхъ явилось подраздѣленіе: старикъ еще молится предъ „мудоромъ", поставивъ на него кумышку и др., а сынъ скорбитъ о грѣхѣ отца. Обрусеніе выражается въ сравнительной чистотѣ жилищъ и проч. Есть деревни, въ которыхъ, или вблизи которыхъ церковь выстроена болѣе ста лѣтъ, а большинство вотяковъ—завзятые язычники, живутъ грязно и замѣтно вымираютъ. Въ одной изъ такихъ деревень вотяки дѣлятся на бѣлое и черное племя; и послѣднее ведетъ родъ отъ черемисъ, жившихъ здѣсь болѣе двухъ сотъ лѣтъ назадъ. Вотъ, въ деревнѣ Аргабашѣ вотяки тоже двухъ племенъ—Малмыжскаго („Трыкскаго") и черемисскаго, по отзывамъ самихъ жителей. Въ деревнѣ Бетчурѣ одно изъ племенъ—„зырянское"; оно держится „старины"; семьи изъ него пасхальный праздникъ „Бодзымъ-нынаалъ" справляютъ въ великую субботу; тогда какъ другая половина деревни пасхальное (вотское) моленье исполняетъ на первый или второй день Пасхи. Есть три деревни, о которыхъ разъ уже мы упоминали,—Чабьи-Муртазинъ, Чумо и Тузьмо. Въ первыхъ двухъ—народъ смирный, поддающійся обрусенію, а въ послѣдней, находящейся между ними, жители необычайно грубые, неостанавливающіеся предъ убійствомъ, живутъ грязно, нравственность на низшей степени даже съ вотской точки зрѣнія.

Неправильное мнѣніе о вотякахъ составляется на основаніи наблюденій не надъ всей массой жителей хотябъ и одной извѣстной мѣстности, въ совокупности, а лишь—на выборъ, надъ тѣми изъ нихъ, съ которыми приходится разговаривать, или имѣть дѣло: это по большей части люди не чуждающіеся сближенія съ русскими, умѣющіе говорить по-русски, и, сравнительно съ прочими, развитые, благодаря тому же общенію съ русскими. У нихъ и въ избахъ почище, и женщины не такъ грубы въ обращеніи. Но тяжелое впечатлѣніе производитъ обыденная жизнь большинства вотскихъ семействъ. Вездѣ въ домѣ грязь, соръ и пыль; такая грязь, что соскабливаютъ ее съ пола лопаткой; въ котлы и ведра вливаютъ воду, безъ предварительной очистки, поочередно, то для собственнаго употребленія (для приготовленія пищи и др.), то для чистки грязнаго бѣлья, то для пойла скоту. Въ зимнее время въ избѣ воздухъ невыносимый, смрадъ отъ собственной нечистоплотности и болѣзненности живущихъ въ ней, отъ постояннаго присутствія телятъ, ягнятъ, птицъ (гусей, утокъ) и кормленія дойныхъ коровъ, которыя, конечно, не стѣсняются въ необходимыхъ отправленіяхъ. Болѣзни, въ особенности сифилисъ, тифы, трахома, бленорройныя воспаленія и послѣдствія ихъ, обезображиваютъ члены, обезсиливаютъ и крѣпкихъ отъ рожденія людей. Зараженіе идетъ безпрепятственно; оттого смертность ужасающая: семьи небольшія, многіе дворы -„сироты"—безъ работниковъ. Невольно, чтобъ налоги не росли безмѣрно, приходится припускать русскихъ крестьянъ на „умершія (убылыя) души". За небольшими исключеніями, въ такихъ „глухихъ" селеніяхъ масса идетъ къ ухудшенію во всемъ, къ вымиранію; а свѣта, заботливости объ участи совсѣмъ уже „темныхъ", неизмѣримо далеко отставшихъ отъ требованій современной жизни, людей, не знающихъ, какъ приспособиться къ ней, не видится ни откуда. При видѣ домашней жизни вотяковъ, невольно приходишь въ отчаяніе и задаешься вопросомъ: когда настанетъ время помочь этимъ заживо гніющимъ людямъ? Вятскому губернскому земству слѣдовало бы, не медля, въ мѣстностяхъ населенныхъ вотяками открыть за свой счетъ врачебные пункты: такъ, чтобы районы медицинскихъ участковъ ограничивались удобствомъ дѣйстви-

тельной близости къ извѣстнымъ селеніямъ, а не очертаніями уѣздныхъ границъ: уѣздныя земства, избирая „центральные“ пункты для больницъ, окраинамъ удѣляютъ весьма мало вниманія; между тѣмъ, глухія вотскія селенія именно расположены вблизи границъ Малмыжскаго, Елабужскаго и Сарапульскаго уѣздовъ.

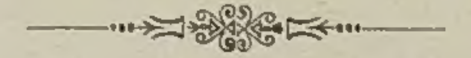
Близко познакомившись съ жизнью вотяковъ, мы можемъ опредѣленно сказать—при какихъ условіяхъ возможны дѣйствительныя улучшенія въ духовно-нравственной жизни вотскаго племени,—какими путями слѣдуетъ сотни тысячъ людей отвращать отъ языческихъ суевѣрій и воспитать въ духѣ христіанскаго ученія; когда представятся къ тому благопріятныя обстоятельства, мы не откажемся это сдѣлать. Здѣсь же считаемъ долгомъ остановиться лишь на выясненіи неотложной необходимости всеобщности обученія вотскихъ дѣтей грамотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, значитъ, русскому языку. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что школы слѣдуетъ открыть безусловно въ каждомъ вотскомъ селеніи. Высказываются мнѣнія о важности открытія новыхъ приходовъ, устройства бо́льшаго числа церквей въ мѣстностяхъ съ вотскимъ населеніемъ. Но при этомъ упускается изъ виду, что постройка новой церкви, содержаніе ея и причта требуетъ отъ населенія значительныхъ расходовъ, чѣмъ экономическое положеніе вотяковъ еще болѣе ухудшается; при томъ невозможно всѣ вотскія деревни обратить въ села. Борьба же съ языческою тьмою должна вестись одновременно и повсюду, чтобъ не затрачивать непроизводительно силы и средства, которыми возможно располагать на просвѣщеніе инородцевъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ *каждой* деревнѣ есть свой жрецъ и не одинъ, въ каждомъ селеніи есть свои языческія капища—общественные шалаши и т. д. Въ противовѣсъ, пусть будетъ въ каждомъ селеніи школа, помѣщающаяся не въ вотской избѣ, а въ приличномъ зданіи, въ которомъ могли бы собираться жители деревни для духовныхъ бесѣдъ, вечернихъ чтеній, а въ праздники и для молитвы. Въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ каждое вѣдомство въ отдѣльности было бы безсильно осуществить

вполнѣ необходимыя мѣры: нужны совокупныя усилія—правительства, духовнаго вѣдомства и земства. Прибавимъ къ этому еще: съ просвѣтительными начинаніями слѣдуетъ поспѣшить. Вотяки въ настоящее время находятся въ періодѣ вынужденной трезвости. При безпрепятственномъ куреніи кумышки въ вотскихъ деревняхъ, въ праздничное время происходило безразсудное пьянство: богатые изготовляли для себя десятки ведеръ опьяняющаго напитка. Съ 1890 года вареніе кумышки запрещено и преслѣдуется настойчиво; почему на праздники приходится покупать водку изъ винныхъ лавокъ и трактировъ. Съ этими заведеніями вотяки постепенно и ознакомляются: прежде они возвращались изъ города трезвые, а нынѣ уже рѣдко кто не выпьетъ сколько можетъ. Являются первыя ласточки—винныя лавки—и въ вотскихъ деревняхъ. Какъ ни скупъ вотякъ, но пагубная страсть къ вину сильнѣе многихъ другихъ, и отъ нея не мало инородцевъ въ Сибири вымираетъ. Кумышку пили много, но періодически, пять—шесть разъ въ году; а водку возможно получать ежедневно, за небольшую, сравнительно, плату и безъ хлопотъ, если заведеніе имѣется въ деревнѣ. За винными лавками явятся трактиры и т. д.

Мы не разъ упоминали о культурномъ вліяніи русскихъ крестьянъ на вотяковъ, но—печальный фактъ—сами русскіе въ нѣкоторыхъ деревняхъ начинаютъ усваивать дурныя черты безсердечныхъ взаимныхъ отношеній инородцевъ; нравственно неустойчивые переселенцы постепенно утрачиваютъ альтрюистическія чувства и оказываются способными на такія грубыя расправы съ нежелательными почему либо членами семьи, что не знаешь, гдѣ болѣе проявляется жестокости—въ „патріархальныхъ“ порядкахъ, или въ выполненіи „ритуала“ человѣческихъ жертвоприношеній. Однако, мы обойдемъ молчаніемъ извѣстные намъ факты, считая достаточнымъ лишь указанія на опасность отъ „темноты“ вотской и для русскаго населенія.

Настаивая на необходимости всеобщаго книжнаго обученія вотяковъ, мы думаемъ, что не лишнее будетъ ограничить дальнѣйшее распространеніе переводовъ на вотскій языкъ славянскихъ текстовъ догматическаго содержанія. Могутъ оказать дѣйствительную пользу изданія славяно-рус-

скихъ молитвъ, символа вѣры и др. только съ нѣкоторыми комментаріями на вотскомъ языкѣ, составленными осмотрительно. Желательно, конечно, чтобъ лица, поступающія на службу въ вотскіе приходы, были воодушевлены искреннимъ желаніемъ потрудиться для просвѣщенія христіанскимъ ученіемъ полуязычниковъ дѣйствіями и наставленіями, проводимыми въ жизнь разумно, послѣдовательно. Для этого недостаточно одной энергіи; эти лица должны быть предварительно подготовлены къ дѣлу: быть свѣдущими (теоретически) съ особенностями быта инородцевъ, и въ подробностяхъ должны изучить культъ языческихъ вѣрованій. Поэтому, въ курсъ семинарскихъ наукъ должно быть внесено не одно только изученіе инородческихъ языковъ, а ознакомленіе будущихъ дѣятелей съ этнографической литературой о вотякахъ и др. Равно и въ приходскихъ библіотекахъ инородческихъ селъ слѣдовало бы имѣть все, что касается подробностей быта мѣстнаго населенія*). Но и такіе подготовленные дѣятели съ дѣйствительною пользою могутъ трудиться лишь при наличности другихъ болѣе существенныхъ благопріятныхъ условій служенія, при совмѣстной дѣятельности и взаимной помощи всѣхъ посвятившихъ себя одному великому дѣлу, съ цѣлью—ускорить время полнаго торжества христіанства надъ вотскимъ язычествомъ. Приблизительно, такимъ путемъ возможно будетъ ввести въ среду русскаго народа сотни тысячъ настойчивыхъ и терпѣливыхъ тружениковъ, надежныхъ общинниковъ, которые, къ сожалѣнію, находятся пока на пути къ вымиранію, вслѣдствіе своей неприспособленности къ усвоенію высшей для нихъ современной культуры.

*) Въ упомянутой выше статьѣ „Епарх. Вѣд.“ высказывается также мнѣніе, что „духовенству инородческихъ приходовъ настоятельно нужно вооружиться точнымъ и достаточнымъ знаніемъ темныхъ вѣрованій инородцевъ ихъ прежняго языческаго культа... До сей поры наша духовная школа не давала знакомства съ язычествомъ инородцевъ... Крайне желательно составить очеркъ языческихъ вѣрованій, обрядовъ инородцевъ и распространить его среди духовенства“... (№ 19, стр 934, 935).

2007237480